

OCR - Nina & Leon Dotan 04.2007 (1-ая читка 10.2005)

<http://ldn-knigi.lib.ru> (<http://ldn-knigi.narod.ru>)

{X} - Номера страниц соответствуют началу страниц в книге.

Содержание книги – в начале текста.

В оригинале сноски находятся в конце соответствующей страницы, здесь - сразу за текстом! *Наши пояснения и дополнения - шрифт меньше, курсивом.*

Старая орфография изменена.

М. В. ВИШНЯКЪ.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ

Публицистическіе очерки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО « ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ »

ПАРИЖЪ

1922.

Тип. « Франко-Русская Печать », 216, Bd Raspail, Paris.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. СОВЕТСКИЙ БЫТ – стр. 1

I. Что делается в России? — Источники познания. — Правительственные сообщения. — Иностранная экспертиза. — Две категории экспертов. — Нелегальная литература.
II. Мизерность мировой войны по сравнению с гражданской в России. — «Математическое доказательство» конца большевиков. — Смертная казнь отменена. — «Да здравствует смертная казнь!» — Творимая легенда. — Хаос и случай. — Под условным расстрелом. — Достаточно ли одной правды?

II. КРЫМ - стр. 35

I. Падение Крыма. — На первом этапе. — «Образцовая Эвакуация». — Продолжение исхода. — Ни сомнений, ни лукавства.
II. Материал для будущего. — Кто виноват? — То, что было. — Два генерала — два антипода. — Стратегия и политика. — Кто кого обошел? — Личная диктатура, как метод преодоления существующей безличной диктатуры — Смысл крымской трагедии.
III. Что будет? — Расчеты победителей. — Надежды побежденных. — (С.-Д, К.-Д., С.-Р. — Политические одиночки. — Сложение сил и орган общественного мнения.

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. – стр. 72

Дальний Восток, как антитеза Крыму. —
I. Нравы сибирской атамановщины в изображении адм. Колчака. — Успехи большевизма за время «колчаковщины». — Борьба против сибирской реакции. — Идея демократического буферного образования. — Переговоры в Томске.
II. Перевороты в Иркутске. — Города-республики: Верхнеудинск, Чита, Благовещенск, Владивосток. — Приморье, как центр борьбы за создание демократического «буфера». — Японское выступление. — Отход большевиков на вторые позиции. — Дальневосточная Республика, как изолятор, и Верхнеудинск, как проводник московской политики. — Читинская конференция. — Агония дальневосточной демократии.
III. Три фактора. — Японская игра кошки с мышью. — Большевистская «правая политика левыми руками». — Положение демократии между молотом и наковальней. — Самоотречение во имя любви к родине.— Неоправданная жертва.

IV. КРОНШТАДТ – стр. 105

I. Новая страница новой главы. — Непосредственность кронштадтского восстания. — Коммунистическая кабала и порыв к свободе. — Методы Кронштадта и приемы большевизма. — Внутренняя правда и внешняя сила. — Март 1917 г. и март 1921 г. —
II. Политическая идеология. — Кронштадтские «пункты». — Новая жизнь и старая фразеология. — Советы в прошлом. — Советы, как социально-политический принцип. — Советы, как особый порядок избирательной техники. — «Свободно избранные советы», как тактический лозунг переходного времени. — Помрачение умов и развращение души.
III. Обреченность большевистской власти. — Самоощущение властителей. — Ощущение подвластных. — Сокращение социальной базы. — Не безличная и коллективная диктатура класса, а приближающаяся к единоличной диктатура партии. — Большевистские нравы и советские порядки. — Кто был в Кронштадте: народ или «привилегированные»? — Уроки Кронштадта.

{293}

V. СУДЬБЫ РЕВОЛЮЦИИ – стр. 139

I. Эпоха великих реформ рабоче-крестьянского правительства. — Уступки «крестьянскому сословию». — Милости рабочим. — Итоги реформ. — Экономика и политика. — От Маркса к Дюрингу.

II. Историческое приятие по-октябрьского периода революции. — Панлогизм меньшевиков и алогизм большевиков. — Генеалогическое родство и политическое сходство. — Иллюзия, парализующая волю.

III. «Историческая цельность русской смуты». — Отпавшие и ушедшие от революции. — Плоды октября и корни марта. — «Умеренные социалисты», как источник зла.

IV. Проекция будущего. — Мирная революция. — Нео-реставрация. — Термидор. — Бонапартизм. — Условное решение. — «Война роялистам и террористам», как условие восстановления России.

VI. СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ – стр. 179

Время, как политический фактор. — Немедленная мировая революция и временная передышка. — Две фирмы: «Коминтерн» и «Совнарком».

I. Национальный принцип и большевистская фразеология. — Большевистская практика и единство России. — «Удержание советской власти», как начало и конец самоопределения народов.

II. Народы России и мартовская революция. — «Последняя связь». — Порабощение России и освобождение окраинных народов. — От «фанатиков Востока» к «империалистам Запада».

III. Балканизаторы. — Щит Британии. — Экспансия Японии. — Бескорыстие Франции. — Прага и Вашингтон.

IV. Новые ноты. — Кавказский союз и балтийское объединение. — Децентрализация и федерация. — Расчленение сверху и объединение снизу. — Пограничные столбы и форма правления. — Большевизм, как отрицание свободы, единства и величия России.

{294}

VII. ТИХАЯ СМЕРТЬ – стр. 220

I. Чем люди живы? — «Индивидуальное добывание пищи». — От золотого века к каменному.

II. Проклятие прошлого. — Факторы голода: естественные и произвольные. — «Реальный нажим» и размеры голода.

III. Всероссийский Общественный Комитет. — Советская власть и «реалисты-общественники». — Общественность зарубежная. — «Россия превыше всего! Народ прежде всего!» — Капитуляция или трамплин? — Кремль и Лубянка. — Тройной просчет. — Ликвидация внутрироссийской помощи.

IV. Помощь, как международная проблема. — Голод и новые перспективы во внешней политике большевиков. — «Коминтерн» и «Коминдел». — Русский голод и интересы Европы, Азии, Америки. — Помощь людям, но не учреждениям! Хлеб голодным, но не кредиты власти !

VIII. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТУПИК?

- стр. 259

I. Итоги черного года. — «Пролетарская революция» и «буржуазно-демократическая программа». — Практические достижения.

II. «Новый курс». — Старое в новом. — Новая буржуазия. — «Очаги культурного одичания и разложения». — Реставрационный ажиотаж. — Расчет на воображение. — Капиталистические организаторы социализма. — Что случилось?

III. «Уничтоженная октябрьской революцией» старая буржуазия. — Соблазны. — Капиталистический ренессанс в советской России. — Пример Европы. — На распутье. — Конец маневренного периода.

Предисловие

Предлагаемая книга посвящена событиям и проблемам внутренней жизни России.

Составляющие ее очерки не преследовали задачи дать хронику или более или менее полный перечень текущих событий. Конкретные факты и события служили лишь материалом, на фоне которого ставились вопросы, освещались темы, посильно разрешались проблемы. Частное в свете общего, текущее и преходящее под углом зрения — не скажу: вечного, а более устойчивого, политико-исторического — таков метод очерков. Он позволил придать и, как нам кажется, сохранить за ними более длительный и общий интерес, независимо от момента и повода к их составлению. Действующие лица и «герои» проходят, обстановка меняется, вопросы же и проблемы остаются.

Говоря о разном, о явлениях, отдаленных друг от друга иногда не только географическими и хронологическими датами, очерки связаны воедино общностью плана и социально-политического воззрения. Написанные социалистом-революционером и демократом, они исходят от мысли о России и возвращаются мыслью, чувством и верой к той же России. Что Россия будет и будет свободной, — для нас не только утешение людей, лишенных родины и свободы сегодня и потому невольно взывающих града нездешнего в будущем.

Наша непоколебимая вера в Россию, в то, что 130-миллионная нация в XX веке не может быть обращена в небытие или в рабство, — рассудочно утверждается на том, что Россия перестала уже быть на попечении какого-либо одного класса или одной партии российской гражданственности. Россия приковала к себе взоры всего человечества, проникнув в самые поры внешней и внутренней жизни других народов, связав с своими судьбами судьбы всего мира. И если даже сегодня своею нежизнью она определяет судьбы цивилизации, можно ли сомневаться в том, что, когда кончится хождение России по мукам, она, свободная, снова войдет в творчество мировой культуры?!

Книга состоит из восьми очерков. Первый и седьмой посвящены бытовым явлениям советского строя: смертной казни и голоду. Второй, третий и четвертый — касаются трех различных методов или типов преодоления большевизма. Они условно обозначены географическими терминами: Крым, Дальний Восток, Кронштадт. Пятый и шестой — рассматривают судьбы революции и государственного единства России. Наконец, последний, восьмой очерк вплотную подходит к тому экономическому «повороту», или политическому тупику, из которого выхода советской власти уже нет.

Многие идеи и проблемы истекшего года можно бы было сейчас иллюстрировать иначе. Многие факты можно было бы дополнить, изложить или прокомментировать на иной лад. Однако, основной и проклятый вопрос русской жизни — падет ли обреченный гибели Карфаген или будет взят — остается, увы, неразрешенным и по сей день. И тем, что место энтузиаста или «краснобая» Станкевича, призывавшего еще год тому назад русскую интеллигенцию «назад в

Россию», органически перерождать советскую власть мирным трудом, теперь занято «людьми дела» — Путиловыми, Слацевыми, и Ключниковыми,— прежняя проблема не устраняется, а только видоизменяется.

Данные о смертной казни в 1920 году нетрудно было бы дополнить новейшими данными: ссылкой на официальные сводки, по которым за один, например, июнь 1921 г. казнено в Москве 748 человек, в Петрограде — 216, Харькове — 418, Екатеринодаре — 315 и т. д.; или указанием на сентябрьские убийства 61-го в Петрограде... Можно бы было легко иллюстрировать «идею» сохранения русской вооруженной силы за границей фактами последнего времени: в частности, — убитыми и ранеными на сербской границе в стычках с албанцами... Составляя общий список советских социалистических республик сейчас, надлежало бы в него включить, конечно, и «автономную крымскую советскую социалистическую республику», образованную постановлением В. Ц. И. К. 21-го сего октября...

Можно было бы внести изменения и поправки и в менее существенном. Так, в числе «источников познания» России надлежало бы упомянуть о тех возникших недавно заграничных изданиях, которые и сами себя с горделивой готовностью именуют «рептилиями». Можно бы было оговорить, что «Голос России» и «Последние Новости», не раз цитируемые в очерках, — переменили в течение «Черного Года» своих редакторов, а с ними вместе и политическое направление. И т. д.

Мы не стали, однако, на этот путь, не желая ни отягчать изложения подстрочными примечаниями, ни перерабатывать или заново излагать свои очерки. Те немногочисленные изменения, которые все-таки были сделаны, — почти всегда стилистического свойства.

Нам хотелось сохранить нетронутой первоначальную перспективу, в которой очерки составлялись в качестве внутренних обозрений для №№ 1-8 журнала «Современные Записки» (ноябрь 1920 г. — ноябрь 1921 г.), и которая представляется нам правильной и сейчас.

1-ое декабря 1921 г.

Париж.

I. СОВЕТСКИЙ БЫТ.

Традиция русской журналистики. — Собрание рассеянного света. — «Рефлекторы» и «аккумуляторы». — I. Что делается в России? — Источники познания. — Правительственные сообщения. — Иностранная экспертиза. — Две категории экспертов.— Нелегальная литература. — II. Мизерность мировой войны по сравнению с гражданской в России. — «Математическое доказательство» конца большевиков. — Смертная казнь отменена. — «Да здравствует смертная казнь!» — Творимая легенда. — Хаос и случай. — Под условным расстрелом. — Достаточно ли одной правды?

I.

Тютчев был явно односторонен и тенденциозен, когда утверждал, что в Россию можно *только* верить. Но он несколько не преувеличивал, когда заявлял, что ее «аршином общим не измеришь». Нынешняя Россия оказывается неизмеримой ни «общим аршином», ни какой-либо иной общей или индивидуальной мерой. Вне точного познания, статистического учета и систематического наблюдения Россия оказывается сейчас *вне измерений*.

Даже те, кто находятся в России, отказываются ответить на вопрос, — что делается в России? Порвана живая ткань единого государственного организма. Общий запрет покидать места своей приписки, специальные пропуска и разрешения для въезда, прекращение частного пассажирского движения, сокращение транспорта, затруднения в продовольствовании в пути, в приискании {2} крова на новом месте, и т.д., создали то, что Россия разбилась на ряд отдельных территорий, живущих своей самостоятельной жизнью и лишенных постоянной связи с населением иногда смежных губерний.

Исчезло самое характерное для органической жизни: разнообразие, свежие краски, жизненная пестрота. Ни разных оценок, ни разных отображений. Всюду, насколько хватает глаз, единый, мертвенно-тусклый тон и общий казарменный ранжир. Когда-то можно было не только самому слышать шумы жизни, не только внутренним взором проникать в скрытый ход вещей. Можно было вкладывать свои и чужие персты в действительность. Можно было не только субъективно оценивать, призывать или обличать, можно было аргументировать независимым суждением или зарегистрированными объективно фактами. Где эти возможности сейчас? Где те живые люди, которые еще рисковали бы в России регистрировать жизнь по-своему, так, как они ее видят, слышат, оценивают? Если бы даже нашлись такие одиночки, рискующие не своим уютом или свободой, как в былые времена, а свою жизнь — tout court — и не только свою, но и своих близких, — как могли бы они это сделать? Печати нет не только потому, что власть политически не терпит никаких других органов, кроме своих. Печати нет и по экономическим причинам: потому что нет бумаги, нет краски, нет машин, нет транспорта и телеграфа, нет продуктивного труда, *нет живой России*.

Вымирают целые возрасты. Отмирают не только целые разряды людей, но и вещи, учреждения, наука, культура. Замирает всякое движение — литературное и идейное — свойственное жизни. Увы, не столько жизнь приходится обзирать теперь в России, сколько смерть, процессы быстрого и медленного умирания...

В таких совершенно исключительных условиях, если не {3} ограничиваться святой верой в Россию, а пытаться хоть как-нибудь «обнять» ее и умом, — не приходится пренебрегать ни одним из существующих источников познания того, что происходит сейчас в отдельных местностях России. А таких источников всего-то три. Это, во-первых, правительственные сообщения, публикуемые во всяческих «Известиях» и «Правдах». Это, во-вторых, показания и заключения, даваемые о России более или менее знатными иностранцами, допущенными туда советской властью. Наконец, в-третьих, это, — изустные рассказы удачливых беженцев из России или полуконспиративные письма, изредка прорывающиеся сквозь все преграды. Сюда должны быть отнесены и те немногочисленные листки, открытые письма и прокламации, которые с риском для жизни, своей и своих близких, все же выпускают уцелевшие в России смельчаки.

Последние два источника скудны. Первый же, более чем обильный, местами положительно затопляющий Россию, до нас доходит тоже лишь случайно и спорадически. Негодный к употреблению в своем натуральном виде, этот источник приобретает некоторые полезные свойства, после определенной обработки. Кривое зеркало не дает правильного отображения. Однако, и по кривому зеркалу можно получить представление об отображаемом предмете. Так, внося в советские официальные сообщения поправку на нормальное «отклонение», толкуя, как в эпоху самодержавия, умолчания, беря факты и откидывая выводы, умозаключая иногда от обратного, — можно и из большевистской литературы извлечь немало жемчужных зерен.

К примеру. Из московской «Правды», т. е. из советского официоза, от 3 сентября с. г. мы узнаем:

...«матерная брань составляет теперь около 75% всех произносимых коммунарами слов!, и даже дети, только {4} начинающие говорить, первым делом узнают ругательные слова».

Или та же «Правда» сообщает о чудесах пролетарской культуры, об изобретениях советских гениев, придумавших — один: «пеньковый водоемный рукав, вполне заменяющий резиновые рукава», а другой — рабочий Долгих:

...«изготовление цветных карандашей простым холодным способом, причем карандаши эти ничем не отличаются от фабричных. И, наконец, рабочий Соллогай изобрел машину для литья пломб, за которую техническая комиссия Пермской жел. дороги выдала премию в 100 тысяч рублей и одежду не в зачет».

Когда сопоставляешь подобные факты с показаниями бытописателя советской жизни, М. Горького, свидетельствующего в петроградской «Красной Газете» № 153 от 13 июля:

...«Труд стал постыдно небрежен и как-то злостно бестолков... Никогда еще мы не работали так скверно и так нечестно, как работаем сейчас... Мелочей тысячи,

десятки тысяч, и они создают атмосферу безобразной расхлябанности, лени, преступной небрежности в отношении к имуществу республики... Разумеется, все это очень мелко, особенно мелко для нас, желающих научить весь мир новому порядку и укладу жизни, но можно ли научиться сознательному труду от учителей, которые сами не умеют или не хотят работать, и у которых скоро последние штаны с ног спадут. Не думаю, что европейский рабочий станет смотреть с уважением на голые задницы своих русских товарищей».

— этим сообщениям веришь. Веришь не только потому, что они слишком яркие, чтобы быть выдуманными, или — что они совпадают с данными нашего личного опыта и априорными предположениями о возможных достижениях советского строя. Этим фактам веришь потому, что они внутренне убедительны, вполне гармонируют друг с другом и подкрепляют один другой. Язык советского псаломщика не выходит за пределы лексикона, употребляемого 75 % коммунистов. Гений советской культуры не идет дальше сметки и выдумки кустаря, {5} возвращающей Россию к примитивному, докапиталистическому производству. Натуральная пенька и «холодные способы» взамен резины, топлива и машины — эти официально удостоверенные факты выразительнее многих трактатов говорят о чудесах советской республики и ее явных преимуществах перед всеми «паршивенькими» буржуазными демократиями.

Большевистские перья вольны из нужды делать добродетель: крайнее материальное обнищание и вырождение выдавать за перлы пролетарского творчества. Но если откинуть правительствующее задание, — факты, сообщаемые правительственной печатью, сохраняют свое значение. Они имеют сугубое значение для тех, кто свой законный скепсис к показаниям заинтересованных сторон почему-то склонны проявлять односторонне: не в отношении в предрержащей большевистской власти и ее «официальным» сообщениям, а в отношении к жертвам этой власти, взывающим о ее преступлениях.

Современное правосознание настолько твердо установило, что на обвинителе лежит бремя доказательств, что даже в атмосфере полного отрицания права и всех основ судебного процесса, — то же требование доказать свои обвинения возлагается и на противников большевистского режима, предусмотрительно лишившего свои жертвы не только возможности доказать свои утверждения, но, зачастую, — даже самого существования. В таких условиях не приходится проходить мимо того материала, который временами приносят мутные воды большевистской литературы. Материал этот редко доброкачественен. Но он незаменим. Одни только ему и верят, только его и ценят. Но и для более щепетильных и брезгливых показания большевиков о самих себе представляют несомненную ценность. Ибо обманывать можно и себя, и других, — клеветать же можно, только на других. Кто станет клеветать на себя?

{6} Другой источник — свидетельства иностранцев — требует тоже осторожного с собой обращения.

Иностранная экспертиза по русским делам свое главное значение сохраняет для формирования общественного мнения в странах, экспортирующих экспертов: своим всегда верят больше и скорее, все люди, классы и нации.

Экспертов приходится подразделять на две категории: на

психологически принявших «советскую платформу» и ее отвергших.

У первых сведения можно черпать лишь с теми же оговорками и поправками, что и у российских апологетов большевизма. Пожалуй, — даже с большими. Ибо там, где отечественный большевик откровенен до цинизма, там его западноевропейский выученик застенчив и робок, и не всегда твердо повторяет положенные ему зады.

Совсем недавно один из таких большевистских недорослей — Кашэн — пытался убедить общественное мнение Франции в необычайном расцвете пролетарской культуры в России:

«Самый широкий простор открыт инициативе и изобретениям, которые рождает пролетарский гений по мере того, как освобождение от капитализма и просвещение дают ему больше досуга», — писал Марсель Кашэн по приезде из России. (L'Humanité — 8.VIII).

Достаточно вспомнить зарегистрированные самими большевиками «пеньковые водоемные рукава» или «холодный способ» изготовления карандашей, — чтобы по достоинству оценить и восторг Кашэна, и достоверность его показаний.

Большинство из того, что сообщают эксперты кашэновской категории, — негодно к употреблению. Но некоторые, преимущественно бытовые частности, о которых рассказывают неискушенные простецы, должны быть удержаны, как материал, исходящий от лиц, желающих оправдать советский режим и, вопреки своему заданию, его обличающих.

{7} Когда восхищенные иностранцы отзываються о нотах советского комиссариата иностранных дел, как о «шедевре мысли, здравого рассудка, умелости и честной открытой дипломатии» (Кашэн в L'«Humanité», 12-IX) ; или заявляют, что «ни одно законодательство в мире не может идти в сравнение с законодательством о социальном обеспечении в России» (Фроссар, там же, 31-VIII), — мы можем совершенно спокойно пройти мимо этого необоснованного энтузиазма. Всякий знает эти ноты и может самостоятельно оценить эти «шедевры». Мы при этом вспоминаем лишь об «une femme brune, aux formes sculpturales, au visage d'une rare finesse» и «de la vodka de derrière les fagots», о которых так живописно и непосредственно повествует Фроссар, рассказывая о приеме, который его ждал в Москве и под Москвой, — и спрашиваем: «брюнетка» или «водка» застила глаза заезжим иностранцам настолько, что они не увидели в советской России того, что есть, и нашли в ней то, чего нет?...

Но когда тот же Фроссар передает содержание беседы, которую он имел с председателем Высшего Экономического Совета, мы можем извлечь из этой передачи ценные данные.

«Показывая нам два громадных тома — кодекс труда, Рыков обратил наше внимание на то, что большая часть внесенных в кодекс законов и декретов имеет только исторический интерес. Они отменены или заменены другими. Советский режим не останавливается ни перед какой рутинной. Он удивительно умеет приспособляться ко всякому новому положению».

Это «удивительное умение приспособляться ко всякому новому положению» и признание «только исторического интереса» за большей частью «рабоче-крестьянских» законов и декретов должно быть удержано не только потому, что эта характеристика советского строя исходит от

одного из советских авторитетов, но и потому, что она обобщает те эмпирические и разрозненные {8} факты, которые давно доходили до нас об удлинении рабочего дня; о премиальной системе; об упразднении всякого, не только рабочего, контроля; об единоличном начале в управлении; и т. д.

Вторую категорию иностранных экспертов составляют те, которые были и оказались «иммунны» по отношению к большевизму. Из этого источника можно почерпнуть не только то, что советская власть сочла нужным показать своим гостям. Там можно встретить и то, что путешественники сами увидели: не то потому, что зрелище слишком резко бросалось в глаза; не то потому, что они сами изловчились подсмотреть.

Англичанка Сноуден свидетельствует о неусыпном наблюдении, которому подвергали советских гостей агенты власти «для защиты делегатов от контрреволюционеров и польских шпионов, у которых могут оказаться «бомбы в карманах».

Она поражается той умелости, с которой советские власти

...«ставили делегацию в особо хорошие материальные условия для того, чтобы извлечь из нашего пребывания в России наибольшую пользу для целей пропаганды».

И тем не менее кое-что она все-таки сумела подметить самостоятельно.

«Я видела профессоров университета, явившихся ко мне с визитом, в лохмотьях подобно английским бродягам. Мне часто приходилось видеть бедных женщин в ситцевых платьях, и ясно было, что платья покрывают голое тело... С завистью смотрели они на наши башмаки и испытывали большое удовольствие от прикосновения к коже на обуви».

Этот источник, конечно, ценен. Для нас его значение у малывается лишь тем особым подходом к русской проблеме, который за последнее время стал общепринятым среди всей {9} антибольшевистской оппозиции в Европе. И антибольшевики-социалисты здесь, увы, не составляют исключения.

Русский большевизм, его цели и методы — при этом подходе — осуждаются не сами по себе и не безусловно, а ограничительно, применительно лишь к Западной Европе. Для себя английские, французские, немецкие, итальянские и иные рабочие отвергают большевизм. Но русским рабочим предоставляется в полной мере пользоваться его благами. Реакция против во всех отношениях неудачных интервенций, которые предпринимали меньше всего думавшие о России правительства, — психологически вполне законна. Но эта реакция доходит до того, что и западноевропейский рабочий класс отказывается вмешиваться в русские дела. Даже словом!

Отказывается осудить большевизм для России рекомендуя придерживаться по отношению в ней фритредерского принципа, невмешательства — *laisser faire, laisser passer*.

Этот отказ от вмешательства в «чужие» дела — в дела, связанного международной солидарностью класса трудящихся России — доводит иногда ревнителей такого метода до извращения действительности.

«Русский народ предпочитает советскую систему. Это его дело», — рискнул «от имени всего рабочего класса Великобритании» заявить на последнем конгрессе трэд-юнионов один из признанных вождей английских рабочих — Томас.

Вот это-то различие между Европой, для которой большевизм негоден, и Россией, для которой он будто бы пригоден, подобно многим другим товарам, изготовляемым на капиталистическом рынке со специальной пометкой «*bon pour l'Orient*» — «годится для Востока», этот своеобразный подход иностранцев к российским нуждам и горю исключительно с точки зрения своей, замкнутой национальными пределами, внешней и внутренней политики, не может не ранить больно достоинства {10} российских граждан. Он заставляет российских социалистов относиться сдержанно в дарам даже единомышленных данайцев.

Есть, наконец, и третий источник познания России, самый ценный, но и самый редкий. Это — документы и отзывы пребывающих в России политических деятелей. Изредка такие документы все-таки пробиваются на вольный простор, несмотря на все чрезвычайные заставы и преграды. Этот источник сугубо ценен: не только по содержанию непосредственно в нем почерпаемого; он ценен и тем, что дает возможность использовать другие источники познания, освещая советский хаос и внося поправки в показания других, искажающих правду по умыслу или незнанию.

Так, письмо, дошедшее недавно к П. Б. Аксельроду из Москвы, от одного из ближайших его друзей и товарищей по социал-демократической партии, удостоверяет следующий, неслыханный в летописях открытого социалистического движения скандал.

«Фроссар, и Каиэн, — пишет корреспондент П. А. Аксельрода, — привезли московским социалистам-революционерам письмо от Сухомлина, адресованное Мартову с просьбой передать кому-либо из с.-р. Эти милые французы не нашли ничего лучшего, как передать письмо в Комиссариат иностранных дел. Там письмо вскрыли и сняли копию. Лишь после этого, и то случайно, дошло оно до Мартова. Письмо совершенно невинного содержания. Простая информация. Несчастья большого не произошло. Но что вы скажете об этих сотрудниках Черного Советского Кабинета?»

В том же письме, сообщается:

«Вступительная речь Бен Тернера в Петербурге была безжалостно извращена Балабановой. То же самое произошло с речью Споуден в Москве. Балабанова попросту опустила целую половину, показавшуюся ей ниспровержением существующего строя. {11} Великий пресидижитатор Гришка Зиновьев принял свои меры, чтобы показать англичанам наши «достатки». На банкете в Петербурге столы ломались под тяжестью яств: были горы хлеба, масла, телятины, и т. д. Рабочие и работницы набросились на эти деликатесы, которых они давно не видали. Англичан поразила жадность, с которой рабочие все пожирали. Демонстрация нашего «благополучия» в продовольственном отношении провалилась».

Такие сообщения имеют, конечно, более общий смысл, нежели факты, в них заключенные. В частности, каждый может задать себе вопрос: если Балабанова «опускала» то, что ей не нравилось в речах иностранцев, то в каком виде доходили до иностранцев речи, с которыми к ним обращались русские граждане, не из числа агентов власти?

Что «доносили» до слуха иностранцев советские переводчики, среди которых Балабанова по справедливости считается одной из наименее бесчестных?..

Вообще общались ли иностранцы с русскими политическими деятелями некоммунистического толка? В этом позволительно сомневаться, судя по документу, дошедшему до нас от Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и озаглавленному «Письмо к партийным организациям». Этот документ имеет такой же вид, какой имела обыкновенно нелегальная литература недоброго старого времени, когда, как и ныне, гектограф заменял в России свободный станок. Мы читаем в нем:

«Проставленные к приезжим переводчики играли роль церберов, охраняющих их от тлетворного влияния подлинной русской действительности. Письма, обращенные к делегации, кем-то вскрывались и, когда нужно, уничтожались. Так, делегация не получила приветственного письма петербургского комитета нашей партии, которому поэтому не удалось вступить с ней в контакт.

В Москве агенты «Чрезвычайки» караулили помещение делегации и «проверяли» приходящих. Власти {12} старались занять все время делегации торжествами, парадами и осмотром советских учреждений.

Поездка по Волге и на фронт, устроенная англичанам властями, была организована в обычном порядке экскурсии «высочайших гостей», которым показывают заранее подготовленные спектакли.

При таких обстоятельствах, партии трудно было в ее полулегальном положении значительно расширить рамки действительного ознакомления английских товарищей с русской жизнью и приходилось приспособиться к создавшимся условиям».

Эти слова вырастают в своем значении, если принять во внимание, что «в своих беседах с английской делегацией и работах для нее» Центр. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии ставил своею целью прежде всего «укрепить борьбу английского пролетариата против интервенции и за признание советской России», «подчиняя, — как говорится в документе, — всю критику общей и экономической политики большевизма и его методов требованию усиления борьбы международного пролетариата за снятие блокады и мир с Россией».

Именно эти-то беседы, вероятно, и подсказали впечатлительной миссис Сноуден ее суровый отзыв о российских социал-демократах, как о «молчаливых свидетелях растущего отчаяния, страданий и нужды». Они в то же время подчеркивают тепличность этой обстановки, в которой выращивались суждения иностранных делегатов о русских делах. Если иностранцев устранили от общения даже с теми, кто в смысле ближайших достижений во внешней политике практически добивался того же, к чему всячески стремилась и советская власть, — то можно ли было ждать свободной встречи иностранцев с теми, кто «не подчинял» критику большевизма требованиям признания советской власти, — с «немолчаливыми свидетелями» растущего отчаяния, страданий и нужды, — словом, с теми, кто ниспровержение большевистского строя вооруженной рукой считал и считает не клятвой пылкого Аннибала. данной в {13} минуту увлечения, а исторической неизбежностью, роковой и непреодолимой никаким передвижением политических целей, никаким подчинением главного привходящему и производному?

Или таких в советской России уже немного осталось?..

Увы, у нас нет достаточной уверенности в благоприятном ответе на этот вопрос в особенности, в отношении российских центров, всегда

шедших впереди и своим примером увлекавших провинцию.

Вот другой документ — открытые письма Виктора Чернова к Ленину и Каменеву по поводу ареста его семьи — жены и трех дочерей, в возрасте от 10 до 17 лет, посаженных в тюрьму после митинга московских печатников, на котором, в присутствии английской делегации, с яркой речью выступил их отец и муж, неузнанный агентами власти, благодаря отросшей бороде. Поздравляя Ленина «с крупным успехом на внутреннем фронте», В. М. Чернов писал:

«Обстоятельства этого ареста показывают, что я могу поздравить совет народных комиссаров также с немалым прогрессом в технике работы его розыскных органов, после задержания матери, к детям, находящимся в поезде железной дороги, подсылают какого-то человека, ночью, сообщающего им эту тревожную весть, в расчете, что они бросятся, как к единственному убежищу, к отцу; по их пятам пускают сыщиков, устраивают целую облаву и арестуют, как мнимого Чернова, человека, вся вина которого в том, что он осмелился принять с вокзала и обогреть детей, оказавшихся внезапно без приюта, без отца и матери.

Это — уже второй случай провокаторского подсыла... Вся грязь провокаторски-предательских приемов, не брезгающих эксплуатировать чувства детей к отцу, все то, перед чем останавливались порой даже более чистоплотные из жандармов старого режима, — ныне воскрешено вами».

Письмо Каменеву — более личного содержания. Оно вызвано попыткой Каменева (или его жены) не то взять к себе {14} заключенную в тюрьму десятилетнюю девочку Чернова, не то перевести ее в кремлевский детский сад. Протест против этой попытки заключается словами:

«Если бы в России, находящейся под Вашим управлением, могла идти речь о правах, — я по праву отца требовал бы передачи моей дочери представителям общества помощи политическим ссыльным и заключенным (Кр. Кр.). Но так как в современной России, кроме членов Вашей партии, все ввергнута в состояние полного бесправия, то в Вашей власти, конечно, — изощряться в изобретении различных форм секвестра малолетних детей Ваших политических противников-социалистов, а в нашей власти лишь одно: публично клеймить всю гнусность подобных деяний, до которых даже самодержавие доходило в виде исключения в наиболее темные и позорные времена своего существования».

Что в «их» власти — более или менее общеизвестно. «Изощрения в изобретении различных форм секвестра малолетних детей» — только новый штрих, деталь в общей системе этой власти. Но чтобы «в нашей власти» оставалось «лишь одно», единственное средство борьбы — «публично клеймить всю гнусность подобных деяний», — слышать такое признание из уст лидера партии, справедливо гордившейся своим активизмом, — это, быть может, самое безотрадное из тех безрадостных вестей, которые доходят из России...

Случайные образцы последнего вида «источников познания» России — частные письма — подтверждают скорбную безнадежность перспектив.

Беженец из Москвы от половины августа, молодой человек, социалист, пишет:

«К. умер в Бутырках. Ф. в декабре прошлого года погиб на оренбургском фронте. М. расстрелян. Когда М. арестовали, родители не особенно испугались даже. Думали — недоразумение. На другой день понесли пиццу, ответили, что в списках арестованных такого нет. Пиццу не приняли. На третий день, когда родители снова понесли пиццу, им ответили, что М. расстрелян. Через {15} несколько дней в газетах

опубликовали, что М. расстреляли за подкуп. А у него и средств никаких не было.

Е. в тюрьме. Его брат Л. тоже. С. скрывается. Жену его взяли заложницей. К Г. вселили двух чекистов. Две недели тому назад арестовали Г. Потом перенес благополучно тиф. Л. настроен хмуро. Иногда улыбается.... Группа «Народ» выпустила летом пару листов. В самой Москве полное спокойствие. Видов на будущее никаких. Мертвая тишина. В провинции временами вспыхивает. Тотчас подавляют».

Мертвая тишина. Видов на будущее никаких. Изредка улыбается... Исчезает в России то, что, по уверению Бергсона, единственно и отличает человека от животного, исчезает смех.

Обесчеловеченная, кладбищенская Россия!..

II.

Чтобы действовать, надо предвидеть. Чтобы предвидеть, надо знать. Но первое того и другого, — надо быть. Прежде всяких рассуждений о политических тенденциях и перспективах стоит вопрос о физическом бытии русского народа. *Primum vivere, deinde philosophari*. В вечной схватке смерти с жизнью кто побеждает на территории России?

Мы имеем на этот счет официальные данные. Они принадлежат Комиссариату Общественного Здравия в советской России. Как всякие данные, исходящая от правительственных учреждений, они грешат скорее казенным доказательством благополучия, нежели излишним сгущением мрачных красок или цифр.

По этим данным смертность в советской России с 25,4 человек на тысячу в 1917 году возросла в 1919 г. до 74,9 на тысячу. На ряду с этим рождаемость с 39,4 на тысячу в 1917 г. упала в 1919 г. до 13 на тысячу. В 1917 г. рождаемость превышала смертность больше, чем на 50 проц. На {16} третий год большевистской власти смертность в шесть раз превысила рождаемость.

Надо вдуматься в эти цифры.

Они становятся еще более выразительными, если сопоставить их с другими цифрами: с цифрами рождаемости, и смертности других стран, хотя бы даже «вырождающейся» Франции.

До войны смертность во Франции в процентном отношении, совпадала с ее рождаемостью. Достигая 1,9 проц. (по отношению ко всему населению Франции), смертность в абсолютных цифрах была все-таки ниже рождаемости — на 17.300 человек. Во время войны, если взять самый тяжелый для Франции 1916 год, смертность поднялась до 2 проц., а рождаемость упала до 1 проц. Это было в самый кровавый год небывалой войны в наиболее обескровленной ею страны.

В России, вышедшей из рокового огня внешней войны для того, чтобы сжигать себя на бесчисленных кострах своих внутренних фронтов, — 1919 год дал превышение смертности над рождаемостью в 6,2 проц. Таким образом на третьем году гражданской войны в России превышение смертности над рождаемостью (6,2 проц.) более чем в 6 раз превосходило превышение смертности над рождаемостью во Франции на третий, самый для нее жестокий год мировой войны (1 проц.)

Подтвердилась старая истина: из всех видов и родов войны гражданская война — самая жестокая.

Население России убывает сейчас в большем количестве и быстрее, чем в какой-либо иной стране. Оно явно и стремительно идет к

своему уничтожению. Если бы установить знаменатель этой прогрессивно возрастающей убыли, можно было бы математически вычислить время, когда действующая сейчас в России власть ликвидируется, так сказать, естественным {17} порядком. Харьковский профессор статистики А. Анциферов производит такой примерный расчет. Принимая, с явным преувеличением действительности, численность населения России в 150 миллионов и допуская, «опять таки в качестве наиболее благоприятного предположения», что «темп ускорения убыли населения будет ниже нынешней нормы в 26, — положим, что всего 20», проф. Анциферов приходит к заключению, что

«если бы советский режим продержался еще пять лет, то вымерла бы половина всего населения, и остался бы всего 71 миллион; через 10 лет во всей России осталось бы меньше 20 миллионов жителей, через 15 — меньше 2-х, а через 17 лет (1937 г.) — всего несколько сот тысяч».

Эти вычисления отнюдь не обозначающие, что естественный конец большевистской власти наступит тогда, когда скончаются все российские большевики. Наоборот. Большевики-то, дольше всех выживут. Переживут и свою власть. И когда пробьет, наконец, ее час, он застанет немалую часть большевиков переместившимися в Германию, Китай, Индию, на Огненную Землю. Такие перемещения, во благовремени наблюдаются частично уже сейчас. Газеты неоднократно отмечают сильную тягу комиссаров в Германию и в лимитрофные страны.

Если царству большевиков уготована естественная смерть, она придет, увы, по костям русского народа, а не его правителей. И в этом — безысходный ужас, делающий неприемлемыми все «математические доказательства» грядущего небытия большевиков, все политические расчеты на то, что большевизм кончится сам собою, естественно изжив себя до конца. Большевизм, к сожалению, попытается сначала изжить до конца всю Россию, ее богатства, культуру и народ, — прежде чем кончится сам. И главное свидетельство тому, быть может, даже не число смертей, которое с неумолимой закономерностью влечет за собою большевистский режим, а та обстановка жизни, которая создалась {18} в советской России. Большевистская власть держит все население в повышенном состоянии вечного ожидания насильственной смерти. Из жуткого наследия смертников еще царской эпохи мы знаем, насколько ожидание смерти страшнее всякой смерти: «легче умереть на виселице, нежели ожидать вот так каждую минуту, что откроется дверь, и скажут: выходи!» (Из писем 18-летнего Маврофриди, приговоренного к смерти Новочеркасским военно-окружным судом в декабре 1908 г.).

В начале текущего года российский большевизм переживал апогей своей славы и триумфа. Плененный Колчак и разбитые Юденич и Деникин символизировали военное могущество советской власти. На политическом фронте капитуляция недавних врагов большевизма, политических и классовых, лиц и групп, свидетельствовала о внутренней соблазнительности большевистской правды-истины и правды-справедливости. Наконец, может быть, наиболее серьезный успех ждал большевиков на внешнем, дипломатическом поприще. Представитель, казалось, наиболее устойчивых, английских традиций, британский премьер, войдя в деловые сношения с советской властью, необычайно

повысил, тем самым, ее политический кредит и внутри, и извне.

Вознесенная на пьедестал, в упоении своим апофеозом, советская власть, в лице своей Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, почувствовала прилив великодушия. И заставив своим злодейством сначала содрогнуться старый мир от ужаса, она решила окончательно его добить своим благородством. Признав наличие «новых условий борьбы с контрреволюцией», В. Ч. К. решила «отложить в сторону оружие террора» и по телеграфу ввела в действие постановление «прекратить применение высшей меры наказания (расстрел) по приговорам В. Ч. К. и всех ее местных органов». Дзержинскому поручено было {19} войти в Совнарком и В. Ц. И. К. с предложением о полной отмене казни не только по постановлениям чрезвычайки, «но и по приговорам городских, уездных, губернских, а также верховного при В. Ц. И. К. трибуналов».

И к началу февраля, прокричав положенные угрозы по адресу Антанты; возложив на нее «целиком и исключительно ответственность за возможное в будущем возвращение советской власти к жестокому методу красного террора»; опубликовав специальный рескрипт на имя Феликса Эдмундовича Дзержинского с пожалованием «ордена красного знамени» в воздаяние «крупных организаторских способностей, неутомимой энергии, хладнокровия и выдержки, проявленных председателем Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в порученном ему ответственном деле», — Верховный Орган Республики торжественно и всенародно отменил смертную казнь: отправил ее «на задворки истории». Как полагается, прошлому стали подводить официальные итоги.

В. Ч. К. опубликовала первую сводку своей «деятельности» за 1918 и 1919 г.г; за 1918 г. оказалось расстрелянных 6.185 чел. За 1919 г. — 3.456. Всего за два года. — 9.641. Своего максимума число расстрелов достигло в сентябре 1919 г. — 609 человек, минимум был в августе — 187. Из общего числа расстреляно за контрреволюцию - 7.068. За самозванство, проход границы без пропуска, пользование поддельными или чужими документами в 1918 г. расстрелянных не было. В 1919 г. за это было расстреляно — 248 человек.

Эти цифры ни в какой мере, конечно, не соответствовали действительному числу убитых советской властью в 1918-1919 гг. При всей «добросовестности» и усердии палачей, если даже предполагать, что они лично были бы склонны скорее {20} преувеличить размеры своей «неутомимой энергии, хладнокровия и выдержки», нежели их преуменьшить, — опубликованные цифры дают лишь ничтожную долю общего числа казней: только тех случаев, которые зарегистрированы В. Ч. К. громадное, может быть, преобладающее число жертв расстреляно вне всякого учета и счета.

Опубликованные цифры не покрывают и расстрелянных местными, областными, губернскими, уездными, городскими и волостными чрезвычайками, особенно отдаленными от Москвы, осуществляющими «всю власть» на местах вне согласования своего усмотрения и отчетности с предписаниями из центра. Вне учета В. Ч. К. остаются, конечно, и расстрелы по приговорам всяких «ревкомов» и военных трибуналов. Наконец, далеко не всегда лишение жизни в советской России производится путем расстрела.

Недавно вышла из печати книжка: «Два года борьбы на внутреннем фронте». — Государственное Издательство. — Москва. 1920.» — Автор ее, известный своей жестокостью, руководитель чрезвычайки Лацис. В ней на ряду с апологией «острой необходимости в аппарате принуждения и чистки» и доказательствами, что без Ч. К. «нас (большевиков) бы давно уже не было; контрреволюционеры нас поглотили бы», — приведены и цифры этой «чистки». По признанию самого Лациса, его цифры далеко не полны. По 20 губерниям центральной России за 1918 г. и семь месяцев 1919 г. он дает общее число расстрелянных — 8.389. Среди рубрик, по которым Лацис классифицирует расстрелы, имеется графа: «прочее» — 1.704. Графа «восстание» дает 3.082 расстрелов. Но в это число *не* входят убитые при восстании, учтенные Лацисом особо: «с нашей стороны», т. е., большевиков, — 1.150 и «при подавлении», т. е. антибольшевистских жертв, — 3.057.

Данные самих же большевиков неопровержимо {21} устанавливают, таким образом, что расстрелы лишь один из многих видов лишения жизни в советской России. По показаниям самих же большевиков, их данные неполны. О размерах же этой неполноты можно себе составить некоторое представление по отчету, представленному недавно Международному Красному Кресту сестрами милосердия, наблюдавшими на месте труды и дни Лациса в Киеве. По их подсчету, по одному г. Киеву с февраля по август 1919 г. казнено Лацисом три тысячи человек (см. «In the Shadow of Death». — Statement of Red Cross Sisters on the Bochevist Prisons in Kiev. — P. 23).

Если неполноту большевистских показаний учитывать, как фактор постоянный, то большевистскими сводками можно пользоваться для определения «переменной величины» — тенденции и политики власти после отмены смертной казни.

Казнь была отменена. Но «в ночь отмены смертной казни 15-16 февраля все тюрьмы советской России были залиты кровью». удостоверяет Борис Соколов, побывавший во многочисленных чрезвычайках, от архангельской и до московской, и недавно только вырвавшийся из самарской тюрьмы. Среди стенных надписей в особом отделе В. Ч. К. он прочел: «Ночь отмены — стала ночью крови»...

«У нас, в Бутырской тюрьме, уже после подписания декрета об отмене смертной казни расстреляно ночью 72 человека. Это было кошмарно по своей подлости», — писали в своем заявлении бутырские заключенные 5 мая 1920 г.

Так было не только в Москве. В провинции и после «ночи крови» еще долго, не спеша, достреливали тех, кого решили, но не успели расстрелять. Один Петроград насчитывает до 100 жертв, погибших в последующие за отменой казни ночи крови.

«Это была тяжелая ночь. С полуночи тюрьма огласилась плачем женщин, которых вели на расстрел. Тяжелее {22} всего было то, что мы знали о декрете. Расстреляно было 52 чел.» (Письмо члена п. с. - р. Л-а из саратовской тюрьмы 5 июня 1920 г.)

Когда хотели сделать вид, что казни сохранены только для фронта, смертников стали отправлять в прифронтовую полосу и там приводить в исполнение приговор о расстреле, постановленный внутри страны.

«Секретно. Циркулярно. Председателям ч. к., в. ч. к. — по особым отделам. В виду отмены смертной казни предлагаем всех лиц, кои по числящимся разным преступлениям подлежат высшим мерам наказания,— отправлять в полосу военных действий, как место, куда декрет об отмене смертной казни не распространяется.
15 апреля 1920 года № 325/16.756.

Управляющий особ. отд. в. ч. к.
(подпись) Ягода.

Когда же количество смертников стало все увеличиваться, а транспортные средства уменьшаться, — поступили проще: объявили фронтом почти всю страну. 29 губерний советской России, в том числе московская, были объявлены на военном положении, и чрезвычайные комиссии получили возможность свершать свою работу легально и открыто.

Казнь продолжалась, а сотворенная об ее отмене легенда шла и ширилась, распространяемая адептами советского насилия и легковверными его противниками, исповедующими убеждение в том, что жизнь сильнее смерти, — обломить и большевизм.

«Вечно надеющееся сердце хотело верить, что не все потеряно, что и большевистские диктаторы подвергнутся влиянию истории, жизни и национального чувства и что, когда им придется выбирать между тем, будет ли жива Россия или просуществует еще несколько месяцев или лет коммунистический «опыт», они выберут Россию.

Но по-видимому надо готовить свое сердце к худшему».

— так элегически описывал берлинский «Голос России» № 207 не только свое настроение, но и всех тех противников {23} большевизма, кто психологически усвоил формулу Троцкого — «не мир и не война»: из гражданской войны выходим, но мира с большевиками все же не заключаем.

Легенда, о формальной отмене смертной казни сохранилась до наших дней. И сейчас многие убеждены, что в России люди гибнут от мора, глада и войны, от анархии и от эксцессов власти, но что казни, как узаконенного властью института, советская Россия уже давно не знает.

(см. на нашей стр.: «ЧЕ-КА» Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий; Издание Центрального Бюро Партии С. – Р., Берлин, 1922 г.; ldn-knigi)

Кашэн со всем авторитетом очевидца, недавно побывавшего на месте, категорически заявил:

«Верно, что в конце 1918 г. в России был период в шесть месяцев, когда действовали чрезвычайные суды... Но уже давно того, что называют террором, не существует в революционной России... За исключением фронта, смертная казнь в России отменена». (L'Humanité 30. VIII).

Так говорят и думают в Европе не только Кашэны. И не только по лицемерию или бесстыдству, но и по неведению того, что уже больше 6 месяцев прошло, как казнь восстановлена большевиками формально.

Казнь была восстановлена 24-го мая, а спустя неделю московские «Известия» опубликовали то, что оставалось тайной лишь для несоветских жителей. «Известия» № 115 привели сводку приговоренных к расстрелу за время с 17 января по 20-ое мая, т. е. как раз за тот период, когда «высшая мера наказания» была якобы отменена. Число расстрелянных показано 521.

В № 155 «Правды» мы находим сводку смертных приговоров.

вынесенных не чрезвычайками, а революционным военным трибуналом за время от 22 мая по 22 июня. Всего смертных приговоров постановлено 600. В «Известиях» от 30 июля приведена помесечная ведомость за время от 23 июня по 22 июля. Всего казнено 898 человек. За время с 23 июля по 31 августа {24} «Известия» В. Ц. И. К. № 227 дают цифру — 1.183 человека. За сентябрь, судя по «Известиям» от 23 октября, — 1.200 человек, распределенных по обычным статьям: за шпионство, предательство, контрреволюцию, возмущение в армии, отказ в повиновении, дезертирство, утайку оружия, пьянство, уголовные преступления, преступления административные, бандитство и хищничество...

Случайность этих рубрик равна их неопределенности. Но случаен и самый факт опубликования смертных таблиц. В то время, как Военный Революционный Совет Республики издает, за подписью Троцкого, приказ от 16-го июня с. г.:

«Обо всех расстрелах надлежит опубликовывать в приказах по армии, приводя имена расстрелянных, название частей и по возможности местожительства семьи;

1. Всякий негодяй, который будет уговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат красной армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.

3. Всякий солдат красной армии, который бросит винтовку или продаст хотя бы часть обмундирования, будет расстрелян». И. т. д.

— чрезвычайки печатают списки без указания имен и фамилий расстрелянных, ограничиваясь порядковым номером к обозначению социального положения жертвы. Как в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях нумеровали живых узников, так теперь нумеруют мертвых. Иногда под одним № расстреливают даже нескольких, обращая главное внимание не на людей, а на совершенные ими преступления.

В московских «Известиях» № 206 приведены имена расстрелянных «по постановлению коллегии московской чрезвычайной комиссии», сгруппированных по роду совершенных ими деяний. Под цифрой 2 значатся: «Довгий Василий Яковлевич 44 л. и Довгая Пелагея Алексеевна 35 л. содержали {25} конспиративную квартиру, в какой укрывали белогвардейских шпионов». Под цифрой 5 — «Шульц Софья Максимовна 53 л. и Плюхин Илья Николаевич 40 л., перепродавали несколько сот продовольственных карточек». И т. д.

Даже наиболее для себя близкую и важную сферу большевикам не удалось «наладить», внести в нее план и систему. Хаос и случай властвуют над большевистским царством террора. Не только не установлено то, что карается смертью, не определено даже кому предоставлено право жизни и смерти. При спутанности компетенции и порядка деятельности всех большевистских учреждений, случай определяет смерть, случай же дарует и жизнь.

Рядом с чрезвычайками всех степеней и ведомств от волостных и участковых до всероссийской, от станционной и до центрально-узловой, фронтовых и пограничных, существуют «особые отделы» и сверхчрезвычайки, отряды «внутренней службы» («внус»), «внутренней

охраны республики» («вохра»), «ревкомы», трибуналы военные и «нормальные». Власть некоторых из этих учреждений так всемогуща, что они в праве расстреливать даже агентов чрезвычайек, «даже» комиссаров, не испрашивая на то разрешения центра.

Газеты сообщают:

Военно-революционный трибунал приговорил к расстрелу сотрудников донской чрезвычайной комиссии — комиссаров Константинова и Шабанова — за грабеж 30 тысяч во время проверки документов.

По приговору терской областной чрезвычайной комиссии расстрелян член этой комиссии Ризаев-Бабаев, по обвинению в ограблении квартиры зубного врача Амброжевича.

В Ростове расстрелян командир советского конного корпуса Думенко за допущение бандитизма в войсках. Думенко незадолго до этого приказал расстрелять политического комиссара при его корпусе - Микаладзе.

{26} Но в праве каждого из этих учреждений казнить и миловать простых смертных советской республики не сомневаются ни все советские учреждения в целом, ни какое-либо из них в отдельности.

По типу царского самодержавия большевистский произвол ограничен взяткой. Самодержавие боролось со всеми покушениями на его неограниченность. Оно карало и взяточничество. Однако, не смертью. Сомнительное превосходство большевизма над самодержавием выразилось в том, что большевизм уравнил смертной карой берущих взятки и дающих их. Пропитанный милитаризмом, верностью присяг и честью мундира старый строй жестоко боролся с нарушением воинской дисциплины или уклонением от воинского долга. Но даже в военное время самодержавие не карало смертью за «промотание казенного имущества» или уклонение от военной службы. Советская власть сравнивала смертью всех: и «промотавших», «хотя бы часть обмундирования», и должностных лиц, способствующих незаконному освобождению от службы, и тех, кто был освобожден...

Просмотрите июльский список 44, расстрелянных в Москве. Рядом с шестью врачами и лекарским помощником, вы найдете там студента-филолога, техника, скорняка, артиста, булочника, оружейного мастера, нескольких купцов, торговцев и приказчиков. Рядом с отцами, освобождавшими своих и чужих детей, там были и дети, освобожденные своими и чужими родителями. «Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся», — гласит ст. 19-ая советской конституции. Когда же трудящийся отказывается от дарованного ему почетного права, или когда нетрудящийся хочет воспользоваться тем, что он лишен права защищать большевистскую революцию с оружием в руках, — власть карает смертью и того, и другого.

{27} Казнят за свои грехи. Казнят и за чужие: за семейную близость; в предположении классовой солидарности; за сходство фамилий; даже за общность начальной буквы фамилии... Казнят не по ошибке, а с расчетом: лучше десять невинных погубить, чем одного виновного отпустить.

В «Известиях» № 199 от 25 мая Елисаветградская Чрезвычайка сообщает о расстрелах 35 контрреволюционеров. В их числе, среди рабочих завода Эльворти: Власов с двумя сыновьями, Терентием 17 л. и Иваном 12 л. Семья бежавших офицеров добр. армии Сергиевского; Диамениды; командира государственной стражи

Н. И. Лохвицкого. Семья Лохвицкого состояла из четырех дочерей, от 7 до 3-летнего возраста, и старухи матери 69 лет.

За неудачу в операциях против Врангеля большевики расстреляли командующего советской армией ген. Свечникова, политического комиссара Маркова, интенданта Куткова, заведующего отделом пропаганды Севастьянова, главного врача и казначея.

В Одесскую Чрезвычайку поступил донос о контрреволюционной деятельности некоего Хусида. Местожительство контрреволюционера не было указано. В тот же день после справки в адресном столе было арестовано 11 Хусидов. После двухнедельного следствия, сопровождавшегося пытками, казнено было двое Хусидов за невозможностью установить в точности, кого именно имел в виду донос. (см. Н. И. Авербух: «Одесская Чрезвычайка». — Факты и наблюдения. — Кишинев, 1920. Стр. 19).

В Одессе жертвою террора пали три врача: Волков, Власов и Воробьев. Все трое были расстреляны на основании доноса о том, что один из врачей городской больницы позволил себе открыто высказаться против большевиков. В доносе не была указана фамилия провинившегося, но сообщалось, что она начинается на букву В.; на этом достаточном основании были расстреляны те врачи городской больницы, фамилии которых имели несчастье начинаться с В.

Эти факты, конечно, случайны и разрознены. Но они свидетельствуют о системе. Они свидетельствуют о верности системе, усвоенной большевизмом и провозглашенной большевистскими палачами почти с первого же дня своей деятельности.

{28}

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, — писал Лацис еще 1 ноября 1918 г. в газете «Красный Террор». — Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора».

Мы намеренно не говорим ни о системах пыток, — а это факт; ни о телесных наказаниях — даже женщин, это, увы, тоже факт; ни о заложничестве жен и детей; ни о провокации; ни о специальных инструкциях сыщикам («скаутам») и секретным агентам; ни о систематических курсах политического шпионажа и душегубства, которые читают в «центральной школе советской и партийной работы» г. г. Уралов, Ксенофонтов, Кедров, Аванесов и др. Мы не вносим поправок на большевистские цифры о казнях, потому что ни мы, ни они не в силах подсчитать непогребенные трупы и безвестные могилы. Попробуйте-ка подсчитать жертвы одного из лекторов московских курсов Кедрова.

«Подтверждается известие, — пишет корреспондент «Воли России», № 14, — что в Архангельске комиссар Ч. К. Кедров, собрав до 1.200 чел. арестованных офицеров, партизан, интеллигентов и т. д. на баржу, приказал ее буксировать вверх по Двине и вблизи г. Холмогор открыл по ней огонь из пулеметов и орудия. Сотни (до 600 ч.) были перебиты, искалечены и утонули. Ужас был так велик, что передают о случаях сумасшествия среди тех, кто выполнял приказания Кедрова».

Один ли такой Кедров? И в одном ли Архангельске приходилось огнем и кровью утверждать престиж советской власти?

Важнее статистики для нас динамика, советской власти, тенденции и возможности, намечающиеся к трехлетию ее существования.

{29} Мы приводили цифры Лациса убитых при подавлении восстания. За 1918 г. и 7 месяцев 1919 г. всего «подавленных» — Лацис насчитывает

3.057. Теперь Б. Соколов, описывая из самарской тюрьмы восстания башкир и татар в Уфимской и Симбирской губерниях, по одному Бузулуку насчитывается расстрелянными около 4.000 повстанцев... Пережив ужасы колчаковщины в Сибири, автор попал в большевистскую Россию, по его собственному признанию, «в относительно примирительном к советскому правительству настроении».

«Но здесь, в России, особенно в массах, такая безумная оппозиция внутри страны к советской, так называемой, коммунистической власти, что положительно теряешься, как и на чем она держится».

Она держится, конечно, только на беспощадной борьбе на уничтожение всех противников большевизма, на уничтожении всеобщем и уравнительном, без различия пола, возраста, нации, класса, исповедания. «Если из 100 миллионов населения России 10 миллионов не желает подчиниться советской власти, их надо физически уничтожить». Так думает и заявляет Зиновьев. Соотношение чисел обратное и даже не 10 миллионов, а всего 600 тыс. большевиков физически уничтожают и, пока могут, будут уничтожать 100 и более миллионов населения.

Горы трупов. А неугомонные палачи все жаждут новой крови. Глава красного цеха Дзержинский вносит в Совнарком проект об изъятии из ведения революционных трибуналов всех политических дел и о передач их в Ч. К., так как только жестокий террор, по мнению Дзержинского, по отношению к врагам советской власти может спасти эту власть. Ему вторит бывший «главковерх», ныне главный прокурор советской республики Крыленко, который, от имени кассационного трибунала В. Ц. И. К., предлагает всем Революционным Трибуналам «принять как директиву (от кассационной инстанции {30} директиву!) при определении меры репрессии» по делам о хищениях из казенных и кооперативных складов «применять высшую меру наказания». Провинциальная власть следует примеру центральной. В приказе № 69 по Киевскому округу, опубликованному в «Известиях» № 226, мы читаем:

«а) Провести массовый террор против зажиточных крестьян, истребив их поголовно; провести беспощадный и массовый террор по отношению вообще поляков, принимающих какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе против советской власти.

.....
в) Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет хотя бы один патрон после срока сдачи оружия.

.....
д) Все Ч. К., работающие в занятых нашими войсками местностях, должны быть увеличены до пяти раз против обыкновенно положенного штата, для чего надлежит соразмерно увеличить и кредиты. Комиссарами Ч. К. необходимо назначить опытных работников, преимущественно из центра России».

Мы не можем доле закрывать глаза на то, что происходит в Украине, пишет «Правда» в одном из своих октябрьских номеров:

«Крестьяне проявляют к нам явную враждебность и содействуют преступным попыткам Врангеля, Махно, Петлюры, Буденного и других вождей шаек... Что делает советская власть? Почему она не истребляет половины мятежного населения, чтобы заставить другую половину подчиниться и оставить нас в покое?»

И это не случайное извращение индивидуальной психологии

отдельных большевиков. Это — внутренняя логика большевизма, как учения, непререкаемый его закон, как движения.

Буржуазные криминалисты для смягчения карательной системы придумали институт условного осуждения. Вся мера регресса, который являет собою советская власть, определяется {31} изобретенным недавно гуманными большевистскими судьями — новым видом наказания.

Московское радио от 8 сентября сообщает: «В г. Жиздре обнаружена шайка, снабжавшая подложными документами дезертиров. Главный виновник расстрелян. Двадцать семь человек условно приговорены к расстрелу».

Под условным расстрелом, в сумеречном между жизнью и смертью состоянии живет теперь вся Россия. Смерть подстерегает не только активных борцов против советской власти, не только пассивных ее хулителей. Она вошла в домашний обиход, стала неустранимым элементом всего уклада того, что осталось от жизни в советской России. Если нет массовых случаев помешательства и «разрывов сердца» то, видимо, потому, что притупился инстинкт жизни, исчез страх смерти, ибо смерть витает и стережет повсюду. «Физические условия, в которых живут массы, столь ужасны, что никто не дорожит жизнью», — констатируют в своем докладе, представители итальянской Конфедерации Труда, побывавшие в России. То же отмечает и английский делегат Роден Бектон: «русские, бесспорно, меньше ценят свою жизнь, чем мы, и потому легче подвергают себя всякому риску».

«Смертная казнь превратилась в будничное бытовое явление, — писал В. Г. Короленко 10 лет тому назад по поводу щегловитовской юстиции. — Казнь вульгаризировалась. С нее сорван покров мистического ужаса. Да и мог ли он уцелеть, когда суды выносят по 30 смертных приговоров... По мере того, как «бытовое явление» ширится, сознание исполнителей тупеет... Люди начинают вешать походя, кое-как, без ритуала, даже просто без достаточных приготовлений... Действительность теперь часто становится неправдоподобнее самого кошмарного вымысла. Но мне, кажется, что настоящий ужас все-таки не в примерах {32} крайнего одичания исполнителей. Он не в исключениях, а в общем правиле, в средних условиях, окружающих ужасное дело».

Насколько смягчаются контуры, по контрасту и в сравнении с советской действительностью, у фактов, которые послужили материалом для короленковских «Заметок публициста о смертной казни»!...

«Казнены уже в России тысячи человек, — писал В. Г. Короленко. — Приблизительно столько же матерей и еще столько же отцов и, может быть, столько же сестер и братьев и жен смотрели через (такие) решетки на дорогих людей, которым грозила смерть. Если это были простые рабочие или крестьяне, то прощаться с ними, как с умирающими, приходили и другие родственники, каких только допускали. И сколько тяжелого, незабываемого и порой непрощаемого страдания разнесут эти простые люди по предместьям городов и по дальним деревням и селам».

Так было во времена царя Николая II. При коммунисте Ленине картина изменилась в том отношении, что даже прощание с умирающими оказалось под запретом. Никого не допускают прощаться.

Никому не выдают даже тела. Но уменьшилась ли от того сумма «тяжелого, незабываемого и порой непрощаемого страдания», которое на долгие годы и годы разнесут русские люди по всем городам и селам беспредельной России?

И если царизм был побежден не столько любовью к свободе, сколько великой ненавистью и гневом восставшего против него народа, то можно ли думать, что иная судьба уготована большевизму? Можно ли мечтать, что восстановление экономических связей между Россией и Европой будет достаточно для того, чтобы изжить Лениных? Что большевизм будет преодолен не {33} вооруженной рукой, а мирным трудом, «не кровью и пушками, а правдой»?..

Всем памятни уроки недавнего прошлого, когда одними штыками и танками рассчитывали преодолеть большевизм. Но мы не можем и не должны забывать и другого урока, данного вашему опыту: попытку правдой и только ей одной преодолеть большевизм. Если правда в свое время не *предотвратила* грядущего зла. — можно ли уверовать в то, что ее одной достаточно для *ниспровержения* уже существующего и торжествующего зла? *Beati possidentes* ведь не только когда они владельцы имущества, но и тогда, когда они владеют аппаратом власти!..

И можно ли мечтать, как все еще продолжает мечтать Л. Мартов, заявивший в интервью, напечатанном, в «Freiheit» № 440 от 17 октября:

«Партия меньшевиков не желает насильственного ниспровержения большевистского режима. Она рассчитывает на эволюцию, на внутреннее перерождение большевизма».

Напрасные расчеты, тщетные мечты. Ибо, конечно, не Мартов, а Ленин с большим знанием дела и потому реальнее и трезвее расценивает большевизм, его существо и возможности, когда в одном из последних своих «открытых писем» (к Сегруо) определенно заявляет, — «само собою понятно, что революционные рабочие казнят меньшевиков». Остается удивляться, как это не «само собою понятно» вдумчивому лидеру партии меньшевиков?

Мало сознать, надо *прочувствовать* ту «новую мораль», о которой возвещают трубадуры Ч. К.: «Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради крепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства». («Красный Меч» № 1 от 18.VIII.1919 г.). Тогда станет самоочевидным, что большевики могут «приспособить к новому {34} положению» свои декреты, могут пытаться всячески «лавировать», — но преобразиться или переродиться они не в состоянии, если бы даже того захотели.

Большевизм стихийно враждебен всем, кто дорожит принципом личности, достоинством человека и его первейшим правом — правом на жизнь. Большевизм, в частности, стихийно враждебен всему духу и смыслу народничества, еще устами Чернышевского провозгласившего: «выше человеческой личности мы не принимаем на земном шаре ничего!»

II. КРЫМ.

I. Падение Крыма. — На первом этапе. — «Образцовая эвакуация». — Продолжение исхода. — Ни сомнений, ни лукавства. — II. Материал для будущего. — Кто виноват? — То, что было. — Два генерала — два антипода. — Стратегия и политика. — Кто кого обошел? — Личная диктатура, как метод преодоления существующей безличной диктатуры. — Смысл крымской трагедии. — III. Что будет? — Расчеты победителей. — Надежды побежденных. — С.-Д., К.-Д., С.-Р. — Политические одиночки. — Сложение сил и орган общественного мнения.

I.

Пал Крым. Пал молниеносно и неожиданно. Неожиданно не только для тех, кто верил в Крым и связывал с ним свои чаяния и упования, но и для тех, кто в Крым не верил или даже предвидел неминуемость его падения. Быстрота, с которой развернулись крымские события, опрокинула все надежды и расчеты, застигла всех врасплох. И прежде всего — мирное население полуострова. В некотором отдалении от фронта и правительственных видов оно не заметило, что беда — не где-то и когда-то в лишь возможном и отвлеченном будущем, а что она уже пришла, надвинувшись вплотную, неумолимо и безвозвратно... И чем безмятежнее было настроение, чем тверже вера в чудодейственные таланты вождей, тем резче и острее {36} был перелом, тем быстрее охватила паника, и тем больше хаоса привнесено было туда, где лишения и муки и без того были неминуемы.

Гром грянул внезапно и ошеломляюще. Еще 11 ноября, до полудня, Крым был спокоен. А через три дня последние пароходы, баркасы, шхуны, парусники, баржи, ялики отчаливали от крымских пристаней, увозя с собой все, что только могло бежать, т. е. обладало достаточной властью, средствами или — что было еще существенней — физической силой и оружием. Со второй половины дня 11 ноября в направлении к югу, к морю, к портовым городам и пристаням бешеным потоком помчались люди, кони, поезда, телеги, автомобили, больные, женщины, воины, дети...

Еще нет и не могло быть эпически спокойного и полного описания того, что происходило в Крыму в течение последующих трех дней. Имеются лишь отрывочные, телеграфные зарисовки отдельных сцен и эпизодов, разыгравшихся в течение этих кошмарных дней.

«Армия начала расплываться в Джанкое. Брли с бою поезда и устремлялись к портам. Штыками выталкивали из вагонов штатских. Подножки вагонов, крыши, платформы, все буфера — были заполнены серой массой. С револьверами в руках требовали от машинистов «полного хода», дабы первыми очутиться в порту, первыми взойти на пароход».

В Симферополе скопилось до 10 тысяч раненых в боях против большевиков. Их во что бы то ни стало надо было вывезти. Поездов не хватало. По железным дорогам следовали отступающие воинские части.

«Нужно было несколько тысяч подвод, которые нельзя было достать, так как началась тревога, и все спешили выбраться в Севастополь. За подводу платили по полтора и два миллиона рублей, за автомобиль тридцать миллионов.

{37} *Раненые умоляли вывезти их поскорее. Калеки-офицеры, без ног, тащились на костылях к вокзалу. Тифозные, раненые разошлись из госпиталей и устремились в Севастополь. В госпиталях стоял стон и плач оставленных, тех, кто не мог подняться с постели».*

Некоторые воинские части еще сопротивлялись под Джанкоем, когда до Севастополя докатились первые волны беженцев, дезертиров и всякого люда.

«С утра 12-го все улицы и набережная были запружены густыми толпами народа, собирающегося уезжать и пришедшего на пристани с багажом пешком, так как извозчики и носильщики исчезли. Толпы беженцев со всем своим скарбом стояли вдоль бухт густой стеной. Стена стояла терпеливо весь день, всю ночь на 13-ое, всю субботу, вторую ночь и утро воскресенья. Толпы беженцев провели на набережной 60 часов, не смыкая глаз, голодные, не решаясь отлучиться от своих вещей или уйти в город, чтобы не потерять очереди».

В севастопольских лазаретах — морском, 60-м, 6-м запасном — легко раненым предложено было идти на пароходы для погрузки. За тяжело ранеными обещали прислать автомобили.

«Прошел час, два, четыре. Автомобилей нет. Раненые узнают, что предназначенные для них автомобили уже погружены на пароход. Кто и не мог ходить, пошел или пополз. Плелись по 6-8 часов до пристани. Погрузка была чрезвычайно поспешная. Двух раненых уронили в море вместе с носилками. Их никто и не стал спасать. Из прикованных к постели некоторые не захотели ждать смерти от большевиков и сами покончили с собой».

Пароходы забирали свыше всяких норм. Трюмы, проходы, машинное отделение, капитанский мостик — все было заполнено серой человеческой массой.

«На набережной шел уже бой между вооруженными и невооруженными за право попасть на «Саратов». В ход пускались револьверы и ножи. «Саратов» отходит на рейд. Больше нет пароходов. На набережной еще густая толпа.

{38} *Не успевшие сесть в Севастополе на пароходы офицеры бросались в море вплавь, чтобы добраться до парохода. Старик полковник, потеряв надежду попасть на пароход, застрелил свою дочь и застрелился сам на Графской пристани. Это было еще днем в воскресенье. Когда же наступила тьма, самоубийства приняли массовый характер... Стрелялись, бросались в море».*

Таковы показания корреспондента «Последних Новостей». То же подтверждает корреспондент берлинского «Руля».

«Население Крыма грузилось на суда, пробивая себе дорогу в порту револьверами и штыками.

...Число покончивших самоубийством, сброшенных и бросившихся в море не поддается учету».

Все, что только могло как-нибудь двигаться или хотя бы держаться на воде, все было использовано. И скорбная флотилия из ста двадцати шести судов поплыла, частью самостоятельно, а частью на буксире увозя в неизвестную даль сто сорок шесть тысяч с лишком человеческих существ.

И с отходом от родных берегов лишения отнюдь не кончились, — они только видоизменились.

«Шесть дней и шесть ночей, — описывает французский корреспондент, — люди стояли на ногах, своими телами подпирая друг друга, не давая ни сесть, ни упасть. По милости неба стояла тихая погода. И только благодаря этому не погибли 30 тыс. жертв, которые скучились на многочисленных судах, не способных вынести ни малейшего волнения. Люди заполнили собой все пароходное пространство насплошь. Чтобы попасть в уборную, надо было стоять в очереди в течение 24 часов. Не всякий выдерживал пытку... В такой обстановке рожали и умирали. Одному раненому пришлось ампутировать ногу на дне угольной ямы. Быть может, уже многие пожалели, что не рискнули остаться с большевиками. Но в эти страшные часы, когда минута кажется столетием, потому что ежеминутно кто-нибудь агонизировал от голода или холода, — было не до жалоб и сожалений».

С приходом в Константинополь — на этот, ставший уже традиционным, первый этап беженцев с юга России, — картина не многим стала утешительнее.

{39} В течение двух дней не хватало воды для питья. И тысячи мужчин, не двигаясь с места, с жадностью глядели на женщин, получивших по стакану пресной влаги. Не хватало и хлеба. Его не хватает и по сей день... Когда на рейде стояло 40 тыс. голодных, усталых, продрогших, французские власти могли им предоставить всего 8 тыс. хлебов. В дальнейшем положение еще более осложнилось.

«Мы подъезжаем близко к «Владимиру», грузно и глубоко сидящему в воде, — описывает константинопольский корреспондент. — На палубе сгрудились тысячи людей в серых шинелях. Среди них женщины, дети...

— Хлеба нам... Мы третьи сутки во рту ничего не имели...

Мы приближаемся к транспорту «Дон». Здесь та же картина... За «Доном» тянется длинная вереница кораблей, перегруженных людьми.

— На нашем пароходе два смертных случая от истощения...

— Вчера ночью у нас скончались уже трое от потери тепла.

— Зачем вы приехали смотреть на нас, как на зверей? Это подло, низко, гадко!...»

Как в Крыму мучило одно желание — попасть во что бы то ни стало на пароход, так в Константинополе томила одна страсть — куда-нибудь, какой угодно ценой, но лишь скорее с парохода.

Разгружают раненых. После них снимают больных и заболевших в пути. Из 360 заболевших четверо лишилось рассудка от голода. Число заболевших с каждым днем увеличивается.

«Уже два дня идет проливной дождь, — отмечает корреспондент 24 ноября. Подул норд-ост, море свежее, и палубные пассажиры, а их на каждом пароходе 60%, в ужасном состоянии. Прибавьте к этому полное отсутствие горячей пищи в течение 10 дней, ничтожное количество вообще пищи, и слова объезжавшего пароходы морского врача вам не покажутся преувеличением:

{40} *«— Продержите пароходы еще неделю, и не понадобится хлопот о размещении беженцев. Все они разместятся на Скутартском кладбище».*

Стон и ужас стоят на Босфоре. Те лаконические вести, которые идут оттуда, только в слабой степени дают представление о творящемся там кошмаре. Писатель Гребенщиков, наблюдавший его на месте, нечеловеческим голосом воззвал к «Людям, пишущим на разных языках»:

«Напишите на всех языках мира то, что я скажу вам сию минуту: сказать всю правду не могу, ибо меня растерзают, не давши досказать ее. Но я скажу вам ее после,

если останусь жив.

Вчера 19 ноября 1920 г. я был среди шестидесяти шести кораблей, стоящих в Мраморном море в устье Босфора. Я разыскивал на них остатки замученных русских писателей, но конечно не нашел их, а нашел 130 тысяч распятых русских людей! Они поставлены на глазах всего мира, на самом видном месте, между Европой и Азией, но их видят далеко не все обитатели Европы.

Запомните число: 130 тысяч! Это, слава Богу, не вся еще Россия, но это одна тысячная часть распятой России, и этого достаточно для того, чтобы ослепнуть от потрясающего зрелища!

Они лежат, потому что уже не могут сидеть. Они сидят, потому что не в состоянии протянуть руку и произносить слова. Но есть еще стоящие, просящие, протягивавшие руки и даже — о, ужас, не понятый еще миром — и даже улыбающиеся!.. О, эта улыбка распятого! Вспомните ее все, кто имеет еще память!»

Когда читаешь эти пламенные строки, жалость и скорбь готовы осложниться ощущением личной виновности и общей ответственности... Но этому ощущению не дано задержаться и окрепнуть. Только успеет задушевный вопль писателя захватить человека, как казенные, стереотипные начальственные реляции о том, что все обстояло и обстоит благополучно, — вызывают уже другие, более острые чувства...

«Эвакуация Крыма прошла в полном порядке», — {41} поспешил заверить главный эвакуатор Крыма А. В. Кривошеин. По случайному совпадению, это заявление оказалось напечатано рядом с другим заявлением — ген. Врангеля о том, что в Крыму «пришлось оставить 15 (пятнадцать) тысяч раненых», — при общем числе вывезенных в пять тысяч... За Кривошеиным и ген. Врангель подтвердил, что «погрузка войск происходила идеально хорошо» и что вообще вся «эвакуация была произведена в полном порядке, за исключением Симферополя».

За ними «штаб главнокомандующего русской армией», «в виду появления в иностранной прессе сообщений, совершенно не соответствующих действительности», с своей стороны, официально разъяснил, что

«отход войск к намеченным портам, посадка их на суда, отбытие и следование судов прошли в полном порядке. На пристанях во время погрузки всюду был полный порядок».

Для иллюстрации господствовавшего при эвакуации настроения, крымские деятели, прибывшие в Константинополь приводят, «небольшую сценку, которой многие были свидетелями»:

«когда последние два транспорта, набитые битком людьми, покидающими родину и идущими неведомо куда, проходили мимо крейсера «Генерал Корнилов», на котором находился Главнокомандующий, раздалось громкое, долго несмолкавшее «ура»...

Это «ура» подхватили не только официальные журналисты, разославшие повсеместно телеграммы о том, что «эвакуация Крыма произведена была в образцовом порядке». «Ура» продолжают кричать и по сей день многие политические деятели за границей...

{42} Уже не в первый раз «эвакуируется» антибольшевистская Россия и сушей, и морем. У многих имеются в личном опыте картины эвакуаций Одессы, того же Крыма (апреле 19 года), Архангельска. Всего несколько месяцев отделяют крымские испытания от аналогичных испытаний в Новороссийске. Прочтите недавно вышедшую из печати хронику гражданской войны на юге России, составленную очевидцем и

свидетелем, военным корреспондентом «из стана белых» Г. Н. Раковским. Вы встретите там тех же героев и ту же толпу, тех же генералов — Врангеля, Кутепова, Барбовича — и те же воинские части, то же гражданское население, те же войсковые круги и даже тот же французский броненосец «Вальдек Руссо». Словом, вы увидите ту же «эвакуацию».

«Кого тут не было... Кубанцы в своих бараньих шапках, в овчинных тулупах, марковцы, корниловцы в черных и малиновых погонах, донцы с красными лампасами, истощенные беженцы, еле двигающиеся, тифозные с землистыми, исхудалыми лицами... У всех одна цель: скорее уехать на юг, куда угодно, но только подальше от надвигающейся лавы большевиков.

Воинские части, которые должны были прикрывать отход, никакого сопротивления не оказывали и, пробиваясь через обозы, шли напролом через мост. Здесь уже действовал только один инстинкт самосохранения, и были случаи, когда на мосту раздавалась, правда не приведенная в исполнение, команда:

— Шапки вон, за мной, руби эту сволочь...;

Были случаи, когда панически настроенные люди бросались с моста в Кубань, где, конечно, гибли. Были случаи, когда, бросив обозы и гурты скота, калмыки и калмычки, считая, что все погибло, и большевики их сейчас захватят, резали своих детей и бросали в воду...

...Можно было наблюдать душераздирающую картину, когда группа верховых калмыков, имея впереди калмычку с двумя ребятами на руках, верхом на неоседланной лошади, с болтающимися постромками, — подъехали к морю. Здесь стоял английский гигант «Ганновер». Калмыки остановились, потом послезали с лошадей и стали молча, {43} с мольбой глядеть на пароход. Оборванные, в грязных пестрых лохмотьях, калмыки всем своим видом свидетельствовали о пройденном ими тяжелом, тысячеверстном, крестном пути. Эти наивные добродушные дети донских и астраханских степей слышали, что в Новороссийске есть пароходы, на которых можно уйти от беспощадного, как они думали, для них врага, а потому прямо подъехали к морю. Их, конечно, быстро удалили.

...Моих офицеров, ожидавших погрузки, — доносил впоследствии в своем рапорте начальник Донской партизанской дивизии полковник Генерального штаба Ясевич, — взяли, в конце концов, на борт под град оскорблений, и то не всех. Потoki площадной брани, расправы плетью, прикладами, сбрасыванье с борта всех, кто не корниловец, — вот атмосфера, в которой происходила погрузка Корниловской Дивизии. Недопустимей всех вел себя командир первого полка полковник Гордиенко, сбросивший в море трех офицеров, и одного лично ударивший прикладом по голове»... (Г. Н. Раковского: «В стане белых», стр. 133, 180, 229, 244 и др.)

Так было при эвакуации Новороссийска. Вероятно, не только одного Новороссийска... Когда-нибудь другой летописец, которого «свидетелем... Господь поставил и книжному искусству научил», «правдивые сказанья» напишет и о Крыме. Вряд ли, однако, картина, которую он нарисует, во многом и существенном будет разниться от уже имеющихся в нашем опыте. Ибо и Крым, и Новороссийск — это одни и те же плоды одного и того же древа.

Пока еще отрывочные и далеко неполные сведения об отходе с перекопских позиций и, далее, посадке на суда дают картину не столько подготовленной заранее эвакуации, или выполнения заранее намеченного и предположенного, сколько изображают наличность ряда благоприятных (снабжение судов углем) и неблагоприятных (отсутствие воды и пищи) случайностей, с которыми пришлось иметь дело людям, захваченным паникой неудержимой, стихийной, сокрушительной. Быть может, {44} решающее значение здесь имела та неожиданность и спешность эвакуации, с которой столкнулись «эвакуируемые» и в которой «эвакуирующие» видели залог ее успеха и собственную заслугу. Как писал ген. Врангель к П. Б. Струве 24 ноября:

«В основе успеха планомерного отхода лежала неожиданность, и в этом отношении поставленная задача была выполнена, в полной скрытности. И кроме генерала Шатилова и двух командующих армиями, никто не был посвящен в секрет».

Если воинские части и физически более выносливая часть населения докатились до моря, погрузились на суда и, все-таки, хотя бы и частично, ушли от большевиков, это случилось не благодаря «образцовой эвакуации», а, в значительной мере, *несмотря* на ее отрицательные стороны; не столько потому, что невооруженному глазу не всегда была видна направляющая и организующая рука, сколько потому, что эта рука быть может, чрезмерно долго оставалась «в полной скрытности».

Так неудержима была тяга из советского рая, что она преодолевала все препятствия. Люди двигались вслепую, подгоняемые одним только заражающим друг друга инстинктом жизни, самоочевидным до боли ощущением, что не уйти вовремя равносильно неминуемой гибели — от насильственной смерти или от медленного умирания. И люди отступали в море, предпочитая родной земле безбрежную пучину и неизвестность грядущего. Ибо ужас — и в то же время обреченность — советского существования в том и заключается, что даже «дитя степей» — калмык — этим режимом превращается в непримиримого противника существующего строя, в «государственного преступника»...

Великий исход с юга России начался еще до оставления Деникиным Екатеринодара и Ростова. После Новороссийска исход только на время задержался: переместившиеся в Крым {45} воинские части и беженцы по истечении 8 месяцев снова поднялись, чтобы снова побежать, на этот раз уже за пределы родины.

Крымская эпопея, по мнению одних, — великий подвиг, образец римской несокрушимости духа и любви к отечеству. По мнению других, — Крым великая авантюра, осложненная преступлением: требуя бесплодных жертв, она осуществляла цели обратные тем, которые себе ставила. Истина, вероятно, — ни там, ни здесь: Крым не только подвиг и Крым не только преступление!?. Каковы бы ни были, однако, политические оценки прошлого и будущего, в настоящем не подлежит оспариванию объективный факт: и страдания и муки, которыми завершилась крымская эпопея, это — громадная, жуткая общероссийская трагедия. На Босфоре сейчас гибнут русские люди, там слышатся русские стоны. И когда в Стамбуле, разноцветные чины разнообразных держав бьют по темени или лицу русского беженца, то, — будь он контрреволюционер или спекулянт, — бьют каждого из нас, потому что бьют Россию.

Помощь уцелевшим от крымской катастрофы — это не помощь кому-то третьему из чувства жалости или потребности благотворительствования. Это — элементарная взаимопомощь, помощь общим жертвам общих врагов, увеличившимся ныне в числе. Пред лицом общих страданий нет места никаким сомнениям. Не должно быть места и ничьему лукавству.

Спекулировать на «живой силе» смертников, уцелевших от крымского кораблекрушения, строить на ней какие бы то ни было политические расчеты, было бы не только верхом легкомыслия — это было бы на границе вообще допустимого... Между тем такие планы не

оставлены, такие расчеты продолжают строиться, невзирая на уже обнаружившуюся тягу к выходу из состава того, что еще называется южнорусской армией.

{46} Некоторые из основных кадров этой армии — донцы — в организованном порядке, во главе с атаманом и войсковым кругом перечисляются формально в беженцев, в «земледельцев и животноводов», как гласит их обращение к правительству Соединенных Штатов. Многие попросту бегут из лагерей, куда глаза глядят и, прежде всего, — в Константинополь. Там их ловят и арестовывают. Другие тянутся обратно, на родину, в надежде на великодушные победителей. А что будет дальше?.. Устоит ли, может ли устоять от разложения армия, содержаемая впрок, за колючей проволокой «острова смерти» или Галлиполи? Не надо особого искусства большевистских агитаторов, чтобы сила вещей привела эту армию к ее естественному концу.

(о Галлиполи см. у нас: Генерал Кутепов «Сборник статей», издание комитета имени генерала Кутепова под пред. ген. Миллера; с фотограф., картами; Париж 1934; ldn-knigi)

Несчастные соотечественники, блуждающие сейчас в ближневосточных водах, своими безвинными страданиями как будто приобрели для себя право на то, чтобы на международной политической бирже не котировалась хотя бы их жизнь. Неужели кто-нибудь когда-нибудь поверит, что подлинные интересы России, — России, а не чьи-либо иные, — вместе с распродажей остатков черноморского флота, являющегося ведь не только простой имущественной ценностью, но и необходимым условием грядущего восстановления России, — непременно требовали превращения и остатков русских воинских частей в наемников-ландскнехтов?

II.

Прошлое не только урок будущему. Оно и материал для построения будущего. И в этом — оправдание вечному возвращению к минувшему, к прежним спорам и раздорам. Кому охота ворошить старое? Этим приходится заниматься поневоле.

{47} Когда существовал антибольшевистский фронт в Крыму, понятны были мотивы, диктовавшие сдержанность даже тем, кто не верил в военных диктаторов и был им решительно враждебен всем своим социальным и политическим бытием и мышлением. Не из какого-либо пиэкета, а за неимением предьявить ничего взамен, перед таинством каждодневной смерти, слова укоризны задерживались на устах. Но с исчезновением антибольшевистского фронта — положение выровнялось: отпала морально-психологическая сдержка, сковывавшая уста раньше. И не в целях изобличения поверженного политического противника и не с чувством злорадства, конечно, потому что меньше всего поводов в радости — победила ведь не российская демократия, а «третий радующийся» — большевизм, — а для возможности борьбы в будущем, для успеха грядущей борьбы необходимо вдуматься в ошибки прошлого, тем более, что герои крымской трагедии нисколько не обескуражены происшедшим... Потеряв стратегические позиции, они ничуть не склонны сдавать позиции политические.

«Борьба продолжается», «заседание продолжается», «армия и правительство только переменили свою базу», «все установления продолжают функционировать», — в один голос свидетельствуют

Кривошеин, Врангель, Струве. А их единомышленники за границей продолжают высчитывать силу сопротивления, оказываемую и по сей день большевикам крымской армией.

«Благодаря эвакуации армии и флота и расположению их в непосредственной близости от Крыма и Кавказа, большевики вынуждены удерживать в этих районах четыре армии. Следовательно, вооруженные силы Врангеля, расположенные в Галлиполи и на Лемносе, продолжают и сейчас играть некоторую роль, связывая красные армии»,

— такого мнения держится полк. Шумский в «Последн. Новостях».

{48} Свою неудачу деятели Крыма объясняют действием многих обстоятельств, несколько не свидетельствующих, по их мнению, против правильности самих крымских методов.

Виноваты союзники, не снаряжавшие и не снабжавшие вовремя и в достаточных размерах.

Виноваты немцы, инструктировавшие красную армию и, по словам Бернацкого, разработавшие план перекопской операции.

Виноваты общественные Пилаты — социалисты и кадеты, умывшие руки и отошедшие в сторону.

Виноваты предатели-иуды и дезертиры.

Виноваты два полка кубанцев, перешедшие на сторону врагов.

Виноваты военнопленные красноармейцы, напавшие на белых в тылу.

Виноват тот самый недисциплинированный генерал, про которого севастопольские рабочие сложили частушку:

*«От расстрелов идет дым,
То Слащев спасает Крым».*

Виновата природа: 9-11 ноября стояли шестнадцатиградусные морозы, Сиваш замерз, и красные очутились на полуострове.

Виноваты, наконец, большевики, победившие отнюдь не стратегическим превосходством, а только численностью: соотношение противников было 2:11...

Словом, виноваты все, кроме главных руководителей крымских операций. И даже когда, спохватившись, они начинают искать свою вину, то находят вместо того «одну крупную ошибку», и то касающуюся не постановки дела в Крыму, а лишь {49} того, что они упустили случай разделить лежавшую на них ответственность с другими...

«Вы пришли меня судить, — обратился к интервьюеру «Общего Дела» бывший глава гражданского управления в Крыму А. В. Кривошеин. — Я — не против суда... Скажу вам сразу: Крымское правительство совершило одну крупную ошибку. В ней я каюсь. Надо было во что бы то ни стало создать коалиционное правительство... Это надо было сделать. Но не думайте, что тогда ход дел в Крыму изменился бы... Но зато ответственность была бы разделена между всеми антибольшевистскими партиями».

Не веря сами в свое дело, крымские правители требовали веры и жертв от других. Когда же крымская эпопея закончилась трагедией, трагедию пытаются выдать за случайный эпизод, а ее конец — за антракт. И бывшие властителями в Крыму пробуют и из Стамбула говорить привычным голосом: приказывать, изобличать, почти грозить и своим, и чужим.

Приказом 21 ноября, данным на крейсере «Генерал Корнилов», ген. Врангель назначил начальников отдельных ведомств: Струве, Бернацкого, Пильца, Санича и т. д. и предписал :

«всем русским представителям за границей оставаться на своих постах, сносаясь по подлежащим вопросам с начальником штаба и с заведующим иностранными сношениями».

Еще через несколько дней на том же крейсере дано было и «принципиальное» обоснование неприкосновенности источника и пределов законной крымской власти :

«С оставлением Крыма я фактически перестал быть правителем Юга России и, естественно, что этот термин, сам собой отпал. Но из этого не следует делать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым. За ненадобностью {50} название упразднено, но идея осталась полностью. Я несколько недоумеваю, как могут возникать сомнения, ибо принцип, на котором построена власть и армия, не уничтожен фактом оставления Крыма. Как и раньше я остаюсь главою власти».

Наконец, в начале декабря, в беседе с представителем «Temps» и делегацией русских общественных организаций в Константинополе, ген. Врангель снова заверил:

«Южнорусское правительство действует сейчас в сокращенном размере по условиям момента, но идея власти от этого нисколько не поколеблена».

Вместе с тем он прибавил — и это уже звучит почти угрожающе:

«Мы ждем полного выяснения позиции Франции. Если она не признает моей армии, как ядра новой борьбы с большевизмом, — я найду путь для продолжения этой борьбы».

Что это значит?... Какого пути ищет ген. Врангель, который не был ему дан в Крыму?.. Темно и загадочно, кроме очевидного факта, что он еще не осознал случившегося. Трудно расстаться с прошлым, таким близким и неужели уже призрачным?!

Неужели это все только *было*?

Год тому назад.— по записи в хронике Г. Н. Раковского — 9 декабря 1919 г. на станции Ясиноватой (к северо-западу от Ростова) встретились поезда двух командующих армиями: добровольческой — ген. Врангеля и донской — ген. Сидорина. Первыми словами Врангеля, вошедшего в поезд к Сидорину вместе с начальником своего штаба ген. Шатиловым, были;

— Ну, Владимир Ильич, — нужно честно и открыто {51} сознаться в том, что наше дело проиграно. Нужно подумать о нашем будущем.

И ген. Врангель предложил отправиться в Англию, где у него большие связи, и там настоять перед союзниками, чтобы они без промедления послали достаточное количество транспортных средств для вывоза за границу офицеров и их семей.

Вскоре после этого ген. Врангель действительно уехал. Но не по собственному почину, а по требованию Деникина, предложившего ему «оставить пределы России» в виду того, что вокруг него «объединяются те, кто недоволен ставкою». Вернулся Врангель в Россию лишь в конце марта, для участия в военном совещании, созванном «для избрания преемника главнокомандующего вооруженными силами юга России» в виду того, что сам Деникин потерял к тому времени веру в себя и в свою армию. На это совещание Врангель приехал в Севастополь с сенсационным ультиматумом великобританского правительства, предлагавшего Деникину прекратить гражданскую войну под угрозой, в противном случае, лишиться всякой помощи Англии.

«В момент получения ультиматума, — рассказывал впоследствии Врангель военному корреспонденту, — я жил как частный человек в Константинополе. ...В день моего приезда я получил от начальника английской военной миссии ген. Хольмена телеграмму с просьбой ген. Деникина прибыть на военное совещание. Учитывая всю обстановку, я видел, что передо мною стала задача: взять в свои руки дело, которое казалось безнадежно проигранным, и, борясь все время против большевиков, принять на себя позор соглашения, потому что положение казалось безвыходным. Мои друзья отговаривали меня, указывая на то, что Деникин привел армию к поражению и что я должен испить чашу, налитую чужими руками. Но я заявил им, что с армией я делил славу побед, а потому не могу отказаться испить с нею горькую чашу тяжелых испытаний, и выехал в Севастополь».

{52} На совещании выяснилось, что для ликвидации остатков вооруженных сил юга России наиболее подходящим лицом оказывается Врангель, и приказом Деникина генерал-лейтенант барон Врангель был назначен его преемником по должности главнокомандующего.

Такова краткая история прихода к власти ген. Врангеля. История довольно прозаическая, как и сами функции, для осуществления коих призван был новый главнокомандующий. Услужливые крымские сенаторы окружили эту историю легендой о предначертаниях Божьего промысла, «милосердия Господнем» к «болярину Петру» и т. д. А выдвинувшая Врангеля оппозиция к Деникину сосредоточила свое внимание на другом: на противопоставлении живого — а потому и жизнеспособного — Врангеля политически мертвому Деникину, на доказательств положения — Врангель антипод Деникина. начинающий собой новый, качественно совершенно иной политический ряд.

Переход командования от Деникина к Врангелю политически означал переход власти от групп, возглавлявшихся т. н. Национальным Центром, с Астровым, Федоровым и Степановым, к группам, возглавлявшимся т. н. Союзом Государственного Объединения, с душой и мозгом русской реакции — Кривошеиным. Социально это означало переход власти из рук представителей торгово-промышленной буржуазии, субъективно напуганных революцией и ей враждебных, в руки представителей крупнопоместного землевладения, объективно обреченных революцией на небытие. Как знамение времени характерно, что для всех очевидное перемещение власти вправо сопровождалось крикливыми заверениями, что фактически крымская политика устремляется влево, в сторону реального удовлетворения подлинных нужд народа и что крымские консерваторы, по примеру

английских, лучше и быстрее других, могут осуществить именно либеральные реформы.

{53} Вернувшийся из Крыма, почти накануне катастрофы, В. А. Маклаков на поставленный ему прямым вопросом: «какая разница между Врангелем и Деникиным?.. Почему, в силу каких особенностей, Врангель может, как утверждают, преуспеть там, где Деникин провалился?» — с определенностью ответил:

«У нас все умные вещи приходят слишком поздно. Я надеюсь (это было 6 ноября, — М. В.), что умная политика Врангеля составит в этом отношении исключение. Во всяком случае для меня несомненно, что политика Врангеля резко отличается от того, что было на юге год тому назад.

...Как велосипедист, который едет вперед потому, что стоять на месте невозможно, ... он (Деникин) шел вперед. Из этого вытекали роковые последствия... Он не занимался введением каких-либо новых форм правления: он отмахивался от них простой ссылкой на будущее учредительное собрание. А до учредительного собрания, так как нельзя было оставить пустые места, проводилась механическая реставрация прежнего третьего тома.

Затем был ужасный вопрос о национальностях. В этой области Деникин был прямолинеен и неумолим».

В заседании Особого Совещания Деникин как-то прервал Маклакова, употребившего слово федерация:

— «В. А., у нас на юге запрещено употреблять слово федерация».

Теперь: что такое Врангель? Это — живая противоположность Деникину... без предвзятых идей и предрассудков. Всем своим прошлым он принадлежит к такому классу, который бесповоротно провалился. Поэтому он в известной степени осведомлен о беспочвенности его притязаний. Но он не связан ничем и с левыми партиями... Врангель жадно прислушивается ко всем советам и берет подходящих людей, независимо от их политического прошлого... Как истинный революционный вождь, он старается использовать все возможности». («Последние Новости» № 166).

Так противопоставлял обоих генералов русский посол, {54} представлявший в Париже одно время Всероссийское Временное Правительство, а затем последовательно — того и другого генерала.

В этой характеристике много верного, но это верное касается характеристики личных черт генералов, их психологии, а не политики. Черты различия между ними проходили не по линии «реставрационных стремлений» и истинной революционности» — оба генерала могли конкурировать друг с другом, кто из них больше ненавидит революцию, — а в направлении «прямолинейной неумолимости» и безоглядной вседозволенности. Как психологический тип, можно предпочесть тот или другой, но политически — «оба хуже». Во всяком случае, нигилизм в политике трудно признать за политику лучшую по сравнению с чем бы то ни было, ибо нигилистическая политика есть, в сущности, отрицание всякой политики. И для того, чтобы в этом убедиться, нет нужды обозревать всю крымскую политику, с момента ее апогея, когда она доходила до официального признания общности своих путей с путями «повстанческих частей Махно» и «украинских войск» Петлюры, и до момента ее неудач, когда она с надеждой стала взирать даже на «перелет» «генерала» Буденного. Достаточно напомнить, как понимала свое политическое задание сама крымская власть с первого же дня своего прихода на смену ген. Деникину.

Перед своим вынужденным отъездом из России Врангель отправил Деникину письмо, в котором помимо оскорбительных выпадов

по адресу виновника его изгнания, была и жестокая правда жизни:

«Армия, воспитываемая на произволе, в грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию.

Отходя по местности, где население научилось ненавидеть, добрармия стала безудержно катиться назад. По мере {55} того, как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность нашей стратегии и нашей политики, русское общество стало прозревать. Все громче и громче стали раздаваться голоса, требующие смены некоторых лиц командного состава, предосудительное поведение коих стало достоянием общества, и назывались имена начальников, которые среди всеобщего падения нравов оставались незапятнанными. Отравленный ядом честолюбия, вкушивши власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже не думали о спасении отечества, а лишь о сохранении власти.

Цепляясь за ускользающую из рук Ваших власть, Вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и уступок самостийникам».

В этом письме существенно не обвинение в «пагубном пути компромиссов» — отнюдь не в «прямолинейной неумолимости», как это на некотором расстоянии и задним числом показалось Маклакову, — существенна связь, установленная Врангелем между политикой и стратегией. И когда он вернулся из изгнания для того, чтобы сменить у власти бывшего адресата своего послания, он еще резче подчеркнул эту связь: причины неудач Деникина он свел к тому, что стратегия была подчинена политике. И залогом своего успеха Врангель и окружавшие его сферы видели не столько в том, чтобы делать хорошую политику, сколько в том, чтобы всякую политику подчинить стратегии. Все средства были признаны хорошими, поскольку они не идут вразрез с стратегическими задачами. В политическом нигилизме было усмотрено высшее достижение государственного разума, и *фальшивая* политика — так называемая «левая политика правыми руками» — сделалась нормой управления.

Хитро задуманный план обхода политики стратегией не удался. За время войны и не штудировавшие Клаузевица усвоили стратегическое правило: «всякий обходящий рискует быть сам обойденным». Революция показала, что это правило применимо и в политике. И в политике обходившие своих противников {56} партии неоднократно оказывались сами обойденными. Крымские же стратеги, старавшиеся обойти политику, оказались обойденными вдвойне: и политически, и стратегически. Ибо в гражданской войне роль фронтовых начальников меркнет перед значением гражданских правителей. И колоритные фигуры Кривошеина с Климовичем были для Крыма куда более роковыми, чем фигура самого Врангеля.

Если в итоге борьбы Ленин победил Кривошеина, а Дзержинский Климовича, то, конечно, не потому, что режим или политика первых была лучше режима или политики вторых. Конечно, нет! Советская Россия ни в какое сравнение не могла идти с Россией крымской. Они не только были не соизмеримы по географическим своим размерам, они были не соизмеримы и по политическим. Сближать и сравнивать их можно было только динамически, оценивая заложенные в каждой из них возможности. Ина слава солнцу. Ина слава звездам.

Крым имел то преимущество, что, по сравнению с Москвой, пределы разложения были меньше и темп разложения медленнее.

Но у Москвы была *идея*. Пусть эта идея — спасти мир своим злодейством и, ценою гибели России, вызвать прекращение мировой войны и ускорить социальную революцию идея — исторически нелепая, а по отношению к национальным судьбам России преступная! Но какую идею нес с собой Крым? В чем идеологически было отличие Крыма от потерпевших поражений Екатеринодара и Новороссийска?

Там, была идея восстановления России единой и неделимой. Можно ли было здесь рассчитывать на большой идеологический успех опущением признака неделимости? Или тактическим «федерированием» с украинскими войсками Петлюры и повстанческими частями Махно? Или формальным умолчанием о царе, о котором уже мечтали, но которого предпочитали иметь «лучше {57} на 5 лет позднее, чем на 5 минут раньше»? Кто мог догадаться, что, защищая Крым, защищают «последний клочок Русской земли, где существует право и правда», как гласил последний приказ генерала Врангеля изданный перед эвакуацией? Ведь кто говорил Кривошеин, — думал: «столыпинщина». Кто видел Гурко, — вспоминал: «Лидваль». Крыжановский напоминал о перевороте 3-го июня, как Климович — департамент самодержавной полиции...

Одними идеями штыка, конечно, далеко не всегда побеждаются. Но следует ли отсюда, что идеи вообще имеют второстепенное значение для войны, в особенности гражданской, да еще для стороны, терпящей острую нужду не только в штыках, но и в людях, в территории, в запасах? Правильно ли утверждение П. Б. Струве: «О какой-либо связи неудачи Врангеля с внутренней политикой можно говорить, только закрывая глаза на факты»?

«Из тех двух диктатур, которые боролись на крымском фронте, обе являлись выражением чаяний весьма тонких слоев российской общественности, а тем более — народа. Но одна, хотя бы по форме, в виде была диктатурой безличной, классовой. Другая же, наоборот, — подчеркивала персональный характер диктатуры, в ее наиболее отталкивающей форме военного диктатора. Меньшинство, господствующее в советской России, имело за собой не только огромную территорию и громадные запасы человеческого материала; оно имело хотя и разбитый, но все же некогда действовавший государственный аппарат; и, главное, силу инерции, которую успевают приобрести всякий, даже всего три года существующий строй. Что могло ему противопоставить меньшинство, боровшееся в Крыму за свой личный страх и совесть, не связанное никем и ничем — ни программой, ни представительным учреждением — и {58} создавшее свою власть и управление не путем общественного провозглашения или признания, а в порядке произвольного единоличного назначения по команде» ?

В таких условиях можно было удивляться не тому, что Крым пал, а что он так долго держался. Но следовало ли отвлечение красной армии на польский фронт и разложение этой армии истолковывать как признак собственной силы и превосходство крымской стратегии над московской политикой? Можно ли было надеяться преодолеть большевизм тайным возжеланием того, что явно не рисковали произнести вслух даже самые горячие сторонники крымского дела? В. И. Гурко, приехав из Крыма, мог, конечно, сказать, что «Врангель — это последняя ставка не нас, а России», ибо для идеологов Совета Государственного Объединения и

Създов Сельских Хозяев «мы» это всегда звучало как «Россия», а Россия всегда сводилась к «мы».

И из искры может, иногда, возгораться пламя. Но дым и чад никогда не были способны зажечь никого и ничего. Если в Крыму и были искры, — они потухли уже задолго до эвакуации Крыма. Значит ли это, что именно с этими искрами погибла и Россия?...

С осени 18 года на востоке и на юге России гегемония на антибольшевистском фронте была насильственно захвачена и монополизирована сторонниками единоличной военной диктатуры. В процессе борьбы военная диктатура становилась все более неумеренной, все более просторными становились кадры зачисляемых в «полубольшевики» и тайных или бессознательных-«пособников большевиков», все уже становился базис пригодных борцов за восстановление России. Ныне круг как будто бы уже завершен.

Свыше двух лет понадобилось для того, чтобы жестоким {59} опытом была опровергнута спасительная роль военных диктаторов. Если необходимо было дублировать новороссийскую катастрофу для того, чтобы убедиться в том, что дореволюционная Россия с ее поместным землевладением и столыпинщиной — это вчерашний день русской истории, через который она переступила безвозвратно, — то, как ни безмерны жертвы крымской катастрофы, в них есть свой историко-политический смысл и оправдание.

Смысл — жестокий; оправдание — тягостнее всякого осуждения. Но разве не все трагедии чужды жалости и примирения? Разве существуют трагедии, свободные от этого закона? Разве вся история не состоит из трагедий, оправданных человеческим разумом? И разве можно извлечь какой-либо другой смысл из истории крымской трагедии?

III.

И по своим размерам, и по своему политическому значению и последствиям крымская катастрофа вышла далеко за пределы Таврического полуострова.

В целом ряд стран, так называемые, реальные политики стали уже с большим оптимизмом расценивать возможность возобновления нормальных отношений с ненормальной советской Россией. Как в свое время после польских неудач, Англия и ныне торопится заключить торговый договор с Советами. Польша спешит перевести прелиминарии в настоящий мир. Финляндия — ратифицировать мир, уже заключенный. И даже Франция, явно отставая от Англии и даже от Германии, стремящейся получить свой кусок от российского пирога, — уже успела отречься от крымского правителя. Из заявления Лейга в парламентской комиссии по иностранным делам выяснилось, что

{60} *«бывший председатель совета министров Мильеран признал правительство Врангеля для того, чтобы спасти Польшу».*

Таким образом оказалось, что даже во Франции ее внешняя Политика в отношении к России диктовалась не русскими интересами, а им враждебными, искусственно отождествляемыми с интересами

Франции...

И вполне естественно, что, учитывая свою победу над Крымом, большевистская власть сделала свои выводы из той исключительной готовности, с которой тянутся к Москве различного рода империалисты.

«Мы получили не только передышку, — говорил Ленин на последней конференции коммунистической партии в Москве, — а нечто новое: возможность существовать среди буржуазных стран. Это значит, что внутри этих стран революция созрела... Враги наши, проникнутые желанием раздавить нас военной силой, вынуждены заключать с нами договоры и содействовать нашему укреплению» («Красн. Газета» от 23. XI. 1920).

«Не мы уступаем, — пишет «Красная Газета» и «Деревенская Коммуна», — не мы сдаем позиции. Сдаёт и уступает нам буржуазный мир, который уже бессилён перед фактом нашего существования и заключает с нами договоры. Но мы ещё слабы, чтобы сломить этот мир».

«Чтобы сломить этот мир», большевики методически собираются продолжать то дело, которым они исторически оправдывали все свои преступления. «Мы долго, долго не сможем перековать наших мечей на плуги», — предупреждал Радек ещё накануне поражения Врангеля («Правда» 7. XI.)

А после большевистских успехов невоздержанный на язык Бухарин в той же московской «Правде» подчеркнул, что разгром Врангеля, Петлюры и Балаховича не следует рассматривать как возвращение к мирному времени: ещё не настал час сложить оружие.

{61} *«Большевики должны сокрушить польскую стену, протянуть руку германским товарищам и вместе с ними появиться на берегах Рейна и Средиземного моря, чтобы продиктовать капиталистической и буржуазной Европе волю мирового пролетариата».*

Бухарину вторит Ленин, глядящий не на запад, а на юго-восток. «На Кавказе складываются условия, которые могут навязать нам войну», — говорит на партийной конференции в Москве Ленин в то время, когда Троцкий из морского собрания в Севастополе метит ещё дальше :

«Наша задача далеко ещё не закончена. Час общего умиротворения ещё не наступил. Зловещие тучи собираются на Кавказе. Полчища Врангеля существуют. Люди недовольные советским режимом, а также агенты иностранных империалистов вызывают волнения внутри страны. Поэтому мы должны сделать новое усилие, чтобы искоренить раз навсегда контрреволюцию. С этой целью мы должны не только энергично действовать внутри страны, но так же восстановить порядок на Кавказе и образумить Англию, ибо только если нам удастся расшатать её могущество, мы победим мировой империализм».

И одновременно с этими речами большевистские войска занимают Армению и появляются на индийской границе, на высотах Памира...

Как наивны были те мечтатели, которые верили, что мир и труд заставят большевиков эволюционировать. Сколь легкомысленным были их уверения, будто исчезновение антибольшевистских фронтов ослабит большевиков, заставит их отказаться от той системы крови и железа, которой они держатся сейчас и для которой тогда не будет уже решительно никаких оправданий.

О, большевики тоже знают свою силу и свою слабость! И если бы антибольшевистских фронтов вообще никогда бы не существовало, они сами их создали бы. Ибо большевизм это аппарат для гражданской войны, последовательно {62} перемещаемый из русского города в деревню, а оттуда — на мировой простор.. Стеклов уже спешит воодушевить уставших, призывая не угашать боевого пыла.

«Белогвардейские офицеры, право-эсэровские заговорщики, кулаки и революционеры всех мастей до сих пор всемирно срывали политику советской власти, особенно в продовольственной области. Они пользовались всяким случаем для устройства восстаний. Пока мы не разгромим их гнезд, они будут помогать всякому посягательству на Сов. Россию. Переход к мирному строительству невозможен без уничтожения этих нарывов.

Им надо объявить беспощадную войну, взять эти элементы в железо и очистить от них страну.

До тех пор, пока мы с корнем не вырвем внутреннюю измену, враждебные нам группы иноземных империалистов не перестанут срывать те соглашения, которые нам удастся заключить. Наша очередная задача: ликвидация контрреволюции в стране».

Хищники и палачи свое сказали. Что скажут жертвы?

На родине жертвы советской власти приведены к молчанию: они загнаны в подполье глубже, чем при самодержавии. Их держат по тюрьмам, подвергают пытке голодом.

Лишь изредка доносятся оттуда замогильные голоса, которые звучат почти полной безнадежностью :

«Мы — пишут заключенные в московской бутырской тюрьме социалисты, максималисты и анархисты — обращаемся к вам, синдикалисты, анархисты и члены социалистических партий всех стран и народов, — потому что общественность рабочих и крестьян России давно уже замерла, заглушена теми неслыханными мерами репрессий, к которым прибегает «рабоче-крестьянское правительство» против всех тех, кто в чем-либо несогласен с его внутренней и международной политикой... Мы до сих пор не смеем высказывать нашей истины. Все наши газеты без исключения давно закрыты, все наши партии разгромлены».

{63} Приходится поэтому прислушиваться не только к голосам, которые изредка и в заглушенном виде доходят из каменных мешков, в которые обращена советская Россия. Приходится прислушиваться и к российским голосам, правда, оторванным от родной земли, но зато внешне и внутренне свободным.

Падение Крыма вызвало самоопределение в рядах многих групп и партий. Поспешнее других реагировали на крымские события представители росс. соц.-дем. раб. партии. Прибывшие недавно за границу Мартов и Абрамович в поражении Врангеля увидели победу не только большевиков, но и российской социал-демократии и «всего русского народа». В опубликованном ими заявлении своей «ближайшей задачей» и, как полагается, задачей «всемирного пролетариата и всех искренних демократов» они видят в требовании признания советского правительства,— «de reconnaître officiellement le gouvernement soviétique», — как гласит воззвание «к социалистическим партиям и профессиональным союзам всех стран».

Еще до падения Крыма можно было предвидеть, к чему должен был привести меньшевиков их принципиальный отказ от свержения большевистской власти силою оружия и их надежды на мирную

эволюцию большевизма. Такое предвидение было сделано, в частности, В. Черновым, в статье, напечатанной в приложении к № 1 нелегальной, возобновленной недавно «Революционной России». Опровергая меньшевистский тезис о том, что «большевизм это — революция», «пусть плоховатая, пусть не очень разумная, но все же революция», и что большевизм еще нужен стране и мужику» для того, чтобы заслониться от помещичьей реставрации, Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля, — В. М. Чернов заключает:

«Мы застряли в большевистском тупике. Нам кричат: легче на поворотах. Нам стараются внушить {64} надежду, что и тупики не наглухо замыкаются, что и в них можно искать «щелочек». Не то ли было при самодержавии? Не собираются ли играть меньшевики при правящем большевизме ту же незавидную роль, которую при царизме играли кадеты и октябристы, — роль «Оппозиции его Величества большевизма»?»

Последним своим заявлением меньшевики на этот вопрос ответили утвердительно.

Гораздо медленнее и болезненнее протекает процесс самоопределения в той партии, которая была, если не главным организатором, то во всяком случае главным идеологом всех военных диктатур.

Почти три года культивировали к. - д. идею спасения России чрез посредство удачливого диктатора. Они успели привить эту идею довольно широким слоям буржуазии и интеллигенции. Вера в диктатора заставила сибирских к. - д. накануне омских событий подстрекнуть колеблющихся совершить переворот в пользу адм. Колчака, побудила их открыто заявить себя «партией государственного переворота». Та же идея единоличного военного диктатора, ведущего и все судьбы гражданского управления, кружила и туманила головы деятелей к. - д. партии и на юге России; в частности, — тем из них, которые в начале 19 года в Одессе принимали участие в переговорах т. н. «четырёх бюро».

Трудно, конечно, сознать и признать свои ошибки. Трудно сразу вернуться к тому, что было так основательно забыто в течение последних двух лет. Чем значительнее партия, тем сильнее давят на нее психологические пережитки и традиции прошлого. И тем существеннее те заявления, пока еще, правда, индивидуальные, которые сделали представители к. - д. партии под непосредственным влиянием последних событий.

{65} *«Я не скрываю от себя,—заявил П. И. Миллюков,— что кадетизм за истекший период в известной степени испортил свое лицо. Но элементы будущего у нас есть, и без них обойтись будет невозможно.*

Я полагаю, что период военной диктатуры кончен. Те, кто еще не убедились в этом, поймут это очень скоро, через небольшое количество недель. Военная диктатура везде обрисовывалась с таким социальным сопровождением, которое делало ее невозможной.

Явления русской революции могли только подтвердить наглядно громадное значение морального элемента в падении одних режимов и в победе других. Опыты последних лет убедили нас в том, что и теперь применение одной физической силы недостаточно».

Как ни самоочевидны выраженные здесь положения, нельзя не отметить, что, после прошлого, лидеру к. - д. требовалось, действительно,

не мало гражданского мужества чтобы их высказать... Конечно, заявление признанного лидера и даже целого Комитета в Париже не покрывает мнения всей партии. И рядом с декларацией парижских к. - д. имеются противоположного свойства заявления к. - д. константинопольских, берлинских и других, не возвышающихся над уровнем государственно-правовых воззрений ген. Врангеля и вместе с ним, свято чтущих творимую легенду о «преемственности» и «незыблемости» «законной» крымской власти, единственного оставшегося в России «бодрого творила», по выражению писателя Куприна.

Вряд ли следует, однако, в настоящих условиях умалять значение, формально может быть и недостаточно полномочных, но политически обязывающих выступлений. Как война внешняя вынудила приостановить течение сроков в частноправовом обороте, так и гражданская война вызвала потребность в своеобразном *мораториуме*, для политических отношений, возникающих внутри и вне России, — в частности в отношении к проверке всевозможных полномочий.

{66} Русские демократы и социалисты свои политические судьбы всегда связывали с судьбами, так называемой, третьей силы, Третьей России. Теперь эта третья сила сделалась всеобщим фаворитом. Кто не ставит на нее? На следующий же день после эвакуации Крыма П. Б. Струве заявил:

«борьба не только не прекращается, наоборот, — не связанная ни с какой системой, она станет боле напряженной и глубокой, сделается более подвижной и всеобщей» («La Victoire». — 17.XI).

А «Руль», почти словами из «Pour la Russie» высказал предположение: — «быть может, последний успех большевиков — первый момент их окончательного разложения».

Когда Д. С. Мережковский оспаривает у эсэров первенство в заявке Третьей России, и даже «Temps» и «Times» начинают взирать с некоторым упованием на третью силу, — можно сказать, что увлечение этой идеей или вера в эту силу стало общей почти для всех антибольшевистских течений. Конечно, кто подлинно верит и кто уверовал лишь на время, от безверия, за отсутствием всякого иного объекта веры — верую, хотя и считаю абсурдом, — это видно будет лишь позднее, когда появятся другие, конкурирующие соблазны и фавориты. Но самый тот ракт, что идея «третьей силы», по крайней мере, внешне уже покорила все умы и предрассудки, обязывает не ограничиваться одним лишь утверждением и исповеданием своей веры тех, кто связан с этой третьей силой не преходящими условиями времени и места, а всем своим политическим бытием, в жизни и в гибели. Именно от них требуется умение различать мечты от действительности сущее от, увы, пока лишь чаемого и уповаемого.

Всякая активность предполагает, конечно, известный оптимизм и веру в свои силы. Но оптимизм необоснованный, как и преувеличенная уверенность в себя, таит угрозу искажения {67} перспективы: грозит переоценкой своего призвания и недооценкой сопротивляемости враждебной среды. Поэтому, когда русские демократы и социалисты

говорят о том, что новый духовный, психологический процесс в душе народной закончен; что новое сознание родило волю к действию; что среди ужаса, мрака и хаоса настоящего ясно виднеется вдали брезжущая заря нового дня: что народ в России уже восстал и ведет борьбу с своими поработителями; словом, что как будто уже грядет третья сила, и утверждает Третью Россию, — мы настойчиво призываем прислушаться с особенным вниманием к тем подлинным голосам жизни, которые изредка все-таки доходят из России. В этом отношении чрезвычайно показательна, в частности, та «резолуция по текущему моменту», которая принята была 8 сентября с. г. на конференции п. с. - р., собравшейся нелегально в Советской России. Эта резолюция, «учитывая распыленность масс», считает «очередной задачей партии» в целях свержения большевистской власти «работу по организации активных народных сил». В развитие этой резолюции Центральный Комитет еще определеннее разъясняет партийным организациям:

«Распыленность масс, не только организационное, но и идейное отсутствие в широких слоях трудящихся политически оформленных лозунгов, объединяющих их идеологически и направляющих в русло творческой работы, их отрицательное отношение к существующему правопорядку, исключает возможность каких-либо активных выступлений в настоящее время, ибо П. С. - Р. в своей борьбе за политические и социальные достижения не может базироваться на зыбкой почве политически аморфного бунтарства, открывающего путь для всякого рода демагогии и спекуляции на народном озлоблении. Поэтому большая политическая и организационная работа должна предшествовать моменту выступления активных сил».

Слов нет, — третья сила восторжествует. Третья Россия будет. Но никто не ведает ни времен, ни сроков.

{68} Чтобы приблизить эти времена и сроки, не жаль никаких и ничьих усилий. И прежде всего, — пока не наступил момент, чтобы «камня метати», — надо спешить «камни собирать» не только за своей или соседней околицей, но и повсюду, где только имеются годные для метания «камни». Кто сознает, что одними социалистическими силами Россия не восстановима, — а это усвоили уже и большевики: они только продолжают предпочитать американского Вандерлица, хотя бы и фальшивого, русскому, — тот в предвидении будущего должен определять и свое настоящее; в частности, — и тогда, когда и за пределами родины он посильно стремится защитить ее честь и достоинство.

Коалиция была душой мартовской революции. «Кто говорит против коалиции, говорит против русской революции», — заметил в свое время один из ее главных руководителей и идеологов. Это не значит, что коалиция всегда была возможна или что всегда она была удачна. Тем менее это значит, что коалиция — это принцип чьей-либо программы. Но неудача коалиционных попыток, надлом или простановка в сложении политических сил всегда свидетельствовали о надломе или приостановке в ходе самой революции. И если сейчас и не пришло время для подлинной коалиции — нет необходимых для того и объективных, и субъективных предпосылок: ни антибольшевистской территории, ни консолидированных политических сил, ни забвения прошлого, — если сейчас не стоит, и не может стоять вопрос о коалиционном создании власти, — это не может служить достаточным основанием для отрицания правильности идеи коалиционного метода в работе по воссозданию

России.

Чтобы вступить на этот долгий и тяжелый путь, надо прежде всего привнести хоть некоторую организованность и планомерность в тот хаос и анархию, которые царят, среди т. н. {69} выразителей российского общественного мнения за границей. Когда один публично исповедует, что «пять тысяч махнут съедят Ленина»; другой, — что «раньше пяти лет вернуться в Россию будет нельзя», а потому «надо пролетаризироваться»; третий, не только публицист, но и видный политический деятель в прошлом, беззаботно радуется поражению Врангеля «совершенно так же, как радовался бы, если бы Врангель вступил в Москву»; четвертый — что политических лидеров надо заменить «цветом нашей литературы»; пятый — от имени коллектива заявляет — что «интернированная в Польше армия Пермыкина (вместе с армией Врангеля) — символ национально-патриотического естества России, его рычаг и двигатель» (см. передовую «Общего Дела» № 145), — можно ли равнодушно пройти мимо этого хаоса и разброда?..

Чем распыленнее российская общественность, чем самоубийственнее звучат отдельные призывы, чем безответственнее выступления всевозможных бывших правителей и политических одиночек, — тем острее потребность в организованном проявлении мнения антибольшевистской России, хотя бы за пределами родины.

Уже после падения Крыма, очевидно, в промежутке между партизанскими набегами двух генералов — ген. Пермыкина и ген. Омеляновича-Павленко — Россия оказалась дважды «расчлененной» на две из входящих в ее состав народностей — «самоопределенными». «Общее Дело» от 1 декабря оповестило, что «русский политический комитет в Польше, возглавляемый Б. В. Савинковым», заключил «международное соглашение» в первом пункте коего

«признает государственную независимость украинской народной республики и ныне действующее правительство украинской народной республики во главе с головным атаманом Симоном Петлюрой».

{70} А через день оказалось, что еще 16 ноября в г. Мозыре тот же комитет, в лице своего председателя Савинкова, и вкуче с «русской народной добровольческой армией, в лице командующего ею ген. Булак-Балаховича», — признали, во-первых, факт независимости Белорусского государства и, во-вторых, что

«окончательная форма взаимоотношений между Россией и Белоруссией будет определена соглашением между учредительными собраниями Русским и Белорусским или правительствами, этими собраниями установленными».

Кто станет платить по этим обязательствам?.. В их значимости, вероятно, одинаково не обманываются ни те, которые «самоопределяют», ни те, которых «самоопределяют». Тем более, что, самоопределив Украину и Белоруссию, «русский политический комитет» уже закрылся или, точнее, переменил фирму: вместо прежнего политического комитета Савинков успел уже открыть в Варшаве свой Союз Освобождения России. Да и другой персонаж — Петлюра со всеми своими представителями и правителями, по последним известиям, объявлен

Польшей гражданским пленным, подлежащим интернированию в Кельцах...

История новейшего самоопределения Украины и Белоруссии может служить ярким примером того, до чего может довести нигилистическая политика, не считающаяся ни с чем, кроме внутреннего голоса своей патриотической совести, и ни с чем, кроме собственного антибольшевистского сознания, что один (всякий) практический шаг стоит дюжины (любых) программ.

Эта история только лишний довод для признания, только лишний повод к созданию органа общественного мнения, стоящего на страже чести и достоинства грядущей России и морально ответственного перед ней.

{71} И пусть не подрывают авторитета этого органа указанием на то, что в нем будут фигурировать лишь «тени теней» — бывшие представители бывших политических партий и учреждений. Как ни трудно ориентироваться по теням, нельзя, однако, отрицать того, что и тени имеют свой облик и очертания. И в известных условиях и по тени можно судить, высоко ли солнце и долго ли до зари.

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Дальний Восток, как антитеза Крыму.— I. Нравы сибирской атамановщины в изображении адм. Колчака. — Успехи большевизма за время «колчаковщины». — Борьба против сибирской реакции. — Идея демократического буферного образования. — Переговоры в Томске. — II. Перевоороты в Иркутске. — Города-республики: Верхнеудинск, Чита, Блоговещенск, Владивосток. — Приморье, как центр борьбы за создание демократического «буфера». — Японское выступление. — Отход большевиков на вторые позиции. — Дальневосточная Республика, как изолятор, и Верхнеудинск, как проводник московской политики. — Читинская конференция. — Агония дальневосточной демократии. — III. Три фактора. — Японская игра кошки с мышью. — Большевистская «правая политика левыми руками». — Положение демократии между молотом и наковальней. — Самоотречение во имя любви к родине. — Неоправданная жертва.

В те же самые дни, когда красные армии приближались к перекопским позициям и овладевали Югом России, — заканчивалось овладение России большевиками и на другом, противоположном краю — на дальнем Северо-Востоке.

Юг был покорен физической силой, огнем и мечом. Дальним Востоком большевики овладели более или менее мирным путем, в порядке победы не столько идей, сколько тактической ловкости или, вернее, — неловкости, недалководности, отчаяния своих противников, очутившихся в исключительно неблагоприятной обстановке внутривосточной и международной. Таким образом Крым и Дальний Восток оказались {73} полярностями не только географически. Они в известном смысле оказались полярны и по тем методам, к которым здесь и там прибегала большевистская власть для утверждения своего престижа, для воссоединения России и продвижения границ «социалистического оазиса». Они оказались полярны и по тем методам, которыми там и тут, по преимуществу, боролись против большевиков. И как падение Крыма было не случайностью, а почти закономерным повторением уже не раз бывавшего раньше, так и падение Дальнего Востока явилось лишь «частным случаем», не раз уже прилагавшегося метода отношения к большевизму, как к стихии, которую можно одолеть, лишь повинаясь ее велениям. Натурфилософский принцип Франсиса Бэкона — *natura parendo vincitur*: мы подчиняем себе природу, повинаясь ей, — в данном случае, приводил к замене борьбы против большевиков «обволакиванием» большевиков с последующей капитуляцией перед ними.

История падения Дальнего Востока представляет поэтому интерес не только потому, что она касается происходящего в России, на одной из отдаленнейших окраин, с которой связь и до овладения ею большевиками была затруднительна и случайна. Эта история представляет особый интерес потому, что она может оказаться не только историей, навсегда ушедшей в небытие. Возможность повторения придает ей более общий, длительный и политический смысл.

Что большевизм в России недолговечен, — в этом сомневаются лишь единицы, — не всегда, правда, из большевистского лагеря.

Но когда, а главное, при каких условиях и в какой обстановке — российской и международной — придет «настоящий день», — никто не в силах предсказать. Здесь мыслимы разные возможности. И, в частности, — если большевистской тирании историей суждено пасть не сразу, катастрофически {74} и окончательно, если ей будет отпущено время для всяких мирных переговоров и соглашений, проволочек и отсрочек, она неизбежно во всероссийском масштабе повторит тот путь, которым только что победоносно прошла всю Восточную Сибирь и вышла к Океану.

Ignis non sanat, — ferrum sanat. Но там, где ни огонь, ни меч не помогают, там большевизм всегда готов «лавировать и выжидать», приглушая на время свой коммунизм и создавая видимость уступок (концессий) во внешней политике и даже внутренней.

Крым и Дальний Восток — два противоположных метода преодоления большевизма, — одинаково не достигли цели. Они оба служат одинаково наглядным свидетельством того, какими средствами *нельзя* одержать верх над большевиками.

I.

Режим, воцарившийся в Сибири после низвержения 18 ноября 1918 г. власти Уфимской Директории, был совершенно исключительным по своей жестокости и произволу. Однако, то, что характеризуется в Сибири термином «колчаковщина», свило свои гнезда там и *до* того, как адмирал Колчак принял на себя «осуществление верховной государственной власти». С утверждением в Сибири власти «Верховного Правителя» режим бессудных казней и массового истязания раскаленными шомполами лишь достиг своего максимального напряжения и распространения.

Еще до своего прибытия в Омск адм. Колчак имел возможность присмотреться к тем порядкам, которые прочно укоренились в среде разнообразных добровольческих отрядов, самозванных атаманов, партизанов и т. д. Имеется аутентичное описание этих порядков, исходящее от самого {75} адмирала Колчака. Вот как он характеризует атмосферу, царившую в отрядах атамана Семенова, есаула Калмыкова, генерала Хорвата, полковников Маковкина — отряд из китайцев-добровольцев, — Орлова и др.

«Каждый делал, что хотел. Какой-нибудь офицер, забрав несколько человек солдат или казаков, въезжал куда-нибудь, шел к складам, приказывал открыть двери, при чем в случае сопротивления ко лбу приставлялся револьвер, цейхгауз открывался, и имущество вывозилось. Такой порядок всегда оправдывался военной необходимостью...

Все эти отряды возникли совершенно самостоятельным порядком, поэтому они развивали свои действия совершенно независимо от кого бы то ни было, подчиняясь только начальнику, стоящему во главе; к штабу же только предъявлялись требования в смысле снабжения и денег...

Я сам был свидетелем, как людей арестовывали на улицах. Это были совершенно самочинные выступления... До моего сведения было доведено, что меня в свою очередь собираются арестовать. Я собрал орловские части и сказал, что если бы угрозы были приведены в исполнение, то применить силу к поезду Семенова... Семенов получал помощь от японской миссии в смысле вооружения, денег и снабжения, отчасти же ему помогал и Хорват из запасов, находящихся в полосе отчуждения и принадлежавших Восточно-Китайской ж. д.

Ко времени моего приезда в Харбин самые маленькие, казалось бы, отряды,

состоящие из нескольких десятков человек, создавали у себя органы разведки... Эти контрразведочные органы самочинно несли полицейскую и, главным образом, политическую работу, которая заключалась в том, чтобы выслеживать, узнавать и арестовывать большевиков. Эти органы состояли из совершенно неподготовленных к этой работе добровольцев. По большей части основания, по которым производились действия всех этих контрразведочных органов, были совершенно произвольными, не предусматриваемыми никакими правилами... Обычно происходило так: в вагон входило несколько вооруженных лиц, офицеров и солдат, арестовывали и уводили. Затем эти лица исчезали, и установить, кто и когда это сделал, было невозможно...

Что касается того, что делал Калмыков, то это была уже совершенно фантастическая история. Там производились аресты, не имевшие совершенно политического {76} характера, — чисто уголовного порядка. Там шла, например, правильная охота на торговцев опиумом, стоящим очень дорого. Здесь очень часто уже не контрразведка, а просто предприниматели под видом политических арестов выслеживали этих торговцев. Обычно в вагон входила кучка солдат, заявляла такому перевозчику опиума: «Вы — большевистский шпион», арестовывала, опиум вытаскивала, а затем перевозчика убивала, а опиум продавала...

Калмыков поймал вблизи «Пограничной» шведского или датского подданного, представителя Красного Креста, которого он признал за какого-то большевистского агента и повесил, отобрав все деньги — большую сумму в несколько сот тысяч. Требование Хорвата прислать арестованное лицо в Харбин, деятельность консулов — ничего не помогло. Даже денег не удалось получить. Это был форменный случай разбоя.

Однажды вечером ко мне пришла молодая дама; просить принять ее. Она входит и бросается с просьбой спасти ее мужа, который на улицах Харбина был арестован офицером семеновского отряда. «Его приказано отвезти в Хайлар, а кого отвозят в Хайлар, тот уже не возвращается назад. Я уверена: что его убьют, и только Вы можете спасти его». Я подумал: Семенов мог не считаться со мной, но в Харбине арестовать офицера без моей санкции он, конечно, не мог. Затем я знал, что разговаривать в данном случае совершенно бесполезно. Поэтому я вызвал караул, позвал двух офицеров и сказал: «сегодня, вероятно, вечером к поезду, который должен отойти в Хайлар, явится конвой с арестованным офицером. Арестуйте их всех и доставьте ко мне». Офицера конвоировали 4-5 солдат и один офицер. Мною же послано было полроты, 20-30 человек, которые были скрыты на вокзале. Когда в вокзал вошел конвой с арестованным офицером, их окружили и заявили «по приказанию Командующего Войсками вы арестованы»... Я отпустил конвой; арестованного же офицера оставил у себя и сказал: «единственный способ спасти Вас — арестовать, чтобы Вы были у меня под охраной». (Стенографический Отчет «Допроса Чрезвычайной Следственной Комиссии б. Верховного Правительства России адм. Колчака». — Иркутск 27. I. - 6. II. 1920 г. — Допр. № 7 и № 9).

Таковы были воинские нравы в Сибири и до омского переворота 18 ноября. Адм. Колчак хорошо знал окружавшую его обстановку. Он сохранил в своей памяти отзывы {77} представителей добровольческой армии — Лебедева, Сахарова, Романовского и других, с которыми встречался в Омске незадолго до переворота и которые «все отзывались крайне отрицательно о Директории, говоря, что Директория есть повторение опыта с Керенским и что путь, по которому начала идти Директория, неизбежно приведет к большевизму».

Кто знает, может быть, именно эти отзывы подвинули адм. Колчака, назначенного Директорией на пост военного министра, — решиться принять на себя «всю полноту власти»? Так можно умозаключить из его же слов:

«В первые же дни (после переворота) приходили телеграммы, главным образом, от армии и воинских частей. Тогда эти телеграммы дали мне полную уверенность, что то, что было сделано, сделано правильно и отвечает настроению и желанию армии». (Допр. № 9).

Во всяком случае, несомненно то, что адм. Колчаку был отлично известен морально-политический уровень тех атаманов, которые в

порядке партизанского ночного набега ликвидировали власть Директории и способствовали «реконструкции» власти на единоличном начале. За те четырнадцать месяцев, которые отделяли момент прихода к власти адм. Колчака от момента его показаний, он мог оставаться при прежнем убеждении, что «если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон Учредительного Собрания является их заслугой; это надо поставить им в плюс». (Допр. № 5).

Вряд ли, однако, и в момент крушения своей власти покойный адмирал думал по-прежнему, что «путь, по которому начала идти Директория, неизбежно приведет к большевизму». Вряд ли мог он думать, что к большевизму Сибирь была ближе тогда, когда он ее покидал. В отношении к Директории,— просуществовавшей всего около 1^{1/2} месяца, — можно было лишь гадать, что ее путь «неизбежно приведет к большевизму».

{78} По отношению же к власти Верховного Правителя это, увы, оказалось неоспоримой достоверностью. За 14 месяцев к большевизму оказались «приведенными» не только все Заволжье и Приуралье, но и вся Западная Сибирь: фронт с трех «Б» — Бугульма-Бугуруслан-Бузулук передвинулся к границам Иркутской губернии; «нерв войны» — золотой запас — почти целиком попал в руки большевиков: и, наконец, главное — моральное разложение, дух отчаяния и безверия сделались достоянием самых широких *антибольшевицких* кругов народа и общества.

Переворот 18 ноября нанес антибольшевицкому движению удар, от которого оно не оправилось и до сей день. С особенной болезненностью этот удар отозвался на Сибири. Под прямым влиянием переворота сложились события в Сибири, как непосредственно после крушения «колчаковщины», так и в последующем, — до заверченного недавно поглощения большевиками всего Дальнего Востока включительно.

Реакция в Сибири отчасти создалась, а в более значительной мере окрепла за счет и за время гражданской войны — борьбы демократии против большевиков. Поскольку на первый план выдвигалась борьба против неистовствовавшей реакции, — борьба против большевизма отодвигалась сначала на второй, а потом и совсем на задний план. Таков был, может быть, и естественный, но по результату фатальный ход вещей. Ибо борьба против большевиков в Сибири постепенно выродилась в свою противоположность: превратилась в открытую проповедь мира с большевиками.

«Отказ от политических блокировок с цензовыми элементами. Борьба с интервенцией. Мир с Советской Россией», — под этими лозунгами протекала муниципальная избирательная кампания уже в начале и середине 19 года. В октябре на {79} совещании 16 земств — областных, губернских и уездных — в Иркутске был практически поднят вопрос о неминуемом свержении правительства Колчака. С этой целью создано было нелегальное Земское Политическое Бюро, которое вызвало к жизни и в значительной мере определило деятельность, так называемого, Политического Центра, осуществившего самый переворот. Оно предвидело поворот, который могло принять движение.

«Приступая к активной борьбе с «колчаковщиной», — писали впоследствии участники этого движения, — мы отчетливо учитывали, что все вероятнее за то, что волна вновь перекажется через наши головы, и мы сыграем, так сказать, на руку

большевикам. Однако, это ни в коем случае не могло остановить организацию. Реакция настолько стала ненавистна всему населению Сибири, и наше неумение в свое время защитить Директорию и умелая агитация на этой почве большевиков настолько тесно связала в представлении широких масс населения мысль о нашей якобы связи с колчаковщиной, что мы должны были вполне определенными и ясными для каждого действиями реабилитировать себя в глазах трудящихся. К тому же к этому времени вполне определилось не только для верхов, но и для низов стремление союзников к расчленению России, в частности, к захвату Дальнего Востока. Следовательно вопрос стоял: оставлять ли Сибирь в руках реакционеров, ведущих торговлю целыми областями, или свергнуть реакцию, хотя бы в результате свержения утвердился строй не демократический, а советский... Жребий был брошен».
(Из «Доклада Сибирского краевого Комитета партии с.-р.». — См. «Воля России» № 45).

Жребий был брошен, и демократия вновь проиграла... Задумывая переворот, Земское Бюро, а затем и Политический Центр считали необходимым предварительно разрешить «некоторые международные проблемы». И прежде всего — главнейшую, определяющую жизнь и смерть на Дальнем Востоке — проблему отношений с Японией, точнее — отношения со стороны Японии. Освобождение Восточной Сибири от «колчаковщины» с сохранением края за Россией могло произойти только при {80} нейтралитете Японии в отношении к тому правопорядку, который создастся в итоге переворота. Продвижение красной армии на Восток и создании там советской власти явно выводило Японию из состояния нейтралитета. Для предотвращения такой возможности Иркутский Политический Центр пришел к выводу о необходимости образовать из территорий восточно-сибирских и дальневосточных областей особое, несоветское, демократическое *буферное* государство.

Чтобы провести этот план в жизнь, надо было обеспечить согласие и надвигавшейся с запада силы. С этой целью для переговоров с большевиками Политический Центр, произведя переворот, отправил в Томск специальную мирную делегацию. На первом же заседании 19 января 1920 г. член делегаций Е. Е. Колосов следующими соображениями доказывал руководившему заседанием председателю сибирского революционного комитета И. Н. Смирнову, председателю иркутского комитета партии коммунистов Краснощекову и прочим большевистским властям — приемлемость и даже выгоду для них образования «буфера».

«Здесь идет речь не о каких-либо моральных или академических соображениях, здесь идет речь о простом учете сил. Если Советская Россия имеет уже теперь достаточно сил для немедленного сокрушения вооруженной рукой японской реакции и вообще японского милитаризма, то тогда вопрос решается очень просто, — безостановочным продвижением советских войск в глубь Сибири к Иркутску и за Иркутск. Тогда никакого буферного государства не нужно. Если же в данное время Советская Россия таких сил не имеет, тогда необходимо придти, в целях сохранения единства России и воссоединения Восточной Сибири с остальной русской территорией, к мысли о необходимости создания особого буферного государственного образования на демократических началах. Для Советской России образование его тем более облегчается, что вести борьбу с нею и создавать фронт между нею и Сибирью демократия в Сибири не станет. Она твердо выяснила в этом отношении свою линию поведения: уничтожение фронта на западе и создание его на {81} восток против реакции». (См. ежедневн. газ. «Воля» — орган Дальневост. Бюро Всесибирского краевого Комитета Партии Социал-Революционеров — № 2 Владивосток. 1920 г.).

Чтобы добиться согласия большевиков, приводились и другие

аргументы. Председатель делегации меньшевик Ахматов соблазнял большевиков принять идею восточносибирского «буфера», потому что он, «во-первых, обеспечивает возможность разрыва блокады Советской России и, во-вторых, развязывает Америке руки в отношении Японии». Он заверял, что, в случае столкновения России с Японией, — «Политический Центр сделал бы все от него возможное для того, чтобы создать против Японии совместно с Советской Россией единый фронт против притязаний японского милитаризма».

Большевики, взвесив предложение, заявили:

«Полученные нами директивы из центра предлагают искать путей к мирному разрешению запутанного вопроса Восточной Сибири, по возможности избегая вооруженного столкновения с Японией... Для Советской Республики необходимо занять Иркутск и часть Забайкалья вплоть до Верхнеудинска, для создания укрепленного плацдарма. О буфере же можно поставить вопрос только как о государстве Забайкалья и в этом смысле можно о нем говорить. Это только тактический шаг, необходимое замедление темпа нашего продвижения на Восток».

И будущий глава верхнеудинского правительства, ныне «собравший» под свою власть всю территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока, Краснощеков, с своей стороны, подтвердил:

«Нами мыслится буфер, как образование временное, как дипломатическая ставка. Необходимы гарантии против перманентного буфера... Центру необходимы в первую очередь Забайкальские туннели для того, чтобы обеспечить себе кузнецкие и черемховские районы; затем — Владивосток, чтобы оттуда говорить с Америкой и Восточной Азией».

{82} После сношений томских большевиков с московским Кремлем переговоры закончились признанием необходимости создать буферное государство на основах декларации Политического Центра. Эта декларация предусматривала в качестве «задач новой государственности» —:

Прекращение состояния войны с Советской Россией. Борьбу с внутренней реакцией, нашедшей свое наиболее яркое выражение в «атамановщине» и поддерживаемой империалистической Японией... Восстановление свободы слова, собраний, союзов и т. д. Созыв Учредительного Собрания на территории буфера.

Телеграммой от 21 января № 506 «Предсовобороны» Ленин и «Предреввоенсовета» Троцкий санкционировали соглашение томских большевиков. А в тот же самый день большевики в Иркутске, не считаясь ни с кем и ни с чем, ни с чьими директивами и ни с какими соглашениями, произвели новый, свой переворот, переместивший власть из рук Политического Центра в руки большевистского Революционного Комитета. Мирная делегация, узнавшая о перевороте уже по въезде из Томска, оказалась поставленной перед фактом, разрушившим весь смысл только что заключенного соглашения, но имевшим за собою всю силу свершившегося. И фактическое решение оказалось сильнее договорного. То, что большевики в Томске уступили, — большевики в Иркутске вновь отобрали. Кузнецкие и черемховские районы и забайкальские туннели оказались уже в границах советской России. Иркутск переставал быть резиденцией будущего буферного правительства. Тем самым в значительной мере, предreshалась судьба и самого «буфера».

Чем восточнее, т. е. ближе к Японии, проходила его граница, — тем менее становился он жизнеспособным, тем более уязвимым и изнутри, и извне.

{83}

II.

Переворот, возглавившийся Политическим Центром и происшедший в Иркутске 4 января, послужил сигналом к аналогичному движению в других центрах политической жизни Восточной Сибири и Дальнего Востока. После свержения агентов власти адм. Колчака, власть переходила к земствам. Но за земством она сохранялась обыкновенно не долго. Иногда, — например, в Благовещенске, — всего несколько дней. А там, выполнив роль «политических рессор», посильно ослабив резкость перехода, — земство отходило в сторону. Волны движения, направленного против «колчаковщины», перекачивались и захлестывали земскую власть. На «съездах трудящихся» устанавливалась власть близкая к советской.

Выступление большевиков против Политического Центра и захват ими власти в Иркутске расплыли и окончательно дезорганизовали движение. Каждый более или менее значительный пункт стал после этого выступать и поступать по своему, на собственный страх и риск. В итоге положение стабилизировалось в таком виде.

По соседству с советским Иркутском, в Верхнеудинске, создалась Республика, которую никто в Сибири иначе и не называл как «ширмой» Москвы. В действительности же здесь не было даже ширмы. Был совершенно прозрачный флер, которым Москва, уступая тем, кто придавал этому значение, покрывала обнаженную политику овладения Востоком чрез посредство *своего* «буфера».

За красным Верхнеудинском шла черная Чита. Здесь царил Семенов. Сюда стекались отступавшие от большевиков героические «каппелевцы». Здесь образовался политический и военный центр реакции. В бытовом отношении все покрывалось {84} беспрестанными оргиями, наркотиками и развратом. В читинской газете можно было встретить объявление:

«За приличное вознаграждение прошу нашедшего вернуть утерянный мною на Смоленской улице сапог со шпорою».

Чита была средостением или, по излюбленному сибирскими публицистами выражению, «пробкой», — которая разделила Верхнеудинск и Владивосток, препятствуя непосредственному их соприкосновению по магистрали.

А туда, во Владивосток, после Иркутска, переместился центр борьбы за создание демократического «буферного» образования. Именно Приморье, как ближайшая жертва японских вождений, под непосредственной опасностью захвата, становилось естественным очагом, где вначале тлела, а позже все более ярким пламенем разгоралась мечта о сохранении края за Россией путем установления в нем

самостоятельной демократической государственности. И когда этой мечте суждено было потерпеть крушение, это было прежде всего крушением Владивостока.

Рядом со «стольными» городами республиками — Верхнеудинском, Читой и Владивостоком — были и младшие города — Благовещенск, Хабаровск, Гродеково и т. д. Но самостоятельного политического значения они не имели. Эти «республики» не столько делали свою политику, сколько вдохновлялись чужой. В частности, наиболее значительная среди них Амурская с Благовещенском, как центром, держала определенно курс на Москву — *via* — Верхнеудинск.

После падения власти адм. Колчака в Приморье вся «верховная власть» в пределах области стала осуществляться Приморской Земской Управой. Просуществовав около месяца, она начала утрачивать свой демократический облик. Все отчетливее стали проступать черты большевистского влияния и давления. Земские учреждения стали обрастать и замещаться всевозможными {85} Исполкомами и Съездами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, ставшими послушными орудиями большевиков. «Земская Управа в глазах всех превратилась в прозрачный покров советской власти», — отмечал, правда, несколько запоздало Приморский Областной Комитет П. С. Р. 13 апреля. А глава правительства, председатель управы А. С. Медведев еще в начале марта предупреждал на земском собрании: «Если вы хотите увидеть японских солдат и оккупацию Владивостока и области, то скажите последнее слово: «власть советам!», и оккупация, несомненно, будет».

«Последнее слово» было сказано. Отдавая дань всеобщему увлечению большевизмом, которого в длительном и подлинном виде Дальний Восток еще не знал, Приморье самозабвенно и неудержимо мчалось к катастрофе. 3-го апреля состоялось открытие Владивостокского «совдепа». Несколькими днями раньше открылся съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов — в Никольске. Настало 4 апреля — день выступления японцев. Они выступили одновременно во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спасске, Имане, Шкотове и других городах. Это было кровавое выступление, стоившее сотен жертв, ранеными и убитыми, и сопровождавшееся унижением русского национального достоинства, разоружением воинских частей, захватом судов и наложением японской опеки на наиболее значительные государственные, общественные и частные учреждения.

Хотя мысль о том, что японцы могут выступить всеми допущенными, хотя от возможности такого выступления многие даже аргументировали, — когда оно фактически произошло, оно оказалось совершенно неожиданным, внезапным, — громом из ясного неба. Это выступление имело решающее влияние на ход дальнейших событий на Д. Востоке, и дата 4-5 апреля (1920г.), приобрела в Сибири такую же популярность, как и 18 ноября {86} (1918 г.). Показателем общей депрессии, которую вызвало японское выступление, может, в частности, служить небывалое до того на Дальнем Востоке, падение русского рубля. Начав крепнуть в период ликвидации «колчаковщины» и до событий 4-5 апреля колеблясь между 67 и 120 рублей за японскую иену, курс рубля после этих событий стал стремительно и безостановочно падать: за два

месяца иена достигла стоимости 3 и более тысяч рублей. Окончательное обесценение рубля по местным условиям означало вообще вытеснение русского платежного знака и замену его японским, то есть полное экономическое завоевание края Японией.

Вооруженное на протяжении чуть ли ни всей Приморской области выступление и сопровождавшие его «мирные» последствия были восприняты дальневосточным населением, как начало фактической оккупации края. Это заставило отрезвиться даже наиболее невоздержанных. Самые крайние группировки под натиском «внешнего фактора» резко изменили свою тактику. В политическом лексиконе Дальнего Востока, наряду с терминами - «буфер», «ширма», «пробка», начинает мелькать новое выражение: «отход на свои вторые позиции». Этим выражением прежде всего определялся образ действий местных большевиков, которых неискушенные противники тотчас же поспешили наделить всевозможными украшающими эпитетами: умеренные, благоразумные, поумневшие, наши (не в пример центрально-российским) и т. д.

Действительно, представитель приморских коммунистов Никифоров, видимо, не без сигнала из Москвы продекларировал:

«Центральное советское правительство смотрит на Дальний Восток как на страну, где много неизжитого. Советское правительство считает, что здесь капиталистические нормы должны быть изжиты эволюционным путем. Партия коммунистов поддерживает существующее Временное Правительство. Враждебность, бывшая с нашей стороны в первое время, совершенно исчезла».

{87} И став на путь «соглашательства», приморские большевики смело по нему пошли, не считаясь ни с какими, даже своими собственными, предрассудками, вплоть до... того момента, когда они сочли своевременным его оставить, чтобы вернуться обратно и следовать прежним путем.

Социалистический фронт был заменен единым национальным фронтом. Образовано было правительство — совет управляющих ведомствами — где лидеры коммунистов сидели и работали вместе и солидарно с бывшими членами Уфимской Директории — ген. Болдыревым и к.-д. Виноградовым и с представителями торгово-промышленных групп — Исаковичем, Бриннером, Циммерманом. Принимая правительственную программу, большевики подписывались под признанием «буржуазно-капиталистического строя», частной собственности и инициативы и т. д. При выборах в Приморское Народное Собрание коммунисты образовали общий блок не только с левыми эсрами и максималистами, но и с меньшевиками и народными социалистами. В числе других делегатов Народного Собрания они миролюбиво, обмениваясь рукопожатиями и приветственными речами, ведут переговоры о совместном образовании центральной «буферной» власти с Семеновым» и иными «белогвардейцами». Словом, здесь полностью и внешне-добросовестно осуществляется «трижды презренная» большевиками в центральной России *коалиция*.

Характерное для приморских коммунистов, это обстоятельство не менее характерно, конечно, — и для их к.-д., цензовиков и б. членов Директории, которые, после всего случившегося, сочли для себя

возможным пойти навстречу большевикам и вступить с ними даже в правительственную коалицию: Это вызывалось, с одной стороны, программной капитуляцией дальневосточных большевиков. С другой — тем, - что в Приморье по тем или иным причинам, но политическая гегемония принадлежала {88} бесспорно коммунистам. Их поведением отчасти определялось направление политики и других партий.

Хотя именно большевистская политика дала японцам повод к их выступлению, это выступление не уменьшило, однако, популярности большевиков. И после событий 4-5 апреля, при выборах в Приморское Народное Собрание на основе всеобщего избирательного права, большевики провели 26 депутатов, тогда как с. - д. меньшевики всего 4, с.-р. — 3, нар.-соц. — 2, партия народной свободы — 4, торгово-промышленная группа — 9. Наиболее же многочисленная крестьянская группа, из 75 депутатов, организационно не связанная ни с какой партией, фактически голосовала чаще всего с большевиками. Эти симпатии, помимо общих причин, объясняются не только гибкостью и приспособляемостью, обнаруженной приморскими большевиками, но и своеобразной, крайне острой внутренней реакцией против японского выступления. Направленное формально против большевиков — фактически же большее всего ударившее по демократии — японское выступление увеличило влияние большевиков: из протеста против внешнего насилия население отдавало свое сочувствие и голоса тем, чьими действиями это насилие себя оправдывало.

Под угрозой нового выступления японских экспедиционных частей, уступая требованиям Японии, российская демократия на Дальнем Востоке не переставала подчеркивать то, что, ей думалось, единственно только и давало, хоть некоторую надежду, не сейчас, так в будущем, — на отпор захватчикам края. Этой заветной мечтой, к которой неизменно возвращалось общественная мысль во всех своих политических заявлениях, было — воссоединение «на началах органической связи и на основах военного и экономического союза» с Советской Россией, «сохраняя автономию в своей внутренней жизни». Эти последние слова {89} имели целью обезвредить отрицательные стороны воссоединения с Советской Россией, сохранив положительные — увеличение для внешнего сопротивления.

Япония с ее 57 миллионным населением, с ежегодным приростом, превышающим 600 тыс. душ, с территорией меньшей, чем территория одной Калифорнии, естественно стремится разрядить свое население. И колонизация Сибири и Дальнего Востока вошла таким же звеном в общую цепь японской политики, как колонизация Кореи, Манчжурии, Монголии. Формально идея образования «буфера» на Дальнем Востоке не встретила возражений со стороны Японии. Начальник штаба экспедиционных войск ген. Такаянаги заявил:

«исходной точкой желания японцев должно быть создание правительства для всей территории буферного государства, в котором не будет допущено господство коммунистических идей, грозящих как экономическому принципу частной собственности, так и политическому спокойствию японского государства».

Но фактически японский нажим переходил границы мирной

колонизации. Оккупационный режим становился все настойчивее и назойливее. От разоружения и захвата судов оккупанты перешли к вмешательству в мелочи административной жизни, к контролю за назначениями, к самочинным арестам, обыскам, реквизициям, выселениям и т. д. Международные перспективы становились настолько безотрадными, — что стала казаться иллюзорной самая возможность сохранить край за Россией.

И в поисках опоры, за отсутствием собственной или какой-либо иной реальной силы, взоры невольно стали обращаться на запад в сторону Советской России. Это стало происходит даже с теми, кто не обманывал себя в специфических особенностях того «разбойничьего» режима, который установился на западе. Однако непреходящим интересам будущего готовы были принести {90} в жертву временные интересы настоящего. Во имя «любви к дальнему» — к России решались поступиться «любовью к ближнему» — к дальневосточной окраине.

«На вопрос, предпочитаем ли мы сохранить независимую Дальневосточную Республику с самым идеальным государственным устройством, эсеровским правительством, и разумнейшей экономической политикой, или воссоединиться с Советской Россией без риска потерять Дальний Восток для России, — мы ответили бы, конечно, что предпочитаем второе, хотя бы нам предстояло вновь голодать или скрываться от преследований, хотя бы и всему населению края временно стало жить еще труднее, чем теперь. Судьба Дальнего Востока неразрывна с судьбой России и лишь по соображениям политической целесообразности мы выдвинули и защищаем идею буферной государственности в интересах как всей России, так и русского Дальнего Востока», —

и так писал лидер местных эсэров, б. товарищ мин. внут. дел Временного Правительства В. Я. Гуревич («Воля» № 44, ст. «В поисках выхода»).

Такое жертвенное настроение советская власть не преминула конечно, использовать по-своему.

Согласившись на образование «буфера» в целях изоляции от непосредственного соприкосновения с Японией и оккупированными ею местностями, советская власть пользовалась Верхнеудинском, как проводником своей политики. Верхнеудинск, естественно, оказался «единственным, признанным центральной советской властью и правомочным для Дальнего Востока». Устами верхнеудинского главы и министра иностранных дел Краснощекова Москва оповещала командующего японскими войсками в Сибири Маримото Оой, что дальневосточное правительство

«своей первой и главнейшей задачей считает соединение Забайкальской области с областями Дальнего Востока» установление твердой власти правительства и объединение действий на всей этой территории; видит в этом единственную гарантию демократического порядка и полного {91} умиротворения страны; и готово прекратить военную операцию даже против внутренних врагов под условием, что со стороны японских войск будут прекращены всякие враждебные действия и что на реакционные силы будет оказано давление для того, чтобы они сложили оружие».

Так, через официального своего «Уполномоченного на Дальнем Востоке» Виленского Москва опубликовала известие о том, что выпущенные приморским правительством после девальвации 5 июня

денежные знаки «правительством Р. С. Ф. С. Р. признаются». Верхнеудинские же правители и не скрывали своих вассальных отношений к Москве. Когда китайская миссия прибыла на территорию, подчиненную верхнеудинской власти, Краснощеков телеграфировал в Пекин о задержании миссии в Кяхте и о том, чтобы в дальнейшем по таким вопросам предварительно сносились с «нашим правительством, находящимся в Москве». «Если невозможен советский строй в Приморье, мы идем на потерю его с тем, что сможем вернуть его года через два-три», — так откровенно формулировал свою программу верхнеудинский министр — большевик Червонный. И многим ли отличались эти слова от смысла официального заявления Чичерина, сделанного еще 16 апреля?

«На очереди стоит образование буферного государства на территории между Байкалом и Тихим Океаном, включая Северный Сахалин. Мы согласны на отделение этой страны от России. Будущее положение этого государства определится договорными отношениями между Россией и Японией».

Верхнеудинск готов был заслонить Советскую Россию от Японии любыми концессиями, — в частности, соглашаясь отказаться от российских прав в полосе отчуждения китайской восточной железной дороги и нейтрализации забайкальской на тех же условиях, на которых была нейтрализована уссурийская, т. е. с предоставлением исключительных полномочий японскому командованию. Семеновская «пробка», одно время {92} казалось, при посредстве демократически настроенных «каппелевцев» может «рассосаться» мирным путем. При помощи японцев Чита, однако, вновь окрепла и снова стала прибегать к их финансовой и военной поддержке против Верхнеудинска и против Приморья.

В таких условиях «интерференции», когда усилия одного правительства парализовали и нейтрализовали усилия другого, — Приморье героически пыталось отстоять Дальний Восток путем сложения российских сил. Для этого там создались парламентские и правительственные делегации по объединению Дальнего Востока, которые направились в Читу и Верхнеудинск. Стремление достигнуть объединения постепенно становилось в Приморье своего рода моноидеей. Оно становилось главнейшей, самодовлеющей, чуть ли не единственной задачей власти, — превратилось в самоцель. Чтобы достигнуть соглашения, готовы были на любую жертву. При такой психологии капитуляция сделалась неизбежной. Вопрос вставал лишь о сроке. Трех месяцев оказалось достаточным для того, чтобы Верхнеудинск вышел полным победителем из единоборства с Владивостоком. Владивосток сдавал одну позицию за другой, задерживаясь и сопротивляясь на всех пунктах, но считая каждый из них слишком маловажным и ничтожным по сравнению с тем основным и главным, чем представлялось для него объединение. И когда объединение во что бы то ни стало, наконец, было достигнуто, — оказалось, что за него пришлось уплатить *всем*, что только отличало Владивосток от Верхнеудинска.

Началось с того, что с первой же парламентской делегацией, направившейся после переговоров с Семеновым в Верхнеудинске, произошел крупнейший конфуз. Делегацию, в которую входили и владивостокские большевики, задержали на {93} границе, Верхнеудинской Республики, на ст. Гонгота. Условием пропуска было

поставлено принятие особой декларации, в которой наряду с отводом Читы, в качестве равноправного участника в деле объединения Дальнего Востока, — местом съезда уполномоченных предусматривался г. Верхнеудинск, как «пункт, гарантирующий возможность свободного волеизъявления, исключающего давление иностранных лиг». Делегаты-коммунисты, их было двое, почуяв настоящую большевистскую атмосферу, презрели свои владивостокские мандаты, увлекли за собой делегатов-крестьян и большинством четырех против трех — двух цензовиков и воздержавшегося председателя меньшевика — подписали требуемую от них декларацию. Потеряв внутреннее единство и устойчивость, делегация сделалась легкой добычей Верхнеудинска. Соглашение от 20 августа, подписанное делегацией в целом, в сущности, санкционировало основное содержание декларации. Любопытным провидением будущего было лишь дополнительное указание на то, что

«если к моменту созыва съезда в Чите образуется действительное народное демократическое правительство взамен нынешнего, и территория читинского района будет освобождена как от иностранных войск, так и от воинских частей, не подчиненных военному командованию Демократической Дальневосточной Республики (так себя именовал Верхнеудинск. — М. В.), то Чита может быть избрана местом созыва съезда».

Так и случилось. Наступление повстанческих частей при деятельной поддержке Москвы-Верхнеудинска, говорившего с делегациями о мирном объединении края, а втайне готовившего войну, развивалось все энергичнее. В нарушение перемирия с японцами, в ночь на 21 октября с разных сторон началось одновременное наступление на Читу. Семенов был разбит. Захваченные врасплох каппелевцы, опасаясь быть отрезанными с востока, оставили город. Чита оказалась {94} освобожденной «от воинских частей, неподчиненных военному командованию» Верхнеудинска. Она подчинилась его политическому «командованию». Спустя несколько дней в Чите, в обстановке незаконченных военных операций, открылось заседание-конференция для окончательного объединения Дальнего Востока. Дипломатическая работа завершила дело объединения, начатого ночным нападением врасплох.

На Конференции должны были присутствовать уполномоченные Владивостока, Благовещенска, Читы и Верхнеудинска. Из них Благовещенск был всегда послушен Верхнеудинску. В пороховом дыму только что пережитого Чита тоже не рисковала поднимать свой голос слишком громко. В оппозиции к Верхнеудинску оставался один лишь Владивосток. К этому времени там вышли из правительственной коалиции несоциалистические элементы. Официально — в виду разногласия во внешней политике (по китайскому вопросу); фактически — не без влияния совпавшего во времени признания Францией ген. Врангеля и агитации за подчинение дальневосточной окраины Правителю Юга. Выход из коалиции имел роковые последствия. Это было видно тогда же. В письме от 14 октября, т. е. через четыре дня после правительственного кризиса, владивостокский корреспондент «Воли России» (№71) пишет:

«Выход буржуазных элементов из министерства ослабляет Дальний Восток в его сопротивлении японским планам аннексии и позицию дальневосточной демократии в вопросе объединения всей Восточной Сибири, давая огромное преимущество

верхнеудинскому большевистскому правительству».

Во владивостокской делегации на Читинскую Конференцию цензовые элементы не были представлены, Делегация составила из коммуниста, крестьянина, эсера и двух соц.-демократов. К моменту открытия Конференции в Чите оказался из всей {95} делегации один лишь большевик — Никифоров. Он узурпировал полномочия, предоставленные делегации в целом, и изменил правительству, его пославшему. Когда в Читку прибыли остальные члены владивостокской делегации, по большевистскому обыкновению, они оказались поставленными перед целым рядом уже совершившихся фактов.

«Когда мы приехали, — докладывал впоследствии в Приморском Народном Собрании председатель делегации Бинасик, — Конференция имела уже 4 заседания. Нам было поручено настаивать перед Конференцией, что участие в ней могут принимать только представители правительств верхнеудинского, амурского, читинского и приморского. Однако Конференцией были уже признаны полномочия представителя Сахалинского населения, двух представителей от бурято-монгол; представитель Камчатской области был допущен по телеграфному мандату. Перед нами встал вопрос: заявить ли ультимативно об отводе некоторых представителей или не делать этого? Мы этого не сделали... Способ голосования на Конференции был принят не по делегациям, а персонально и по большинству голосов. Наше положение: или мы здесь разрываем или примиряемся. Мы избрали второй путь».

Уже была составлена декларация, в которую можно было лишь вносить поправки; избран был «Деловой Президиум» с Краснощековым и Никифоровым во главе; назначен был главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока — большевик Эйхе; наконец, принято было совершенно необыкновенное постановление о том, что если приезд владивостокской делегации состоится позднее чем через неделю, — «Деловой президиум» автоматически становится центральным правительством Дальнего Востока. Обладая такими гарантиями, можно было уступить — не российскому, конечно, общественному мнению, а японскому, — можно было согласиться именоваться «республиканским демократическим правительством» и даже рискнуть произвести выборы в Учредительное Собрание.

Перед японцами необходимо было отчитаться, потому что {96} Такаянаги в письме к Краснощекову начинал определенно догадываться:

«Нам кажется, что между так называемыми партизанами, выступавшими в Забайкалье, с одной стороны, и верхнеудинским и благовещенским правительствами, с другой, с самого начала было какое-то соглашение, и ход событий в Чите создан под ширмой этих банд».

И большевики спешат успокоить всемогущего Такаянаги.

«Всякие слухи о том, что Центральное Правительство Д. В. Р. стремится к осуществлению в замаскированном виде советского строя на русском Дальнем Востоке являются провокационным вымыслом».

Большевики предупредительно публикуют в хабаровском «Голосе Трудящихся» № 174 —

«После известного заявления ген. Оой о недопустимости для японцев чисто-коммунистической власти, Областным Комитетом русской коммунистической партии выпущено воззвание к населению о том, что партия отнюдь не собирается проводить здесь иную систему, кроме демократической, и что все слухи о проведении иной

системы умышленно сеются негодяями, препятствующими скорейшему объединению края».

И вся переписка к общему благополучию с чисто восточным спокойствием заключается краснощекским корреспондентом следующими идилическими строками:

«Я желал выяснить направление, взятое новым правительством, установленным читинской Конференцией, т. е. относится ли оно благоприятно к советской коммунистической политике или нет. Вы говорите, что нет, и я рад услышать это. Преклоняюсь перед вашими усилиями в пользу вашей страны. — Ген.-майор Такаянаги. 26 ноября 1920 г.»

Со своими, с русскими, разговор был иной, — более короткий и более энергичный. На Читинской же Конференции Краснощек без стеснения вскрыл смысл уступки в вопросе о демократии.

{97}

«Наша республика имеет вывеску. У вывески две стороны. На одной, наружной, написано: «Демократия». То же, что написано на другой, то только для нас, для нашего внутреннего употребления».

Закон о выборах в Учредительное Собрание был принят без обсуждения, без поправок и возражений. Ему не придавалось значения. Был издан акт о том, что все существующие на Дальнем Востоке правительства теряют свои общегосударственные функции и превращаются в органы областного управления. Через день-другой — акт о свободном обращении на всей территории Дальневосточной Республики кредитных билетов и денежных знаков, имеющих хождение в росс. социал. фед. советской республике. После протеста со стороны японцев этот акт был признан «ошибкой». Еще через несколько дней «Деловой Президиум», пополнив свои ряды, переименовал себя в Центральное Правительство Д. В. Р. и предложил Приморскому Правительству, как и Приморскому Народному Собранию, упраздниться. Советские войска переходят западную границу дальневосточного «буфера», и 18 ноября, в количестве трех полков, вступают в Верхпрудинск.

Демократия во Владивостоке начинает агонизировать.

Она пробует оспаривать краснощекские декреты: признает их преждевременными, нарушающими не только форму, но и существо соглашения, выходящими за пределы компетенции. Борьба явно мельчает. И хотя даже те кто в Чите еще колебался и искал компромисса во что бы то ни стало, по приезде во Владивосток уже сознают, что в Чите «произошла катастрофа и крушение» (Е. А. Трупп), что «результаты работ читинской конференции являются опасными не только для Дальневосточной Республики, но и для России в целом» (А. Кабцан), — неизбежное свершается. Радикальное предложение правого сектора Народного Собрания — «не признавать читинского {98} правительства» собирает всего 23 голоса; 89 голосуют против. Социал-революционеры сосредоточивают свою энергию на ограничении власти читинского правительства и на условном ее признании:

если будут сохранены полномочия Народного Собрания. Вносимые в этом смысле поправки одна за другой, однако, отвергаются.

Большинством голосов — коммунистов и крестьян— принимается постановление:

«Избранное 9 ноября 1920 г. на Конференции в Чите Центральное Правительство признать органом, обладающим всей полнотой государственной законодательной и исполнительной власти на всей территории русского Дальнего Востока, впредь до созыва Учредительного Собрания».

События лихорадочно спешат завершить положенный им круг. Социалистический совет управляющих ведомствами сменяется коммунистически-крестьянским, а вскоре распоряжением читинского «минвнудела» вовсе упраздняется. 12 декабря слагает «свои полномочия, как носительницы верховной власти в области», Приморская Земская Управа. Очередь за Народным Собранием. 18 декабря оно прерывает свои занятия до 15 января. Это перерыв — только замаскированный самороспуск, ибо 25 января должно уже собраться в Чите Учредительное Собрание.

Соберется ли оно? Один из большевистских лидеров в Народном Собрании предупреждал:

«если в Учредительном Собрании окажется правое большинство, то, конечно, будет назначен и срок его разгона».

Судя по телеграфным сведениям, Учредительное Собрание на Дальнем Востоке собралось 12 февраля и, если и будет разогнано, то не большевиками; или большевиками, но не в ближайшем будущем. Ибо по этим данным в состав дальневосточного Учредительного Собрания избраны 223 крестьян, 147 большевиков, 20 эсэров, 14 меньшевиков и 20 бурят. Среди {99} крестьян не мало окажется, конечно, таких, которые будут голосовать совместно с большевиками.

Прав был депутат Приморского Народного Собрания Кабцан, когда, расценивая гибельные последствия читинского объединения, между прочим сказал:

«Несомненно, что подавляющее большинство населения Западного Забайкалья, Амурской и Приморской областей считает выразителями своих взглядов и защитниками своих интересов тех лиц, которые работают сейчас в центральном правительстве. Очевидно, и рабочие, и крестьяне Д. В. Р. должны на собственном опыте, на собственной спине почувствовать последствия господствующей тактики. Тут никакими словами делу не поможешь».

Дальний Восток еще не изжил большевистского периода русской революции. Его население еще во власти призраков. Но уже слышится тяжелая поступь Командора.

«О тяжело пожатье каменной его десницы!»

III.

На фоне ликвидированной «колчаковщины» политические события на Дальнем Востоке складывались под влиянием трех факторов: Японии, советской власти и российской демократии, разбитой, истощенной, но все же существующей.

Япония на Дальнем Востоке вела политику игры кошки с мышью с тем своеобразным отличием, что японский хищник «играл» несколькими

жертвами одновременно. Японское командование «отпускало» Верхнеудинск, чтобы мертвой хваткой броситься на Приморье; давало передышку Приморью, чтобы заняться Благовещенском, не утрачивая вместе с тем связи и с Читой. Делая свои «sauts de chat», играя сразу несколько разных игр с партнерами, одинаково зависимыми от ее милости, нейтралитета, попустительства или активного признания,— {100} Япония дожимала всех одинаково, кого мытьем, а кого катаньем. Понятны чувства, которые могла вызвать такая политика.

Выбравшийся сравнительно недавно из центральной России известный русский писатель передает, что ненависть к большевикам, там так велика, а веры в самоосвобождение так мало, что там с надеждой и любовью готовы встретить любого, кто подаст помощь против тиранов: «если обезьяны придут, и их станут целовать». В дальневосточном населении японцы своей политикой вызвали к себе больше отвращения, чем обезьяны в жителе центральной России. Антибольшевистские круги на Дальнем Востоке предпочитают «целовать» даже большевиков, лишь бы не японцев!..

Большевистская политика на Дальнем Востоке строилась номинально на «лавировании и выжидании», фактически — на фальши и обмане. Как в Крыму пытались делать «левую политику правыми руками», — так на Дальнем Востоке большевики делали правую политику левыми, т. е. своими руками. Драпируясь в защитные цвета демократии, прикрываясь, как ширмой, республикой, Учредительным Собранием, коалицией, признанием буржуазно-капиталистического строя, — большевики обнаруживали всю глубину своего нигилистического оппортунизма: все пути хороши, лишь бы они вели в Москву.

Что Советы — извечная и единственная форма воплощения диктатуры пролетариата, — в это искренне верят лишь неискушенные и молодые большевики. Настоящие большевики утверждают это только тогда, когда это в их интересах. Известный американский социалист Морис Хилквит несколько месяцев тому назад высказал остроумное предположение.

«Предположим — писал он в «L'Humanité» 15.X.1920 — что в день открытия Российского Учредительного Собрания большевики составили бы в нем большинство, а советы находились в руках других социалистических партий, не большевиков. Продолжали бы теоретики {101} московского коммунизма настаивать на «диктатуре пролетариата в форме власти советов?» Распустили ли бы они свое Учредительное Собрание? Я полагаю, что учреждение, которое бы они распустили, — явились бы именно советы, и что революционной формулой, которую они проповедают миру, стала бы «диктатура пролетариата в форме Учредительного Собрания». И, конечно, большевистское правительство могло бы продолжать и, вероятно, продолжало бы от имени Учредительного Собрания ту же политику, которую оно теперь проводит от имени всероссийского съезда советов».

Для доказательства основательности своего предположения Хилквит напоминает историю требования большевиками немедленного созыва Учредительного Собрания и замену этого требования кличем: «вся власть советам». Большевистская политика на Дальнем Востоке повторила прошлое. Предположение Хилквита там сделалось действительностью.

Большевики переняли у абсолютизма многие приемы управления. Они научились у него, в частности, извлекать выгоду даже из мнимых

величин и государственно-правовых фикций. Это свойство абсолютизма было подмечено еще Лассалем, который указывал, что «лжеконституционализм (Scheinkonstitutionalismus) не есть, вовсе приобретение для народа, а приобретение для абсолютизма, удлиняющее его существование». В такой же мере Scheindemokratismus — лжедемократизм может оказаться приобретением для большевиков, в нем могут быть заинтересованы и другие чуждые народу силы, — но в нем не может быть никогда заинтересован народ.

Трагизм Дальнего Востока в том и состоял, что там объективно создалось положение, при котором, большевики, применяя насилие в сравнительно скромных размерах, оказались властителями дум и чувств населения. Тут имело значение и то, что слишком мимолетно было владычество большевиков на Дальнем Востоке; но, главное, — тот жестокий урок, который претерпела тамошняя борьба против большевизма. Демократия в {102} Сибири первая подняла знамя борьбы против большевиков. Но этой борьбой воспользовались другие, третья сторона, для того, чтобы нанести удар демократии, расцениваемой, как предтеча, пособник и сторонник большевизма. В итоге не только оказалась разбитой демократия, но и весь край очутился под угрозой иноземного завоевания.

Организуя общенациональный фронт против большевиков для того, чтобы быть преданной своим правым крылом; создавая социалистический фронт для борьбы с контрреволюцией для того, чтобы быть снова преданной своим левым, анархо-коммунистическим крылом, — демократия в Сибири оказалась расплющенной между большевистским молотом и контрреволюционной наковальней. В таком беспомощном положении сибирская демократия согласилась пойти на нее, даже на самоотречение. И она отреклась от себя, решила временно подчиниться большевистскому насилию в расчете хотя бы такой ценой спасти последнюю, высшую для нее ценность — сохранить Дальний Восток для России и Россию для Дальнего Востока.

Это было от той же психологии, которая в свое время владела гарибальдийцами, готовыми «сделать Италию, хотя бы и с чертом». Сохранить Россию, хотя бы при помощи «разбойничьей» власти, — вот что определяло настроение и решения дальневосточной демократии. Оно заставляло меньшевика Бинасика заявлять в Народном Собрании: «Мы глубоко сознаем ошибки политики советского правительства, однако, поддерживаем советскую власть... Советская власть в данный момент осуществляет национальные задачи, хотя бы этого ее правительство и не хотело»; и б. члена Директории Виноградова соглашаться с Бинасином в том, что «советской России надо дать передышку... Отдых нужен России, моей России. Ради этого, ради того, чтобы Россия имела передышку в бесконечной борьбе, мы готовы идти с вами вместе» (жест влево, — отмечает парламентский хроникер); а к.-д. Куртзева {103} заявит официально от имени местного отдела партии: «Мы признаем Россию даже такую, какую она в настоящее время есть. Наша партия на этот путь открыто вступила».

Настроение здорового национального самосознания, проникшего на Дальний Восток в самые глубины народного духа, едва ли не единственный положительный факт, который можно извлечь из дальневосточных событий последнего времени.

Уже не раз пробовали применять по отношению к большевикам ту

меру, которую Вольтер рекомендовал принять по отношению к римскому папе: лобызать ему ноги, но связывать руки. Жестокая необходимость заставила сибирскую демократию попытаться обуздать большевизм, став перед ним на колени. Жизнь не оправдала той высшей жертвы, которую сибирская демократия принесла во имя любви к родной земле. Самопожертвование оказалось никчемным. Из Токио телеграф сообщает:

«Военный министр в японском парламенте заявил, что Япония принимает на себя управление Владивостоком. Военная часть, расположенная там, переименовывается в гарнизон».

Нам сделан был укор в печати, что напрасно мы считаем еще не пройденным «этап вздыхания об отечестве», напрасно уделяем слишком много внимания «ретроспективной меланхолии»: — «нужен не плач у стен Вавилонских, а шум и стук у стен вновь заложенного города». С другой стороны было замечено, что предыдущая статья написана «слишком рано для статьи исторической и слишком поздно для статьи политической».

Та обстановка, которая создалась сейчас на Дальнем Востоке, увы, также мало подходит для строительства нового града, как и в Европейской России. И не по доброй воле и там, как и {104} здесь, лишь «вздыхают об отечестве». Не даром дальневосточные публицисты вспоминают слова Тацита — «делают пустыню, а говорят, что возвратили мир»... С завладением Дальнего Востока большевиками и японцами история края, конечно, еще не кончится. Но и то, что там уже стало «историей», имеет актуальный политический смысл для России теперь и в будущем.

Общий, а не только местный интерес дальневосточной Эпопеи в том, что она дает конкретные очертания тех пределов «гибкости», до которых могут прийти большевики при условиях, не вполне благоприятных для проявления их демагогии и доктринерства. Эти условия и эта гибкость могут повториться и в более крупном, всероссийском масштабе. Дальневосточная эпопея поучительна и тем, что она дает красноречивый и неопровержимый ответ на все призывы пересмотреть непримиримое отношение к большевизму.

Когда вам попадется воззвание «Мира и Труда» с предложением «всесторонне использовать существующий русский аппарат власти для органической работы по восстановлению страны»; когда вы услышите или прочтете в «Голосе России» романтический призыв В. Б. Станкевича «назад в Россию», — создадим демократическую «силу, способную вести переговоры с советской властью»; когда левые эсэры, с.-д. Мартов с Абрамовичем или бывшие к.-д. Устрялов с Ключниковым станут вам доказывать необходимость признания большевистской власти и эволюционного ее изживания, — вспомните историю и урок Дальнего Востока!

IV. КРОНШТАДТ.

I. Новая страница новой главы. — Непосредственность кронштадтского восстания. — Коммунистическая кабала и порыв к свободе. — Методы Кронштадта и приемы большевизма. — Внутренняя правда и внешняя сила. — Март 1917 г. и март 1921 г. II. Политическая идеология. — Кронштадтские «пункты». — Новая жизнь и старая фразеология. — Советы в прошлом. — Советы, как специально-политический принцип. — Советы, как особый порядок избирательной техники. — «Свободно избранные советы», как тактический лозунг переходного времени. — Помрачение умов и развращение души. — III. Обреченность большевистской власти. — Самоощущение властителей. — Ощущения подвластных. — Сокращение социальной базы. — Не безличная и коллективная диктатура класса, а приближающаяся к единоличной диктатура партии. — Большевистские нравы и советские порядки. — Кто был в Кронштадте: народ или «привилегированные»? — Уроки Кронштадта.

I.

Перевернута новая страница истории России. Ею начинается новая глава — «Падение большевистской власти». Неведомы письмена, коими заполнится эта глава. Неведом и ее объем. Минутами могло казаться со стороны, что история возвращается, и что снова, как четыре года тому назад, одним всплеском народной стихии будет снесена молниеносно с поверхности Россия ставшая за три с половиной года «исторической» власть. Хотелось верить, что на той же странице, с которой начинается новая глава,— она, быть может, и закончится; что это {106} будет «Prélude, в котором не успеешь прислушаться к вступлению, как уже звучит финальный аккорд. Этого не случилось, История не повторилась. Финала большевистской власти не последовало. Процесс падения осложнился, затянулся во времени, задержался в распространении. Тем не менее между прошлым и будущим легла новая грань, прошла глубокая и неистребимая борозда, начинающая собою новый ряд в истории пореволюционной России.

Эта грань — *Кронштадт*.

Кронштадт с необычайной наглядностью, а потому и убедительностью обозначил тот процесс, который до того оставался как бы под спудом, скрываясь во мраке охватившего обескровленную страну уныния, упадка сил и веры. Восстание в Кронштадте оказалось неожиданностью даже для наиболее прозорливых. Кто мог предполагать, что крамола проникла, так глубоко; что, не остановившись перед «красой и гордостью» большевизма, — она захватила первую и неприступнейшую его цитадель? !

Возникшее стихийно, внезапно, почти нечаянно кронштадтское восстание поражает своей *непосредственностью*. Самопроизвольное и неподготовленное, оно обходилось всецело, от начала и до конца, собственными средствами, без политического руководства и без технической помощи извне. В этом была и сила, и, вместе с тем, слабость движения. Мало кому известные до того, как они стали вождями — Петриченко, Яковенко, Кильгаст, Архипов и другие — должны были в самих себе искать и находить быстрые решения в чрезвычайно сложной

обстановке. И если эти решения кажутся не всегда удачными, иногда наивными, порой сбивчивыми и неверными, — кто скажет, кто рискнет сказать, что другие, даже более их искусные, в тех же условиях поступили бы иначе, а, главное, — добились бы большего успеха?..

{107} Еще неполны, отчасти и противоречивы, данные о том, как возникло кронштадтское восстание, какими поводами оно было вызвано и что определило его катастрофический конец. По-видимому, роковой оказалась не стремительность большевистской атаки ночью, за туманом, и не измена командира 6 форта, — а опрометчивая посылка ледокола «Ермака» на помощь петроградским повстанцам. Задержанный большевиками «Ермак» петроградцам не помог, а кронштадтцев погубил: они лишились возможности, пробив лед, окружить себя водным поясом, отрезавшим большевиков от Кронштадта, но не Кронштадта от внешнего Мира и Петрограда.

Самый *характер* движения, его основной психологически тон вырисовывается, однако, уже теперь с достаточной отчетливостью. Это было движение; которое рассчитывало на победу не кровью и пушками, а правдою. Свои шансы оно видело не столько в превосходстве своей крепостной артиллерии и природной неприступности, — сколько в психической заразительности примера подвига Давида, вышедшего против Голиафа с одной пращей в руке, но зато и с твердой верой в душе в несокрушимую правоту своего дела.

Все восстание протекало именно под этим знаком, определяя собою всю технику, стратегию и тактику борьбы Оно началось с подвижничества и кончилось мученичеством.

Кронштадт поднялся не с кличем «хлеба» для себя, не для удовлетворения *своих* профессиональных нужд в увеличении пайка, ускорении демобилизации, роспуске армии, уплате пенсии, — как это бывало при предыдущих восстаниях; не с ленинским лозунгом «грабь награбленное»; не с махновским— «земля ваша, жиды — наши»; — а с требованием *свободы*, свободы для себя и для других. Это слово свобода не сходит с их уст. Они хотят «освобождения от всякого гнета и насилия», — {108} свержения «коммунистического ига».

Они требуют свободы передвижения из города в деревню и из деревни в город, свободы труда, свободной торговли, снятия заградительных отрядов, охраны личных и политических прав и, наконец, главного, предполагающего предыдущее, — свободно избранных Советов. Черный плакат с надписью: «Вечная память погибшим в борьбе за свободно-избранные Советы» покрывает останки тех, которых Кронштадт торжественно хоронил накануне собственного падения.

В первом же радио «Временный Революционный Комитет матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта» несколько, может быть, неуклюже пишет:

«Трудящиеся Кронштадта решили более не поддаваться красобайству коммунистической партии, называющей себя якобы представительницей народа, тогда как на деле выходит совсем наоборот.»

Местные коммунисты сами признают свои ошибки. ...Предлагаем вам немедленно присоединиться к Кронштадту, установить прочную связь, дабы общими усилиями достичь долгожданной свободы.»

Священного слова «свобода» повстанцы не забывают ни во время огневого боя, ни во время состязания с противником призывами и увещаниями.

В статьях «Мы и Они» и «За что мы боремся?», напечатанных в № 6 кронштадтских «Известий», ярко передано господствовавшее среди восставших настроение.

«Прочь руки от власти, руки, обгаренные в крови погибших за дело свободы, за борьбу с белогвардейщиной, помещиками и буржуазией».

«Гнуснее и преступнее всего созданная коммунистами нравственная кабала: они наложили руку и на внутренний мир трудящихся, принуждая их думать только по-своему, прикрепив рабочих к станкам, создав новое рабство (выделено — М. В.). Сама жизнь под властью диктатуры коммунистов стала страшнее смерти. Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего {109} насилия и гнета, владычества коммунистов, затмившего трехсотлетнее иго монархизма. Здесь в Кронштадте заложен первый камень третьей революции... Без одного выстрела, без капли крови совершен первый шаг. Трудящимся не нужна кровь. Они прольют ее только в момент самозащиты. У них хватит выдержки, несмотря на все возмутительные действия коммунистов, чтобы ограничиться лишь изоляцией их от общественной жизни».

Эти немногие слова дают исчерпывающее представление о характере движения. В них передано и то, что делает Кронштадт таким красочным и привлекательным, и то, что не могло не обусловить его крушения.

На собрание представителей воинских частей и организаций, на котором образован был Временный Революционный Комитет, были допущены и коммунисты. Удалили лишь комиссара балтфлота Кузьмина и председателя большевистского совета Васильева, — все же прочие большевики были признаны полномочными и равноправными «в общей (?..) работе». Изолированным, на короткое время большевикам, «признавшим свои ошибки», вместе со свободой возвращается оружие для того, чтобы впоследствии, снова признав ошибочным свое первоначальное «признание», они могли в критический момент ночной атаки ударить в тыл повстанцам, великодушно даровавшим им жизнь и свободу.

Кронштадтцы отвергли помощь со стороны не только несоциалистических элементов, но даже — «не левых социалистических партий». В состоянии «крайней необходимости» они даже продовольственную помощь не решаются принять от всякого, ограничиваясь лишь помощью демократических и краснокрестных организаций. И то, — помощь для гражданского населения, а не для повстанцев. Чтобы население не страдало от восстания, так как «не должно быть ни голодных, ни сытых, — все равны», гарнизон делится с населением последним полуфунтом хлеба из солода.

{110} *«Никаких переговоров о военной поддержке и о присылке продовольствия у нас с Финляндией не было и не могло быть, — опровергает кронштадтское радио измышления врага. — Военного запаса и продовольствия у нас хватит на столько времени, сколько нужно, чтобы свергнуть коммунистическую власть. Если же борьбе нашей суждено затянуться, то мы, может быть, принуждены будем из-за своих раненных героев, детей и жителей просить продовольствия извне».*

Не для себя, а для других и из-за других.... Да и то — может быть... Даже перспектива голодающих товарищей и детей не освобождает восставших кронштадтцев от той нравственной кабалы

большевиков, при которой эти продолжают на расстоянии «принуждать их думать только по-своему»... Ленин тонко учитывал силу этой кабалы, когда, спекулируя на болезненной щепетильности повстанцев, цинично издевался: Кронштадт не может принять помощи от иностранцев, ибо тогда «все их будут рассматривать как предателей России» (Интервью в «The New York Herald»).

Кронштадт задается заведомо утопической мечтой: — заставить большевиков капитулировать не перед физической силой, а перед моральной стойкостью и благородством. После первой ночной атаки большевиков кронштадтские «Известия» пишут:

«опять пойдут полки, подгоняемые одетыми и сытыми коммунистами, прячущимися за вашей спиной, подальше от наших снарядов, чтобы угостить вас пулеметным огнем, если вы не захотите подставлять свою голову, защищая этих разбойников... Мы не так обращаемся с коммунистами, всех комиссаров, даже палачей из чрезвычайки, мы кормим тем же пайком, какой едим сами!»

Моральный мотив тут уже явно переходит границы допустимого моралью: он готов оправдать самоубийство во имя сохранения жизни убийцам...

Кронштадт не ищет физической помощи, он {111} довольствуется моральной поддержкой. И за нею он обращается не к правительствам и народам, а к прессе, к «редакциям всех европейских газет», приглашая «товарищей корреспондентов всего мира» «убедиться за что борется геройский гарнизон». В той физической борьбе, которую Кронштадт ведет сам, он только «принимает вызов» и предпочитает оборону нападению, даже тактически. На другой день после того, как Кронштадт оповестил Москву и Петроград о том, что не признает больше их власти, военные специалисты рекомендовали атаковать Ораниенбаум. Временный Революционный Комитет отклонил этот проект. Отдавая, может быть, дань прошлому — «с позиций не уходим, но в наступление не идем», — опасаясь одиума — очутиться в положении нападающего, Кронштадт воздержался от занятия Ораниенбаума и сам пал жертвой вылазки оттуда: Ораниенбаум сделался операционной базой для башкирских и китайских частей.

Психология и тактика Кронштадта особенно разительны при сопоставлении с психологией и тактикой противника.

Ленин заповедал: «когда в этом есть надобность, следует уметь пускать в ход хитрость, ловкость, нелегальные методы, умолчание правды» (см. «Радикализм — детская болезнь коммунизма»). И все эти приемы были пущены в ход для того, чтобы воздействовать на чувствительные для кронштадтцев струны, чтобы скомпрометировать их перед другими и даже... в их собственных глазах.

Литвинов стал доказывать, что Кронштадт срывает мирное соглашение с Америкой, тогда как, по Чичерину, — Кронштадт это — срыв соглашения с Турцией и Англией. И это как раз в те самые дни, когда в Лондон, Риге и Москве англичане, поляки и немцы уже дописали последние пункты соглашения с советской властью.

{112} Отказ Финляндии в вывозе провианта большевики выдают за интервенцию Финляндии в пользу кронштадтских белогвардейцев. Выжидательно-безразличное отношение великих держав толкуется, как

подготовка маршалом Фошем нападения на Россию. Телеграмма Гучкова американскому президенту Гардингу служит доказательством возвращения к власти буржуазии. Торжественный прием русскими монархистами в Берлине Дмитрия Павловича Романова — доказательство восстановления монархии в России. И. т. д.

Легко догадаться, как на руку пришлось большевикам сообщение о том, что в Кронштадта отправлено 500 номеров газеты «Общее Дело» и что в дальнейшем отправка «Общего Дела» будет производиться ежедневно («Общее Дело» № 238). Или сообщение вроде того, которое было помещено в «Руле» № 100:

«Состоялось (в Берлине) заседание совета монархического объединения, на котором обсуждался вопрос об отношении объединения к происходящим в России событиям. Заседание склонилось к мысли, что современное повстанческое движение, как неорганизованный стихийный взрыв народного возмущения, вряд ли может рассчитывать на непосредственный успех. Тем не менее монархическое объединение не может оставаться равнодушным зрителем борьбы русского народа против большевистского ига... Восстанию надо помочь, ибо иначе оно грозит России новой анархией.

Советом выработан план оказания помощи восставшим, к осуществлению которого уже преступлено».

Мы знаем достоверно, что фотографические репродукции «Общего Дела» и «Руля» сбрасывались с большевистских аэропланов в Кронштадте. Учитывая настроение восставших, нетрудно рассчитать, какое впечатление производили на них извлечения из органов печати, сочувствовавших Кронштадту, но фактически оказывавших услугу не повстанцам, а их врагам.

{113} «Пуская в ход хитрость, ловкость, умолчание правды» для того, чтобы подорвать у кронштадтцев веру в правоту своего дела, большевики одновременно с тем производили массовые аресты и расстрелы, объявляя заложниками целые семьи лиц, причастных и не причастных в восстанию. Повторное предложение Кронштадту капитулировать сопровождается угрозой, в случае нового отказа, — истребить все мятежное население в возрасте от 9 до 50 лет. За подписью Троцкого и главнокомандующего Каменева издается приказ, предписывающий «в тяжелый момент принимать тяжелые меры: каждому красноармейцу, командиру, комиссару немедля уложить на месте всякого отказывающегося повиноваться или сеющего ложные слухи».

Чтобы поднять революционный пыл у большевистских частей, переодевание захваченных в плен офицеров в мундиры царской службы и демонстрируют их в Ораниенбауме, как образцы и символы того, за что борется белогвардейский Кронштадт. Кронштадт блокируют. Прибегают к вероломному злоупотреблению белым флагом. Прибегают к испытанным немецким приемам: облакают солдата в белые, защитного цвета снега, саваны, подгоняя замешкавшихся пулеметами. Повторяют план греков под Троей: сдаются целыми частями в плен, в расчет на гуманность Кронштадтцев и с целью очутиться в минуту смятения не против, а сзади и среди защитников крепости.

Мог ли Кронштадт победить *своими* методами врага, применявшего *такие* приемы?

Можно как угодно относиться к Кронштадту.

Можно по-разному расценивать его политические лозунги, о которых подробнее речь будет ниже. Но можно ли отрицать, что это подлинное, низовое, народное движение? Возникшее самопроизвольно, оно от начала и до конца оставалось самим собою, вне чьего бы то ни {114} было воздействия и вне какого бы, то ни было содействия. Оно вскрывает в чистом, почти лабораторном виде природу тех сил, которые несут с собою «третью революцию». Эти силы обнаруживают весьма близкое сходство с теми, которые действовали в марте 1917 года. Это та же психология, тот же энтузиазм и великодушие, та же вера в превосходство внутренней правды и почти мистический страх перед пролитием братской крови, то же святое беспокойство за интересы целого и борьба за свободу и права народа.

Если это недостаточно-волевое, излишне-морализирующее, чувствительное, общечеловеческое и бескровное считать характерней для мартовской революции семнадцатого года «керенщиной», — то нельзя не отметить, что кронштадтские события в марте двадцать первого года неожиданно показали, насколько стихийно близка русскому народу, его самым «оголтелым» низам, — временами по-достоевски исступленным, временами по-толстовски непротивленствующим эта самая *бескровная керенщина*.

Это может казаться отрадным или печальным, достойным проклятий или благословений, но как факт оно — непреложно.

II.

Порыв к свободе, стихийный, могучий, убедительный своею непосредственностью, — такова была *психологическая* обстановка, в которой свершался подвиг. Кронштадтцы шли с чистым сердцем, в жертвенном настроении. И если отличие бунта от революции действительно только в том, что революция рождается «этико-политическим энтузиазмом», как это думает «Руль», — то в Кронштадте бесспорно произошла подлинная революция. Тысячи ценою крови запечатлели свой энтузиазм. Они стихийно возжаждали свободы и неудержимо устремились к ней.

{115} Непосредственностью движения, порывом от сердца, а не от рассудка и определенного плана объясняется и сбивчивость его *политических* лозунгов. Движение пошло по линии наименьшего идеологического сопротивления и потому — по линии наибольшей спутанности.

Накануне того дня, когда движение вылилось в форму восстания, 1 марта команды 1-й и 2-й бригады линейных кораблей на общем собрании решили послать в Петроград делегацию для выяснения положения. На этом собрании, как 16 лет тому назад, перед тем, как идти к царю 9 января, была предварительно выработана «петиция» из 15 «пунктов». Пункты были скреплены председателем собрания Петриченко. Составленные в момент, когда мирное развитие движения отнюдь не считалось исключенным, эти пункты, остались политической платформой движения и тогда, когда оно окончательно разорвало с большевистской властью и открыто перешло на восстание.

Несмотря на то, что первоначально — например, на трехтысячном

матросском митинге в помещении морского училища или в воззвании Петроградского Революционного Комитета от 25 февраля — выдвигалось требование созыва Учредительного Собрания, кронштадтские «пункты» весьма далеки от этого требования. Они всецело проникнуты «рабоче-крестьянской» точкой зрения и исходят от «славного герба трудового государства — серпа и молота». Пункты требуют:

«1) В виду того, что настоящие советы не выражают воли рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2) Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

3) Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4) Собрать не позднее 10 марта 1921 г. {116} беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов Петрограда, Кронштадта и Петроградской губ.

5) Освободить всех политических заключенных социалистических партии, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6) Выбрать Комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7) Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели...

8) Немедленно снять заградительные отряды.

9) Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10) Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях от рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих».

И т. д.

Смысл этих пунктов ясен: это — протест против тирании и злоупотреблений властью большевиками, сделавшими из Советов своекорыстную частную антрепризу, обслуживающую их партийные нужды. Это протест против правителей, а не против «существующего строя». Отрицается порядок, установленный господством большевиков в Советах, но не самый советский режим. Не из каких-либо тактических соображений и не из нужды, не в сознании необходимости временно использовать существующие политические формы, а в полном убеждении в принципиальном превосходстве Советов над Учредительным Собранием, стали кронштадтцы на защиту *трудо*властия взамен *народ*властия. «Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед, оставляя за собой и Учредилку с ее буржуазных строем и диктатуру партии, коммунистов с ее чрезвычайкой и государственным капитализмом». («Известия» г. Кронштадта. № 6).

{117} Здесь обнаруживается не только политическая незрелость движения, но и губительные результаты трехлетней умственной кабалы. Так безраздельно было большевистское влияние, так однообразно-настойчива пропаганда и самая фразеология, что они продолжали владеть умами даже тогда, когда люди уже сбросили с себя одежды ветхого Адама-большевизма.

«Труженик, разве для того ты свергнул царизм и сбросил керенщину, чтобы посадить себе на шею опричников Малют Скуратовых с фельдмаршалом Троцким во главе?»

— риторически вопрошает «Воззвание к рабочим, красноармейцам

и матросам», выпущенное Временным Революционным Комитетом 13-го марта. Не только слова, самое построение фразы необычайно типично для большевистских ораторов и авторов. Многим ли, например, отличается это «Воззвание» от московских «Известий» В. Ц. И. К., когда в тот же день они пишут: «рабочие и крестьяне никогда не променяют своего первенства в первой в мире трудовой республики на чечевичную похлебку Учредилки»?..

Всю свою ударную идеологию повстанцы сосредотачивают на изобличении большевистской партии и ее символов Троцкого и Зиновьева. Они даже противопоставляют «кровожадного душегуба» «Трепова-Троцкого» и «откормившегося Зиновьева» — «заслуживающему доверия», но «не знающему правды» и «растерявшемуся» Ленину.

Быть может, здесь обычный прием, побуждающий снимать ответственность с главы, с монарха, способного лишь ошибаться, и переносить ее на слуг, на «дурных советников», повинных за свои и за чужие прегрешения. Быть может, тут есть кое-что и от другой психологии... Во всяком случае, политические представления Кронштадта не выходят за пределы советских идей и трудового построения государственной власти.

{118} Даже в момент наивысшего подъема мысли повстанцев, когда свой порыв к свободе они пытаются из душевного настроения перевести в принцип политического действия, им не удается преодолеть уровень советской идеологии. Пусть в требовании «свободно избранные советы», «вольное объединение рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции» логический центр и политическое ударение лежит в *свободном* избрании и в *вольном* объединении, — принципиально это не меняет дела: власть некоторых, большевистской олигархии заменяется властью многих, пусть очень многих — трудящихся, — но не всех, не демократией. И в этом не количественное, как между «немногими» и «многими», а принципиальное, *качественное* различие.

Кронштадт постигла неудача, конечно, не потому, что вместо Учредительного Собрания он выставил требование «свободно избранные Советы», что, по сравнению с существующим порядком в России, являлось, конечно, требованием и революционным, и прогрессивным. Неудача Кронштадта, поскольку она была вызвана идеологическими причинами, объясняется тем, что, стремясь к новой жизни, он продолжал пребывать во власти старых слов и идей.

Это был, — не укор, запоздалый и никчемный...

Былое владеет грядущим не только в мире вещей, а и в мире идей и образов. Вещи отмирают, а представление о них сохраняются. Исчезают и представления, память о которых остается лишь в словах... Исчезнуть — уже «хлопают дверями» — те, кто 3 1/2 года систематически «накладывали руку на внутренний мир трудящихся, принуждая их думать только по- своему». Но еще надолго, быть может, сохранится в народной памяти идея Советов и родное и близкое для нее слово «рабоче-крестьянская» власть, — власть трудящихся.

{119} Увлечение Советами и в России, и на Западе вышло за пределы чисто большевистских кругов. Специальные цели побуждали большевиков проводить знак равенства между большевизмом и советизмом. Для этого они не остановились перед тем, чтобы

первоначальное свое отношение к Советам сменить диаметрально ему противоположным. Большевики отнеслись недоброжелательно к Советам еще в 1905 г., когда, идея Советов впервые была выдвинута пресловутым Парвусом.

Большевики видели в Советах конкурента партии. Не многим лучше было их отношение к Советам и в первой половине 1917 г., когда Советы шли не за большевиками. Еще в июле 17 года Ленин видел в Советах «органы соглашения с буржуазией» и считал, что они «похожи на баранов» (см. «К Лозунгам», стр. 14-15). Отношение к Советам изменилось только тогда, когда изменились сами Советы. По мере того, как в Советах утверждалось коммунистическое большинство, все решительнее устанавливалось положение, что Советы и только Советы подлинная и единственная форма социалистического строительства будущего.

Однако, и за пределами большевистских целей и кругов приобрела известную популярность оценка Советов, как особой и высшей, по сравнению с демократией, формы народовластия. И не только левые эсэры усвоили эту точку зрения. Напомним хотя бы недавнее заявление «Голоса Труда», выводящего генеалогическое древо Советов «из привычных уже русскому народу, — знавшему когда-то вечевое устройство, — форм мирских сходов» (16.III). Или другое мнение — не столь «народническое» и более научнообразное, высказанное проф. А. С. Яценко еще до кронштадтских событий: «освобожденная от своих временных недостатков, советская система может явить собою политическую форму, во всяком случае, не менее демократическую, чем парламентаризм». (Двухнед. журнал «Жизнь». — Берлин. Октябрь 1920 г.).

{120} Можно не оспаривать положения А. С. Яценко — «парламентарная демократия на практике часто вырождается в имеющую лишь демократическую видимость плутократию», и вместе с тем не соглашаться с тем, что противопоставление советского строя режиму демократии будто бы неправильно. Мнимая неправильность вся покоится на том, что «советскую систему» понимают в разных смыслах. Для одних советская система, это — ограничение избирательного права по признаку класса, и соответствующий режим рабочей, рабоче-крестьянской или трудовой диктатуры. Для других Советы — только особый способ организации представительства: не от «атомизированных избирателей» или нейтральных территориальных округов и участков, а от органических коллективов, профессиональных единств, корпораций, курии и т. д.

В первом случае сталкиваются два непримиримых социально-политических принципа — диктатура *или* демократия. Во втором — лишь два разных метода выявления воли избирателей, теоретически одинаково возможных и при режиме диктатуры, и при режиме демократии.

Исторически Советы возникли не как высшая и не на высшей ступени политического развития, а на более примитивной, от *слабости* движения, а не от избытка его мощи и организованности. Советы всегда служили суррогатом необходимых, но отсутствовавших в нужную минуту политических учреждений. Они вызывались к жизни потребностями переходного времени, в порядке революционной спешки, требовавшей немедленной, хотя бы и несовершенной организации. Исторически Советы предшествуют Демократии, и прогресс идет, конечно, от Советов к Демократии, а не наоборот. Пример тому не только советы рабочих депутатов в России 1905 г. или Советы рабочих и

солдатских депутатов начала 1917 г., но и советы крестьянских депутатов в Германии эпохи Фомы Мюнцера или советы солдатских депутатов при Кромвеле в Англии.

{121} Существо разногласия, однако, не в вопросе об исторической последовательности той и другой формы. Существо — в политической ценности Советов и Демократии, независимо от того, что чему предшествовало во времени. Ибо если все существующее представляется одинаково разумным в том смысле, что не может не иметь одинаково достаточных оснований для своего существования, то ведь такая примиренность возможна, лишь в отношении к прошлому: разумность вскрывается лишь *post factum*. В предвидении же грядущего и для построения будущего приходится по необходимости производить выбор и оценку.

Срыв русской революции и торжество большевиков поставили российскую демократию в положение совершенно необычное для нее в прошлом и чуждое демократиям Запада. Демократия обычно отстаивала права и свободу, в частности избирательные права, и для трудовой демократии, т. е. и для рабочих и крестьян, часто ограничиваемых в правах требованием имущественного ценза, оседлости, образования. После торжества большевизма демократический принцип приобрел черты отстаивания прав и свободы *не только*, для трудовой демократии. Кривая истории пересекла российскую революцию так, что демократическая и социалистическая партии были откинута в сторону защиты прав *и буржуазии*. Этот «каприз истории» поставил российскую демократию психологически и политически в весьма трудное положение. Враги не преминули использовать его демагогически.

Ленин как-то заявил, что «лишение буржуазии избирательных прав не является необходимой предпосылкой советской власти, а выросло само собой в ходе борьбы». («Ренегат Каутский». — Москва 1918 г. стр. 41 и 62). Если понимать под советской властью не режим диктатуры, а особый порядок образования органов власти, тогда Ленин прав.

Теоретически можно себе представить Советы, которые образованы на началах {122} всеобщего и равного избирательного права. Теоретически это так же мыслимо, как мыслимо Учредительное Собрание, избранное не всеобщим и равным голосованием, а на манер венгерского или проектировавшегося генер. Врангелем. Но практически каждая политическая система имеет свою внутреннюю логику и свою «природу вещей».

Всякая куриальная система «сама собою» лишает избирательных прав определенные кадры населения. Ограничения советской системы избирательного права давно уже проходят не по признаку принадлежности к определенному классу, а по признаку принадлежности к определенным партиям. Прежняя буржуазия, поскольку физически уцелела, либо приспособилась и вошла в состав советской бюрократии, либо пролетаризировалась. Наоборот, многие из прежних беднейших крестьян и рабочих «обуржуазились». Тем не менее первые не приобрели новые права, вторые не лишились прежних. Реальное политическое значение и действительное участие в советской жизни связано неразрывно с принадлежностью к правящей партии большевиков.

С такой же внутренней необходимостью и система представительства от «атомизированных избирателей» или политически

нейтральных территориальных округов неразрывно связана со всеобщностью и равенством в правах и так же «сама собою» приходит к прямому и тайному голосованию, как гарантиям этих прав, к пропорциональному представительству и иным формам защиты прав всех членов правового общежития, до прав меньшинств включительно. В этом — качественное различие двух систем, не устранимое никаким количественным приближением, переходом или степенным видоизменением.

В этом не обманывают ни себя, ни других и большевики, когда устами Ленина они называют «попытку сочетать советскую систему с Учредительным Собранием» «нелепой», {123} «вскрывающей до основания духовное убожество желтых социалистов и социал-демократов, их реакционную мелкобуржуазную политику и их трусливые уступки неудержимо растущей силе новой пролетарской демократии». (См. XXI из заготовленных Лениным тезисов ко II съезду коммунистического интернационала).

«Пролетарская демократия», конечно, вырвалась у Ленина случайно, для красного словца и по забывчивости его собственных же утверждений о том, что «демократия — одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма». Но по существу дилемма формулирована правильно: *или* советская система и власть групповая — классовая: рабочих, рабочих и крестьян, всех трудящихся; *или* партийная: большевиков, большевиков и анархистов, большевиков и левых социалистов и т. д.; — *или* демократия и власть всенародная, не ограниченная непременно связанностью с определенным классом или партией.

Повстанцы Кронштадта, правильно нащупали основного виновника российского нестроения, доведшего страну до гибели, а народ до нравственной кабалы и вырождения. Они выразили общий стон: «сама жизнь под игом диктатуры коммунистов стала страшнее смерти». И весь свой пафос они направили против корня зла — против «ига диктатуры коммунистов».

Инстинкт не обманул деятелей «третьей революции» и тогда, когда они стремились влить движение в те организационные формы, которые одни только и существуют в России — в Советы. «Свободно избранные Советы» могли бы сыграть организующую роль в ближайший, переходный период. Логика всякого массового, стихийного движения такова, что, в поисках оформляющего его организационного центра, она всегда прибегает в первую минуту к уже существующим учреждениям. И хотя бы эти учреждения по существу преследовали цели противоположные {124} целям движения, если движение исторически назрело, старые учреждения делают эти цели своими и возглавляют все движения. Так было в революционной Англии XVII века с Долгим Парламентом. Так случилось во Франции XVIII века с Генеральными Штатами. Так было в России 1917 г. с IV Государственной Думой, которая 27 февраля решала вопрос: объявить ли Думу Учредительным Собранием, передать ли власть Совету Старейшин или образовать для того Особый Комитет.

Инстинктивное чутье кронштадтских матросов, творивших свою политическую идеологию так же стихийно и так же из себя «без заранее обдуманного намерения», как и самое восстание, толкнуло их к Советам, в надежде, что эти старые учреждения станут рычагом для приложения повстанческих сил и низвержения диктатуры коммунистов.

Тактически это, быть может, было и правильно. Но этой тактической позиции было, к сожалению, придано совершенно ей несоответствующее значение политического принципа. Здесь сказалась духовная зависимость от большевизма. Пленение его идеологией. Унаследование пережитков. Кронштадтцам оказалось не под силу и преодоление большевистских догматов. За 3¹/₂ года безраздельного владычества большевиков кронштадтцы слишком твердо заучили эти догматы и слишком основательно успели позабыть элементарные для антибольшевистского сознания аксиомы.

Если надо это поставить кому-нибудь в счета, то, конечно, не жертве духовной кабалы, а ее виновнику, — помрачившему умы и развратившему души.

III.

Кронштадт оказался эпизодом, закончившимся сравнительно благополучно для большевистской власти. Но неблагополучия этой власти не с Кронштадта начались и не с крушением Кронштадта, конечно, и кончатся.

{125} Неблагополучия начались с первого же часа образования большевистской власти. Можно сказать, что большевистская власть и не выходила из критического состояния, пребывая под постоянной угрозой немедленного, катастрофического крушения. Эта нависшая угроза, не как отвлеченная возможность, а как жуткая, дрящущая 3¹/₂ года повседневность, создала особую психику, выработала особые навыки и отношение к власти, как у самих властителей, так и среди подвластных. Атмосфера обреченности сделалась нормальной для существования в Советской России.

Накануне октябрьского переворота Ленин призывал своих единомышленников к дерзанию, указывая на то, что сама история ставит России вопрос: «погибнуть или на всех парах устремиться вперед?» Октябрьский переворот и был такой попыткой «маленькой, но хорошо организованной, вооруженной и централизованной силой», по выражению того же Ленина, разрешить исторический вопрос путем насильственного увлечения России «на всех парах вперед». Известен результат этого увлечения. Чем сильнее разводили свои пары большевики, тем быстрее шел процесс гибели страны и народа. Когда-то большевизм верил в молниеносную целебность своей диктатуры для России и для мира. Теперь эти иллюзии уже изжиты самим большевизмом. Ленин заявил испанским паломникам в коммунистическую Москву — Ангиано и де Лос-Риосу, что по его мнению, в России «диктатура пролетариата будет продолжаться приблизительно 40 лет», но в странах промышленных, например в Англии и Германии, «этот период может потребовать меньше времени». А на десятом съезде своей партии Ленин пошел еще дальше.

Он заявил, что «осуществлению социализма в России является утопией», а общее «международное положение отличается необыкновенной медленностью в развитии мирового революционного движения и наша политика не может {126} больше основываться на вере в его торжество. В виду этого советская власть признала необходимым пойти на компромисс с буржуазными правительствами и сделала

иностранным капиталистам некоторые уступки».

Когда большевики говорили: мы вызовем мировую революцию или погибнем, — это свидетельствовало о ясном сознании невозможности сохранить «социалистический оазис» в пустыне международного капитализма. И все последующие «передышки», «лавирование» и «выжидание», вплоть до новейшей попытки, на днях возвещенной, — спасти коммунистическую власть хотя бы ценою отказа от коммунистической политики в отношении к крестьянству, кооперации и иностранцам, — «мы делаем экономическую уступку для того, чтобы удержать советскую власть», формулировал эту политику председатель московского совета Каменев (см. «Правда», от 18.III.1921 г.) — все протекало при том же ощущении властью своей хрупкости, неустойчивости и зависимости от первого толчка изнутри или извне.

Более серьезное значение, чем это самоощущение власти, имели, однако, настроения и ощущения подвластных. И здесь не только в активных и сознательных антибольшевистских «верхах», но и в народных «низах» и глубинах с неоспоримой очевидностью проступало неприятие существующей власти, полная ее чуждость самым элементарным потребностям населения в праве и порядке. Самое овладение властью большевиками; период первоначального ее утверждения и дальнейшей «экспансии»; наконец, «нормальное» управление после победы на всех фронтах, наглядно и на длительном опыте показали, насколько не связана с населением, искусственна, случайна и преходяща большевистская власть.

Большевизм намеренно отказывался опираться на волю народа. Воля большинства народа объявлена была Лениным источником всех социальных бедствий, *корнем зла*. Этот взгляд {127} по существу не изменился за все 3¹/₂ года пребывания большевиков у власти. Но большевизму не удалось собрать вокруг себя и *трудовой* народ. Межклассовую борьбу большевизм продолжил и дополнил внутриклассовой борьбой, перенесенной в среду трудящихся. Не только крестьяне оказались антагонистами коммунистов-пролетариев. И среди городского пролетариата произведено было расслоение, профессиональное и политическое: квалифицированные рабочие попали в разряд оппортунистов, по оценке Ленина, а неквалифицированные, рядовые были объявлены настоящими и сознательными пролетариями. Все прогрессирующее падение городской промышленности вызвало неудержимое бегство рабочих из города в деревню. И «настоящих» пролетариев пришлось снова расщепить и разделить. Политически связанное с параличом транспорта закрытие 64 заводов в Петрограде вызывалось не только недостатком топлива для заводов, но и необходимостью сократить число повышенных рабочих пайков. Так советская конституция, чтобы освятить труд, установившая новый завет: «кто не работает, тот не ест», — оказалась опровергнута советской практикой, приостановившей труд для того, чтобы сократить число едоков...

Можно было предполагать, что народ, веками рабства и угнетения приученный к молчаливой покорности, терпеливо снесет и новую власть — новую по имени, старую по методам управления. В экономически отсталой стране, при некультурности народа — «в России возможны только два правительства: царское и советское. Большевиков никто не в состоянии заменить, за исключением генералов и бюрократов».

Этими словами, повторенными недавно в тысячу первый раз

Лениным в интервью «The New York Herald» выражается убеждение и противоположного политического фланга — бывших русских «генералов и бюрократов». И, как и эти, не только одинаково лютой ненавистью ненавидят «средних», не «холодных» и {128} не «горячих», но и одинаково видят свое назначение в том, чтобы «взнуздать» не внушающий им никакого доверия, покорный только силе народ.

Жизнь не оправдала этой схемы. Народ страдал, но не мирился с создавшимся положением. То тут, то там восставал он против угнетателей, чтобы, претерпев очередную неудачу, вернуться к своей ниве и, вместе с зерном, поглубже затаить свои заветные думы и неосуществленные желания. Восстания против большевистской власти стали своего рода бытовым явлением советского строя. Власть совершенствовалась, от раза до раза, в подавлении восстаний. Народ ловчился в устройстве новых. Стало нормой: народ восстает — власть подавляет.

Чем дальше затягивалось существование большевистской власти, тем уже становилась ее социальная база, тем все большие слои населения отрывались от ничтожного массива, поддерживавшего власть, и становились к ней в более или менее решительную оппозицию. Время явно работало против большевиков. В том же направлении все суживающегося в своем диаметре кольца видоизменялась и политическая организация большевизма. Она все более сводилась к образованию и сплочению людей и групп, на живот и на смерть связавшихся друг с другом. Пища войскам и безопасность вождям стали нерасторжимы одно от другого.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов давно уже должен был уступить свое место Президиуму В. Ц. И. К. А Президиум — «Совнарком», руководимому Центральным Комитетом коммунистической партии, в свою очередь направляемым «пятеркой», «политбюро» и «оргбюро» (политическим и организационным бюро партии). Уже в течение года, начиная с IX съезда партии, Ленин не перестает твердить, что единоличная диктатура в иных случаях полезнее диктатуры коллективной и что русским рабочим было бы не грешно {129} поучиться у буржуазии особенно английской, искусству управления при посредстве единоличной диктатуры. Параллельно с этой идеологической обработкой приняты были и технические меры к тому, чтобы соответственно организовать опору власти — вооруженную силу.

Созданы были специальные коммунистически-гвардейские части: курсанты, интернациональные отряды из латышей, китайцев, мадьяр, эстонцев, финнов, — войска внутренней службы «внус», отряды особого назначения — чрезвычайные, заградительные, — и... матросские.

Большевизм, как социальное движение и как организация политическая, свершил полный круг. Он исчерпал себя до конца, дойдя до абсурда и самоотрицания. Начинается обратный процесс. Реакция против большевизма возникает внутри самого большевизма. Оппозиционная гангрена проникает в партийные ряды. «Партия больна, — констатирует Ленин на последнем съезде партии. — Партию треплет лихорадка. Весь вопрос в том, захватила ли болезнь только «лихорадящие верхи» или болезнью охвачен весь организм». («Правда» № 13 от 21 января).

Расхождения Ленина, Троцкого, Бухарина, Рязанова, Осинского, Шляпникова, Лутовинова, «сапроновцев», «игнатовцев» и т. д. и т. п. определяются скорее психологическими настроениями —

положением в партии, «внизу» или «вверху», ощущением большого или меньшего неблагополучия в советском строю, прожектированием выходов соответственно индивидуальным темпераментам и т. п. Расхождения принципиальные имели второстепенное значение. Здесь обнаруживались и синдикалистские тенденции (Шляпников); и тенденции милитаристские (Троцкий); и неприкрытая ничем «махаевщина», протестующая одновременно против «Хлестаковых-комиссаров» и против засилья интеллигенции; требующая для интеллигенции особый курс для выборов во все Цики и Комитеты, где для нее {130} должен быть установлен *Numerus clausus*: 2/3 общего числа мест должно быть обеспечено за рабочими и крестьянами (Лутовинов, Игнатов и их «школы»). Здесь раздается близкий к кронштадтской идеологии призыв «вернуться» к советской конституции, восстановить попранные права Советов, узурпированные Совнаркомом, Советом обороны и Военным Советом (Осинский). Однако, и самое радикальное течение, так называемой, рабочей оппозиции, не идет дальше требования «ввести право свободного выступления во всех партийных собраниях и фракционных заседаниях советских органов представителей всех течений партии». («Правда» № 14).

Между всеми видами этой оппозиции и позицией Кронштадта разница оказалась не только в содержании требований, в большей решительности и последовательности кронштадтских «пунктов», но и в том, что Кронштадт пошел на жертвы и на смерть, тогда как прирученных Лениным оппозиционеров ждала не кара, а награда. Осинский, принципиально протестовавший против захвата власти «Совнаркомом», фактически получил и принял назначение на должность заместителя «Наркомзема» (народного комиссара земледелия); Лутовинов удовольствовался созданием для него должности второго секретаря В. Ц. И. К.; Шляпников попал в Центральный Комитет большевистской партии. Другие еще ждут признания своих заслуг.

Пауки, собравшиеся в большевистской партии, еще не начали поедать друг друга, но они уже ссорятся и физически задевают один другого. Крыленко обвиняет Литвинова, и Красина в тайном соглашательстве и финансовых злоупотреблениях. Литвинов и Красин добиваются сменения Крыленки с должности главного прокурора советской республики и, что фактически существеннее, — исключения его из партии. «Известия» эвфемически отмечают, как общераспространенное явление, что «самые ответственные работники с преступным легкомыслием {131} увлекаются самоснабжением». По темному делу некоего Махмуда Бека Партийная Консольная Комиссия вынуждена была недавно по отношению к таким видным большевикам, как Козлов-сын, Бонч-Бруевич, Дзержинский, Середа и даже по адресу всего Президиума В. Ц. И. К. — неизвестно, правда, по какому конституционному основанию — отметить, что один «проявил недобросовестность», другой — «недопустимое пристрастие и явное пренебрежение», Президиум — «слишком формально отнесся к делу и не познакомился с ним по существу» и т. д. Правда, это не помешало «отстраненному от занимаемой им должности», на основании приговора Комиссии, Бонч-Бруевичу чуть ли не на следующий же день по официальному поручению заняться разработкой плана отчуждения иностранному капиталу естественных богатств России и наметить 71 концессию. Но это уже деталь, лишний штрих в общей картине, не меняющий ее общего фона...

Гниение власти идет одновременно и в правящей партии, и в советских учреждениях. Цензор большевистских нравов, член Центральной Контрольной Комиссии Сольц так резюмирует, свою партийную среду:

«Неблагополучие наших руководящих командных верхов зависит от двух причин: с одной стороны, к нам на командные руководящие посты пробрались шкурнические элементы, с другой, долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры возымело свое разлагающее влияние и на значительную часть старых партийных товарищей. Отсюда крайне высокомерное, не товарищеское отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам.

Выработалась и создавалась коммунистическая и иерархическая каста ответственных работников со своими собственными групповыми интересами, которая чутко относится к своим «маленьким слабостям», которая с для себя имеет особые правила, законы, оценки, не применяемые ко всем прочим... К ним примыкает далее группа служащих товарищей, готовых для своих «высоких покровителей» из кожи вон лезть. Усердие {132} принимает иногда чудовищные размеры. Рассылаются сногшибательные телеграммы, поднимаются на ноги целые железнодорожные линии, чтобы комиссарское превосходительство по пути не задерживалось, очищаются квартиры для достойного приема, заготавливаются и предоставляются специальные вагоны, поезда и автомобили, продукты и всякие другие излишества, и все это делается усердствующей прислуживающей средой подчас из партийных товарищей, даже без особого на то распоряжения со стороны «большого» товарища. Последний только снисходительно это допускает, старается не замечать существа дела и только милостиво пользуется предоставленными ему удобствами.

Такие нравы усиливаются все более и более среди верхних слоев партии».

(см. книгу на нашей стр.: Г.А. Соломон (Исецкий). «Среди красных вождей», «Лично пережитое и виданное на советской службе», Изд. «Мишень» Париж, 1930 г.; ldn-knigi)

Это все можно прочесть в центральном органе большевистской партии — в «Правде» № 31. С неменьшим знанием дела столь же плачевную картину деятельности советских учреждений рисует официальный орган Советов «Известия» В. Ц. И. К. № 52.

«В организме советского государства существуют два разряда разлагающих его микробов. Один — это цапуны, хищники, протекционисты, взяточники, рабы собственного брюха и брюх своих близких. Они плотно всосались в организм рабоче-крестьянского государства и беспощадно высасывают из него все, что только удастся. Ни ревтрибуналы, ни расстрелы, ни переводы с одной работы на другую — ничто не в состоянии остановить их разрушительной работы... Второй разряд — это заторщики. Это сознательные слуги контрреволюции, примазавшиеся к советской власти. Заторщики это не саботажники. Их наиболее действительная задача — заставить работать советский аппарат, но работать в другую сторону».

Мы не склонны переоценивать процесса внутреннего разложения большевистской партии и советских учреждений. Опасность гибели заставит, конечно, большевиков сплотить свои ряды и позабыть большую часть весьма условных разногласий, разделяющих различные течения и группы. Это также очевидно, как и то, что при первых же решительных успехах {133} антибольшевистского движения назвавшиеся коммунистами только потому, что так именовалась единственно легальная, правящая партия, — мигом покинут гибнущее судно. Не следует, конечно, игнорировать процесс внутреннего распада большевизма, но не от него можно ждать освобождения России..

До Кронштадта еще можно было сомневаться в путях, которыми

пойдет это освобождение. После Кронштадта не может уже быть места колебаниям. Кронштадт отбросил такой свет на Россию не только в силу оптического закона, по которому «тем звезды ярче», «чем ночь темней», но и потому, что он показал, что жива еще Россия и жив ее народ, пусть временно придавленный башкирско-китайской ордой, но и в таких условиях сохранивший свою душу и способность к жертве.

Можно по-разному расценивать политическое значение того движения стачечного и повстанческого, которое охватило, одновременно с Кронштадтом, почти всю Россию и превосходит, по своей напряженности, все предыдущие. Но можно ли хоть с видимым правдоподобием утверждать: «Здесь еще не Россия, не народ?» («Руль» № 105 от 22.III.).

Если не здесь, то где же?... С большевиками? Или с теми «малыми ячейками», которые сам автор, Григорий Ландау, только еще призывает сделаться «кристаллизационным ядром для распыленных в России сил и стремлений», чтобы затем «вмешаться в российскую действительность?» Ведь даже Д. Пасманику теперь «становится понятным, почему белые армии не победили. Они не могли увлечь за собой народные массы», боявшиеся «грядущей мести господ и возвращения старого бесправия» («Общее Дело» № 252)...

Григорий Ландау усматривает в кронштадтском восстании не подлинное народное движение, со всеми его положительными и отрицательными чертами, а движение советской аристократии — {134} «привилегированных» матросов и рабочих. Но по отношению к политическому лозунгу кронштадтцев Григорий Ландау неожиданно оказывается снисходительным: советы — «не только гораздо естественнее, но, надо признаться, и гораздо умнее, нежели провозглашение сейчас никого — кроме пражских с.-р. и парижских кадетов — не интересующего лозунга учредительное собрание».

Трудно сказать, что водило пером автора — избыток ли теплых чувств к «привилегированным» или избыток совсем других чувств к «пражским с.-р. и парижским кадетам»... Во всяком случае, «философия» движения, даваемая Григ. Ландау, имеет очень мало общего с движением, происходящим в реальности.

По теории Григ. Ландау выходит, что «восстают не столько голодные, как сытые, опасющиеся голода; не подавленные, а привилегированные; крестьяне богатых южных губерний, у которых угрожают отнять хлеб; рабочие крупных заводов, а не обыватели; матрос, а не красноармеец». Практика-же гласит обратное. Чтобы быть более убедительным для Григ. Ландау, достаточно привести извлечение из корреспонденции, помещенной в том же № «Руля», где и фельетон самого Григ. Ландау. Корреспонденция описывает последнее восстание в Одессе.

«Непрерывные восстания, вызываемые нестерпимым голодом, холодом и невероятными издевательствами и притеснениями подонков, захвативших кормило коммунистической власти, привели, наконец, к сплошному мятежу, разразившемуся в конце февраля. Ни буржуи, ни контрреволюционеры на этот раз никакого участия в организации восстания не принимали. Измученные пролетарские массы не выдержали нескончаемой цепи мучений и негодования их привело к решительному столкновению с варварами».

Первый и главнейший вывод из кронштадтских и аналогичных событий последнего времени — тот, что снова {135} вернулась, самостоятельно выступила и сразу заняла всю политическую авансцену сила, отсутствовавшая или недостаточно активно себя проявлявшая вот уже три года. Снова появилась «народная громада», «народ-сирота», несмотря на акт надругательства и эксперименты, которым его подвергала большевистская власть, и вопреки всем заклинаниям и пророчествами о том, что народа нет, а «то, что идолопоклонники называют народом — это обезглавленный народ, толпа, мясо рабства» (см. «Настроения упадка.» — статья, подписанная прозрачными инициалами «Ф. И.» — «Руль» № 93 от 8.III), что «единственная возможная для России форма государственной власти» есть «власть диктаторская, опирающаяся на военную силу» (см. Петр Струве: «Размышления о русской революции» — Журн. «Русская Мысль». Январь-февраль. 1921. София. стр. 26 и 36).

Второй вывод — тот, что фикция мирного изживания большевизма теперь разрушена уже не «романтиками»-интеллигентами и не «доктринерами»-неудачниками русской революции, не анархически-бунтарским крестьянством, а теми слоями городского населения, которые совсем еще недавно служили одним из главных оплотов самого большевизма.

Иллюзии возможных соглашений с большевиками Кронштадт разбил окончательно. Вместе с тем он восстановил порванную за последние 3 года связь между деревней и безучастным свидетелем непрекращающегося крестьянского движения городом. Вновь обретается сознание общей заинтересованности и солидарности в борьбе за свержение враждебной всему народу — и городу, и деревне — власти.

Если первый вывод бьет былую идеологию и практику Крыма, то второй столь же решительно опровергает политические методы Дальнего Востока.

Когда по всей России, от края и до края, то вспыхивают, то {136} замирают для новой вспышки громадные зарницы народного движения, нельзя добросовестно говорить о каком бы то ни было признании власти, как власти более или менее устойчивой и существующей, хотя бы *de facto*. Власть неспособная обеспечить не только минимум, но даже видимость порядка, несмотря на абсолютную свою неограниченность; власть, вызывающая против себя длящиеся восстания такого диапазона, как кронштадтское, такая власть — обречена. Ее можно признавать в каких угодно целях — личных, партийных, международных, — но равно далеких интересам русского народа и России. И это — третий вывод из кронштадтских событий.

Наконец, последний, практический, касается взаимоотношений между народом и его интеллигенцией. Стихию русского народа поносили за последние годы на всех перекрестках: корифеи литературы не отставали на этом поприще от «литераторов» из «Освага».

Если эта стихия и в дальнейшем будет предоставлена сама себе, она неизбежно пойдет своей дорогой. И если, неся сама неисчислимые страдания, она причинит их и другим, безучастно выжидавшим или только сочувственно кивавшим, — неужели вина снова будет только на

одной этой стороне?.. Надломлена воля интеллигенции. Распылены ее силы. Сбивчивы ее программы, Но жизнь сильнее частных дефектов воли и программ... Она заставила не только меньшевиков на местах участвовать вместе с массами в повстанческом движении против большевиков вопреки директивам партийного Ц. К., *отрицавшим преодоление большевиков вооруженной рукой*. Она заставила самого апологета этой тактики отойти от своего взгляда, лишь только восстание против большевиков из мира идей претворилось в мир фактов. Л. Мартов нашел нужные слова, чтобы подчеркнуть «эпический героизм русских пролетариев, которые после четырех лет неслыханных лишений и разбитых иллюзий вновь находят в себе душевные силы {137} для того, чтобы гордо провозгласить свое право на «третью революцию». («Le Populaire» от 18. II. 1921.

Волны взбаламученного народного моря уже лижут кремлевские стены. России не предстоит анархия. Россия *уже* в анархии. И не с момента последних восстаний против большевиков, а задолго до этих восстаний. Можно сказать, — с самого прихода к власти большевиков. Те перспективы, которые рисуют заграничные «знатоки» России, для нас не страшны. Ибо мы знаем, что каждый лишний день большевистской власти удлиняет период анархии и отдаляет момент ее ликвидации. Эти перспективы страшны только для тех, кто сам пугается или других пугает анархией, не зная большевизма или учитывая его полезность, — конечно, не для России, а для других стран. А кто теперь не пугает? Кто не учитывает полезности?..

Уэльс, приехав из Москвы, сообщил:

«Единственное правительство, которое может не допустить Россию до окончательной гибели — это правительство большевистское... Да и к тому сейчас в России нет времени для новой революции». («Россия во мгле». — Перев. с английского. — София, 1921, стр. 91).

Ему вторит Артур Рэнсом в своей новой книжке о «Кризисе в России», в которой он пишет:

«Я не говорю, что крах теперешнего правительства невозможен. Но я утверждаю, что он был бы крайне нежелателен с точки зрения всех в России».

За «всех в России» Рэнсом бы лучше не говорил. Но вот для Ллойд Джорджа его свидетельство службу сослужило. Ллойд Джордж поспешил «испугаться» также, как и Симонс и Пилсудский. Во избежание возможной анархии, все они поспешили использовать и укрепить анархию, уже существующую.

Пробует еще пугать В. Шульгин. «Никакие повстанческие начинания, самые самоотверженные, самые талантливые, и даже {138} самые честные, кроме жесточайшей анархии не дадут ничего», — уверяет В. Шульгин в «Общем Деле» от 9 апреля.

Но он «пугает» уже по особым соображениям... и уже не в первый раз. В. Шульгин давно известен своей патологической страстью к «пытке страхом». И теперь, чтобы «испытать» П. Н. Милюкова и заставить его уверовать в спасительную для России силу «главнокомандующего русской армии» под Константинополем, он прибегает к своему излюбленному приему — пугает зловещим призраком «жесточайшей анархии»...

И действительно, В. Шульгину ли, собственноручно вращивавшему самые ядовитые семена анархии, уверовать в революцию «самую самоотверженную, самую талантливую и даже самую честную»?.. Это значило бы поставить крест над Шульгиным 1918-1920 годов. Это требовало бы от него омовения не в «семи водах», а в семидесяти семи...

Безрадостно настоящее положение России. Темно и загадочно ее будущее. Но первый благовест ее близкого освобождения от большевистской анархии уже раздался... Народ идет. Да свершится воля его! Да утвердится народовластие!

V. СУДЬБЫ РЕВОЛЮЦИИ.

I. Эпоха великих реформ рабоче-крестьянского правительства. — Уступки «крестьянскому сословию». — Милости рабочим. — Итоги реформ. — Экономика и политика. — От Маркса к Дюрингу. — II. Историческое приятие дооктябрьского периода революции. — Панлогизм меньшевиков и алогизм большевиков. — Генеалогическое родство и политическое сходство. — Иллюзия, парализующая волю. — III. «Историческая цельность русской смуты». — Отпавшие и ушедшие от революции. — Плоды октября и корни марта. — «Умеренные социалисты», как источник зла. — IV. Проекция будущего. — Мирная эволюция. — Нео-реставрация. — Термидор. — Бонапартизм. — Условное решение. — «Война роялистам и террористам», как условие восстановления России.

I.

В дни кронштадтского восстания в Москве заседал съезд коммунистической партии. На этом, десятом по счету съезде, коммунизм в том обличье, которое ему придали большевистская власть и российский быт, капитулировал открыто, официально и *принципиально*.

Случайно ли совпали во времени или причинной зависимостью связаны кронштадтское восстание и капитуляция российского коммунизма, как хозяйственной системы, это представляет второстепенный интерес. Капитуляция вызывалась, вероятно, и объективным положением и, одновременно с тем, субъективным {140} расчетом. Объективно существование Советской России с часу на час становилось настолько тяжелым и беспросветным, что официальное признание того, что есть и что давно уже перестало быть секретом для кого бы то ни было, — не могло ухудшить положения. Всякая перемена казалась, имела преимущество перед тем, что есть... С другой стороны, в свете особенно, кронштадтских событий не мог не сказаться излюбленный расчет власти, попавшей в затруднительное положение, — попытаться, хотя бы и запоздалой реформой сверху предотвратить, ослабить или отсрочить движение снизу, по своим целям бьющее гораздо дальше того, что, в качестве пределов своих уступок, намечает капитулирующая власть.

Капитуляция касалась лишь экономической стороны коммунизма; преимущественно той ее области, которая непосредственно соприкасается с продовольствованием населения и армии.

На X съезде коммунистов было постановлено заменить систему разверстки, т. е. обязательной поставки коллективом и местностью устанавливаемого произвольно властью количества продуктов, — продовольственным налогом, взимаемым в натуре в определенной заранее доле к собранному производителем количеству продуктов. Власть оставила за собой право собирать зерно для питания лишь армии и городского, «служилого» населения. По отношению же к прочему населению — за исключением столичного и таких промышленных центров, как Иваново-Вознесенск — власть, освобождала себя от доставления хотя бы и минимальных пайков, «снимала с государственного снабжения».

Населению предоставлялось самому обеспечивать себя продовольствием, приобретая его самостоятельно и непосредственно у производителя. Право «купли» для собственных нужд, таким образом, возвращалось большинству населения. «Продажа» - же разрешалась лишь известной части мелких землевладельцев, {141} да и то — «в пределах местного хозяйственного оборота». Тем самым, хотя и в спутанной, ограниченной и условной форме, восстанавливалась и легализовалась *свободная торговля*.

Эта легализация знаменует собою капитуляцию коммунизма не только потому, что именно на борьбе против свободной торговли совершенствовалась в течение трех с половиной лет вся энергия, все творчество и выдумка террористического коммунизма, но и потому, что легализация свободной торговли объективно означает легализацию основного стержня буржуазно-капиталистического строя.

И раньше не раз приходилось большевизму экономически капитулировать. Достаточно напомнить хотя бы декрет 23 ноября 1920 г., которым предоставлялось, в качестве «продовольственных концессий», иностранным капиталистам — «помещикам из иностранцев» — свыше 3 миллионов десятин бывшей частновладельческой и государственной земли в Самарской и Ставропольской губерниях, Уральской, Донской и Кубанской областях. Но прежние капитуляции сопровождалась всегда указанием на кратковременность очередной «передышки». Прежде в таких случаях звали к «героическим средствам» и к применению «железных рукавиц» к врагам и к друзьям. «За три года непрерывной борьбы мы так опустили, — писала «Правда» накануне кронштадтского восстания, — что для того, чтобы нам подняться, нам нужна палка и принуждение. Надо впустить сильный ток возбужденной энергии в наши уставшие головы, в наши ослабевшие мускулы, в наши согбенные спины. Мы находимся в состоянии паралича».

Тут еще виден просвет — «единый план электрификации», прилагаемый, очевидно, в первую очередь к уставшим головам, ослабевшим мускулам и согбенным спинам «ответственных работников» большевизма... Существенно новое в позиции, занятой большевистской властью после Кронштадта, состоит в принципиальном обосновании целесообразности отхода от {142} коммунизма, зачастую принимающем формы обвинительного акта против коммунистов и защиты навыков «буржуазной стихии».

Как обыкновенно бывало, и это новое слово впервые формулировал Ленин. По камертону учителя и вождя выровнялись солисты, настроились вторые голоса и хористы большевизма.

На X съезде Ленин говорил :

«Кто мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, — тот был фантазер; и нечего греха таить, таких фантазеров и в нашей среде было не мало.

...Свобода оборота это есть свобода торговли, а свобода торговли значит назад к капитализму (выделено мною, а не № 60-68 «Красной Газеты». — М. В.)

...Лозунги свободы торговли и Учредилки означают, что суть движения в бунте анархо-мещанской стихии. И этой стихии придется сделать уступки, как приходится сделать их капиталистической стихии внешнего мира.

...Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастают. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, и невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний... Мы должны признать, что той формы отношений, которой крестьянство не хочет, — не будет».

Свою новую позицию Ленин имел возможность развить и дополнить в ряде последующих выступлений. На съезде союза рабочих железнодорожного и водного транспорта, собравшемся в Москве в последних числах марта, Ленин аргументировал необходимость уступок «мелкобуржуазной анархической стихии» крестьянства следующим образом:

«Русская деревня выровнялась, в ней убавилась доля крупных посевицков и беспосевицков и увеличилось хозяйство середняков. Наша деревня стала за это время более мелкобуржуазной.

Эта сила сама собою руководить не может: она идет либо под руководством пролетариата, либо под руководством капитализма, — середины нет. Кронштадтские события осветили настроение этой силы. Она колеблется. Она особенно устала за годы революции.

{143} *Экономические условия этой массы таковы, что объединиться и сплотиться сама она не может. Это ясно для всякого, кто не отдает себя во власть пустых слов о всенародном голосовании, об учредилровке и тому подобной демократии, которой народ одурачивали сотни лет во всех странах, а у нас сотни недель проделывают это эсэры и меньшевики и кажинный раз на эфтом (так в тексте; ldn-knigi) самом месте терпят провал (Аплодисменты).*

Мелкобуржуазная анархическая стихия сильнее нас, это и является опасностью пролетарской диктатуры... Если мы не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно и надо смотреть, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь. Теперь нужно сделать все, что можно, для облегчения положения этой массы и сохранить пролетарское руководство». («Новый Мир» от 13.IV.21).

Наконец, на собрании «секретарей и ответственных представителей коммунистических ячеек г. Москвы и Московской губернии» 14 апреля Ленин определенно характеризует новые мероприятия советской власти, как «возрождение капитализма», а существующий в «социалистической республике» хозяйственный строй, как состоящий «по меньшей мере из пяти различных систем или укладов, или экономических порядков».

«Считая снизу доверху, они оказываются следующими:
первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно. Второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок. Третье — капиталистическое: это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала. Четвертое — государственный капитализм. И пятое — социализм». («Новый Мир» № 73 от 28-IV-21).

Нужды нет, что «пятое» на практике не многим отличается от... «первого», т. е. от «патриархальщины». Ибо социализм, оказывается, это такой порядок, при котором «рабочие на принадлежащих государству фабриках сами собирают (?..М. В.) топливо, сырье и продукты или стараются распределять **{144}** правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта».

Это маловразумительное, не только стилистически, утверждение сопровождается аналогичным другим, по которому капитализм в Советской России, хотя он покоится и на концессиях иностранцам и на объединении не крупного, а мелкого производства, тем не менее есть капитализм государственный.

«Конечно, свобода торговли означает рост капитализма: из этого никак

вывернуться нельзя. И кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмана, — появляется капитализм». — (Там же.)

Но «страшен ли нам государственный капитализм?» «Страшна» ли свободная торговля? «Страшны» ли концессии иностранному капиталу? Нет, нет и нет, — отвечает сам себе Ленин, потому что «мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорта и заграничную торговлю», потому что «государственная власть остается в руках рабочего класса»,

Новые взгляды пастыря послушно, почти без всякого сопротивления были усвоены паствой. И не только вся коммунистическая партия стала сразу же думать по-новому, — в том же направлении стали действовать и верховные органы советской республики. В. Ц. И. К. (Всеросс.Центр.Исполнит.Комитет) за подписью всего своего президиума и членов Совнаркома издал торжественное обращение к крестьянству, в духе былых высочайших манифестов. «Реформы» мотивируются в этом обращении следующими соображениями:

«Теперь... когда Россия с могущественными государствами мира разговаривает как равный с равным, когда могущественная Англия подписала с нами торговое соглашение... когда посредством иностранной торговли мы можем получить для крестьянского сословия (?.. М. В.) продукты в обмен на часть излишков его хозяйства, теперь наступил момент облегчить бремя крестьянского {145} сословия (?..), несмотря на то, что мы могли бы столкнуться с опасностью потерь драгоценных завоеваний рабоче-крестьянской революции».

Этот мотив тотчас же подхватывают все казенные публицисты, и всевозможные «Известия», «Правды», и прочие «Газеты» доказывают, что именно «теперь, когда враг отбит, когда мирные и торговые договоры обеспечивают нас от неожиданных нападений», именно теперь — почему именно теперь?.. — «политика коммунистической власти» должна была «перемениться» (См., напр., «Деревенскую Правду» от 6. IV).

Более сообразительные находят оправдание новой политики в том, чтобы в меру сил очернить свою прежнюю. «Разверстка не наше изобретение, она была введена еще при царизме», — доказывал Зиновьев совещанию крестьянских представителей уездных, волостных и сельских советов Петроградской губернии, защищая новейшее изобретение — «продналога».

С крестьянского сословия одно бремя снимается за другим. 423 милл. пудов хлеба по разверстке понижаются до 240 миллионов пудов по налогу. Круговая порука отменяется. Излишки предоставляется продавать не только «государственным учреждениям», но и «кооперативным объединениям», а в известных случаях, — в условиях «местного хозяйственного оборота» — даже отдельным гражданам. Возвращается восстановление независимости кооперативов. Издаётся декрет об обеспечении «за хозяевами» «постоянного пользования определенным участком земли». Декрет воспрещает полные переделы раньше истечения девятилетнего срока с момента последнего передела и без разрешения «уездного земского отдела»; воспрещаются и частные переделы. Вместе с тем ставится на вид «некоторым земельным органам» (?..), что «в целях использования земли для устройства советских и коллективных {146} хозяйств они медлят изданием постановления, оформляющее пользование крестьянским населением землями, которые

поступили им при распределении помещичьих земель».

Назначение всех этих актов не оставляет сомнений. К «скидке» продовольственного крестьянского тягла присоединяется попытка умиротворить крестьянство, закрепив в их частное владение фактическое пользование помещичьей землей. Это не только отказ от «коммунии» в сельском хозяйстве, — внешним выражением чего служит замена (с 1 апреля) «Деревенской Коммуны» «Деревенской Правдой», удержавшей на виньетке колосья и серп, но освободившейся от традиционного молота. Это возвращение *назад к капитализму*, в форме мелкого частного землевладения.

Благотельствуют не только крестьян. Благотельствуют и рабочих. Декреты 9 апреля предусматривают оплату рабочего труда предметами, изготовляемыми или на фабрике или заводе (так назыв. «натурпремирование»); потребительским обществам предоставляется право свободной закупки и обмена чрез посредство Центросоюза: рабочим разрешается выделка на заводе, в сверхурочное время, «предметов широкого потребления»; устанавливается право свободного передвижения.

Словом, отказ от прежней экономической политики по всей линии. Отказ, конечно, не без лицемерия и двусмысленности. Капитулируют перед капитализмом, но, по преимуществу, — перед иностранным. Признают правомерность существования мелкой буржуазии, но только крестьянской. Допускают торговые отношения, но в форме обмена. Из двух лозунгов, выставленных «анархо-мещанской стихией», о которых напомнил Ленин на коммунистическом съезде, большевистская власть капитулировала перед первым, экономическим — перед «свободой торговли», для того, чтобы предотвратить, {147} хотя бы такой ценой невозможную для нее капитуляцию перед вторым, политическим лозунгом — «Учредилкой». Тем самым в значительной мере заранее обрекались на неуспех все реформы хозяйственных отношений даже в том, нереальном для большевистской власти случае, если бы она пыталась добросовестно следовать новому курсу.

Та недолгая практика, которая успела обнаружиться со времени объявления нового курса, успела уже подтвердить правильность априорных предположений. Даже большевистские официозы уже не решаются скрывать ставшую очевидной неудачу своих реформ.

Не приходится подчеркивать своеобразие применения новых декретов в зависимости от усмотрения применяющих декреты властей. Губернии производящие сопротивляются натиску двинувшегося на них населения губернии потребляющих, угрожающему собственному их существованию. Украина не проводит вовсе новых декретов или так их видоизменяет, что основная их суть утрачивается. Донская область и Северный Кавказ «признали необходимым сохранить действие заградительных отрядов на прежних основаниях» («Красная Газета» от 17. IV.). Краевой экономический совет в Ростове н/Д. для увеличения числа строительных рабочих постановил вербовать нужные кадры из числа прибывающих с севера одиночек мешочников.

Народный комиссариат продовольствия уже поспешил разъяснить, что декрет о свободном обмене не распространяется на Сибирь, Кавказ, Туркестан и Украину.

Некоторые представление о формах, которые принимает этот докапиталистический способ продовольствования собственными средствами, дают описания советских официозов:

«На железных дорогах образовалось огромное скопление мешочников. Принимаются самые решительные меры для недопущения этих скоплений, угрожающих {148} срывом перевозки наиболее важных грузов. Высший совет по перевозкам разрешил произвести перевозку скопившихся на украинских ж. - д. путях мешочников, с предоставлением им для этой цели одного поезда в сутки с указанием маршрута по усмотрению округа путей сообщения.

Ныне добиваются последние остатки того исправного паровозного парка, каким обладала республика». («Экономическая жизнь» № 85).

Предел беспомощности советской политики сказывается в том, что, не успевшая она издать новые декреты; как уже понадобились новейшие, — для борьбы с бедствием, созданным только что изданными декретами. Понадобился декрет, устанавливающий «нормы» железнодорожного багажа для совершеннолетних (10 пудов) и несовершеннолетних (5 п.), ручного багажа (не более 2 п.) и продовольственного (не более 1 п.). Вслед за тем понадобился особый карательный декрет, изданный, неизвестно по какому праву, на основании «заключения» Совета труда и обороны «о необходимости привлечения к ответственности лиц, которые нарушают правила езды на железных дорогах»: «Лица, едущие на паровозах или платформах вагонов, а также железнодорожники, которые это допускают, будут наказываться пятью годами заключения в концентрационном лагере».

Самоочевидно, что и этим декретам предопределена судьба предыдущих. С ними никто, и прежде всего, конечно, сама власть, не станет считаться, ибо в противном случае — железнодорожное движение остановилось бы автоматически: за перемещением всего железнодорожного персонала в концентрационные лагеря на 5 лет...

Железнодорожники не в силах помешать передвижению на паровозах или платформах, когда от нормального подвижного состава уцелели жалкие остатки. Так фатально срывается всякая мера, которую пытается осуществить большевистская власть. К чему бы ни прикоснулась ее мертвящая рука, лучшее намерение, целесообразнейшее начинание, — {149} все обречено на тлен и рассыпается в прах в бездушной атмосфере произвола и насилия. Утрачивается значение того, что осуществляется, содержание реформ. Сохраняется значение за тем, кто и как производит реформу. В этом определенную роль играет, конечно, психология власть имущих. Но не в меньшей мере — и сопротивление окружающей среды, объективно препятствующей прежним людям прежними методами осуществлять то уничтожение чего утверждалось ранее, как историческое назначение и этих людей, и присущих им методов.

Большевистские реформы не создали, они и не могли создать, необходимого для успеха всякой реформы воодушевления и веры в ее целесообразность. Они ухудшили прежнее положение. И не только в отношении к транспорту, но и к росту спекуляции и общему подъему цен.

«Некоторое, правда, очень слабое падение цен после снятия по Московской губернии продовольственных отрядов, теперь, после издания декрета о свободном обмене, — пишет «Продовольственная Газета» № 61, — вместо дальнейшего падения, как можно было ожидать, сменяется заметным вздором. Объясняется это тем, что мелкобуржуазный обыватель, больше всего ожидавший свободы торговли, кинулся на рынок с остатками своих домашних ненужностей, надеясь обменять их на хлеб, и заградил рынки и площади».

«Сам» Стеклов вынужден констатировать:

«В конечном итоге получается не понижение цен, а лишь наполнение карманов некоторых, особенно ловких спекулянтов. Со всех сторон раздаются нарекания по поводу результатов свободной торговли. Жалуются не только рабочие, но также беднейшие крестьяне». («Известия», В. Ц. И. К. от 6. V. 21).

То же явление отмечается и в других местностях.

«Большинство продуктов питания повысилось в цене на много раз, — замечает петроградская «Красная Газета». Особой радости от вольной продажи на лицах рабочих и работниц увидеть нельзя, скорее можно подметить обратное — разочарование».

{150} Множественность и спутанность декретного творчества вызвали не только обычные разномыслия и трения между отдельными ведомствами, но и в пределах каждого из них свое истолкование и свою практику применения. Неудивительно, что и двух месяцев не насчитывает еще эпоха реформ, как плачевные ее итоги внесли еще большую смуту умов в население и в правящую среду. Одни настаивают на признании ошибочности последних декретов, на скорейшей их отмене и возвращении к прежней политике «немедленного социализма». Другие требуют последовательности и проведения нового курса и возбуждают вопрос о распространении свободы торговли и продовольствия на топливо и прочие предметы первой необходимости, — на денационализацию не только торговли, но и промышленности и банков.

Большевицкая власть топчется на месте, мнется и колеблется, стремится удержаться на «средней» линии, запутывая положение еще безнадежнее отдельными решениями от случая к случаю. То снабжение топливом сдается с подряда частной инициативе; то продовольствование красных столиц — Москвы и Петрограда — возлагается на известного мукомола Башкирова и бывшего «высочайшего поставщика» пекаря Филиппова; то возвращаются прежним домовладельцам дома до 75 тыс. р. довоенной стоимости; то либеральный московский совет легализует открытие колониальных, мясных и зеленых лавок, — продолжающих по-прежнему, пустовать, — и торговлю с лотков и тележек.

Вряд ли кто искренне верит, что на этой межеумочной позиции можно будет задержаться хотя бы в течение ближайших месяцев. Сделанные уступки не способны дать удовлетворение не потому, что слишком требовательно и притязательно стало население, а потому, что они объективно не в состоянии несколько улучшить положение. Ну, в чем, например, изменится положение домовладельца от того, что ему вернут в совершенно **{151}** негодном виде принадлежавший ему когда-то дом? Очистка и ремонт, не говоря уже о включении в разрушенную водопроводную и канализационную сеть, не по силам самому предприимчивому и добросовестному домовладельцу.

Восстановление разрушенных жилищ невозможно без общего восстановления промышленности, требующего кредита, в свою очередь требующего хотя бы некоторой устойчивости правопорядка, а не капризных исканий власти, гарантирующей всем аппаратом Че-Ка авторитетную непререкаемость своих экономических изысканий.

Чтобы изменить положение, мало сделать более решительными и последовательными уже сделанные уступки; мало вообще одних экономических уступок. Необходимы уступки *политические*. Могут ли на это пойти большевики, не идя сознательно на риск полного своего уничтожения, не приняв решения покончить самоубийством? Здесь смыкаются все начала и концы. Здесь корень вещей. Стоит только вынуть террористический мундштук, стоит ослабить узду, — и все большевистские учреждения расплзутся по швам, власть исчезнет, как дым. Иностранцам еще можно продолжать внушать мысль о том, что Россия это — исконная страна советов и, кроме большевистских, никаких организованных сил в России нет и, помимо откровенно-монархических, и быть не может. Большевики могут обманывать других, но себя они не обманывают. И они пойдут на *все*, на какую угодно капитуляцию в экономической области, но не на смягчение политического режима...

Конечно, такие, как Зиновьев, никогда не перестанут заверять, что «мы боремся не за власть, а за революцию» (см. отчет в «Правде» об «общегородском Совещании представителей фабрик и заводов в Петрограде»). Но ведь на то председатель Северной Коммуны и бурбон, чтобы утверждать: «революция — это мы!» На то он и известен лицемерием, чтобы затушевывать то, что более простоватый его коллега — председатель {152} московского «совдепа» Каменев проговаривает почти совершенно отчетливо: «мы делаем экономическую уступку для того, чтобы удержать советскую власть» («Правда» от 18. III. 1921). Вместо «советскую», конечно, точнее было бы сказать, — свою, большевистскую власть, — но практика давно уже отождествила оба эти слова.

Когда большевики пришли к власти, они видели смысл и оправдание своих методов действия в исторической необходимости привести в соответствие политическую форму с будто бы назревшей для немедленного социализма послевоенной социально-экономической обстановкой. Возражения социалистов, негодовавших против попытки «маленькой, но хорошо организованной вооруженной и централизованной силой» установить рабоче-крестьянскую власть и декретным порядком осуществить социалистический переворот, эти возражения шли по линии доказательств отсутствия необходимых для того субъективных и объективных предпосылок даже на Западе, не то что в России. После 3¹/₂ лет неудачного экспериментирования большевики, наконец, признали устами Ленина на X съезде коммунистов, что немедленное осуществление социализма в России является утопией.

Если бы политикой большевиков руководили исключительно идеологические мотивы, такое признание должно было заставить их отойти на свои предоктябрьские позиции и занять исходное положение оппозиции «единственной до конца революционной партии»,

защищающей и в недозревшем до социализма буржуазно-демократическом строе интересы «единственного до конца социалистического класса» — пролетариата. Было бы непростительной наивностью думать, что большевики в действительности могут пойти этим путем. Но это ни в какой мере не {153} опровергает факта безысходного противоречия с самими собой, с основным заветом своего учения, в которое впали большевики, капитулировав перед враждебной им экономикой «мелкобуржуазной стихии» и силясь во что бы то ни стало сохранить свою политическую власть. Весь марксизм здесь ставится на голову. Политика оказывается «первее» экономики, «надстройка» — независимой от «базиса». Это явное возвращение от марксистского «Анти-Дюринга» к антимарксистскому Дюрингу. Это ли не худшего вида ревизионизм, для которого политическое «движение — все», а «цель» — социально-экономическое освобождение — «ничто», приносимое в жертву сохранению руководства движением?!

Если бы Ленин с товарищами, «признав свою некультурность», пошли бы «на выучку» к той стихии, перед которой они экономически уже капитулировали и, насколько могли бы, честно стали служить ей политически, — их пребывание в Кремле было бы досадной, весьма неприятной, но, в конце концов, лишь частной подробностью. Отдельные большевики, может быть, и мечтают о таком выходе. Возможно, что не справа, но и слева и даже в большевистском лагере, тешат себя мыслью о том, что «Ленин согласен передать власть коалиционному правительству, но Троцкий категорически противится этому» («Общее Дело» от 7. V.) или что «Ленин предложил находящемуся в Ревеле В. М. Чернову пост народного комиссара сельского хозяйства» («Руль» № 121 со слов корреспондента «Times»'а) Но, как партии, большевикам такой выход не дан... Не тем, кто форсировал русскую революцию, уничтожить противоречие между историческими ее задачами и насильственно навязанными ей утопическими целями.

Не надо быть непременно марксистом, чтобы до очевидности ясно сознавать неминуемость заполнения того hiatus'а который образовался сейчас в Советской России между ее экономикой и {154} политикой. Но кто решился бы аподиктически утверждать неминуемость немедленного заполнения образовавшегося пробела? Примат экономики можно считать бесспорным, если рассматривать исторический процесс не то, что с точки зрения вечного, а с сравнительно более длительной точки зрения. Если же брать более краткие «отрезки времени», с точки зрения «текущего момента», — довлеет дневи политика его. Затянувшееся пребывание у власти большевиков — лучшая иллюстрация к этому положению. Но минет ряд дней, отложится неподвижным прошлым ряд «текущих моментов», и историческая необходимость, не терпящая ни чрезмерно больших скачков, ни чересчур длительных пробелов, восстановит, конечно, нарушенное равновесие между экономикой и политикой и в России.

Как произойдет это? Кто придет на смену большевикам? Кому принадлежит ближайшее будущее?

Все снова и все настойчивее задает себе этот вопрос российская общественность. Сызнова возвращаются к нему мыслью российские граждане и на родине, и на чужбине, и наедине с собой, в ночной тиши, и в публичном страстном споре. Ибо вопрос этот, воистину, гамлетовский... От того, как его решит жизнь, зависит «быть или не быть» не отдельному

лишь индивиду, а целым коллективам — группам, партиям, классам, национальностям, в известном смысле, — самой России.

II.

В одном из предыдущих очерков общий, а не только местный интерес Дальневосточной эпопеи усматривался в том, что она дает конкретные очертания тех пределов гибкости, до которых способна дойти большевистская власть при известных, неблагоприятных для нее условиях. Вместе с тем указывалось, что не исключена возможность того, что большевизм может {155} испробовать и во всероссийском масштабе дальневосточный опыт и пойти тем же путем мнимых уступок, которым он уже победоносно прошел всю Сибирь и вышел к океану.

Эта возможность осуществилась скорее, чем можно было предполагать до кронштадтских событий, когда составлялся указанный очерк. Отклонение выразилось лишь в *содержании* уступок, которое «во всероссийском масштабе» оказалось иным, чем на Дальнем Востоке. Там большевизм надел личину демократизма. Теперь он поступает своей «экономикой», чтобы спасти «политику». Может быть, очередным шагом будет сложение воедино обеих мнимых величин: видимость политической эволюции с видимостью экономической.

Некоторые склонны надеяться, что от такого сложения двух отрицательных величин может получиться в итоге величина положительная.

Сами большевики не торопятся идти на такое сложение. Но их ближайшие соседи, — «оппозиция его величества большевизма», — не перестают всячески их к тому подстрекать.

Система большевистской террористической диктатуры изжила себя, — писал недавно один из нынешних лидеров меньшевизма Р. Абрамович. Она вступила в противоречие с интересами хозяйственного оздоровления и развития России. Если бы коммунистическое правительство России его признало, то, может быть, было бы не поздно путем радикального изменения политики и сговора с другими социалистическими партиями спасти русскую революцию от угрожающей ей гибели. («Freiheit» № 111).

Мы не знаем, какие социалистические партии имеет в виду Р. Абрамович, рассчитывая на их сговор (Verstaendigung) с большевиками. Кроме российской социал-демократической, — мы таких партий не видим. Ведь не левые же эсэры, почти без остатка перешедшие к большевикам?! Не эн-эсы же или группа «Единство»?!. И не партия с.-р. пойдет на шаг, не только {156} отрицающий все ее прошлое, но и убийственный для ее будущего, как партии!.. Тем не менее мечта об «однородном» социалистическом фронте — от большевиков до эн-эсов, — взлелеянная теми же меньшевиками еще 3 1/2 года тому назад, еще до большевистского переворота, не есть индивидуальная выдумка Абрамовича. Она волнует политическую совесть, по-видимому, всей Заграничной Делегации российской социал-демократической партии. Она, во всяком случае, находится в полной гармонии с общей идеологией редактируемого Делегацией «Социалистического Вестника», с его взглядами, в частности, на судьбы русской революции.

Орган Заграничной Делегации — по существу единственный официальный орган партии с.-д. — полагает, что «рядом с утопической задачей полной коммунизации страны» большевистская диктатура, «творила дело нужное громадным народным массам, далеким от ее коммунизма». Это положительное «дело» сводится фактически к **двум** делам. Большевистская диктатура «радикальным разрушением старого строя и войной против капиталистического мира, стремившегося его навязать России», во-первых, «охраняла приобретенную крестьянином землю и свободу от помещика»; и, во-вторых, «выкидывала из всех сфер управления государственного и общественного не только царскую бюрократию, но и дипломированную, вышедшую из буржуазных кругов, интеллигенцию, и тем открывала «дорогу наверх» тем бесчисленным выходцам из мещанства, из рабочих и крестьянских кругов, из армии и т. д., которые привилегиями имущественного и образовательного ценза прикреплялись к общественным низам». Этим, по мнению «Социалист. Вестника» (№ 2), только и объяснимо, почему большевистская диктатура держится три года, «не разбив себе лба» о свою утопическую задачу.

Не будем подробно доказывать неосновательность и, во **{157}** всяком случае, недостаточность такого объяснения. Укажем лишь на то, *мимо* чего проходит эта точка зрения. Она не дает никакого объяснения, почему для того якобы положительного дела, которое осуществила большевистская диктатура, — необходима была именно она, а никто другой не мог этого осуществить. Она скидывает вовсе со счетов те «исторически» никак не оправдываемые деяния большевистской диктатуры, которые по своему весу и числу превосходят во много раз то «нужное громадным народным массам дело», которое она якобы «сотворила». Но главное — эта точка зрения признает доказанным как раз то, что требуется доказать, — что исторически нужное дело сделано и сделано именно большевистской диктатурой.

Разве большевистской диктатуре, действительно, удалось «охранить», или закрепить за крестьянством ту землю, которая в фактическое пользование перешла к крестьянству еще до октябрьского переворота большевиков? Не случилось ли обратное? Не усугубила ли большевистская диктатура своим хаотическим произволом, разложением и анархией общую трудность правового закрепления земельного передела? Также сомнительна ценность для «громадных народных масс далеких от коммунизма» того «советского чиновничества», которое двинулось по открытой большевиками «дороге вверх» и, по авторитетному свидетельству самих новаторов, состоит наполовину из «цапунов, хищников, протекционистов и взяточников», а наполовину из «заторщиков», «примазавшихся к советской власти» и «спецов», рекрутируемых как раз из «дипломированной, вышедшей из буржуазных кругов, интеллигенции», и больше того — из рядов доподлинной «царской бюрократии»!

К условному, правда, но все же оправданию большевистской диктатуры привел меньшевистских публицистов методологический порок их идеологии, «феноменологический» их подход к историческим явлениям. Желая исторически **{158}** «осмыслить» большевистскую диктатуру, «Социалистический Вестник» привнес в нее политический смысл от себя. При «рационализации» явлений субъективный элемент,

конечно, никогда не устраним. Но субъективный элемент вытесняет все другие, — когда начинают искать смысла во всех «отрезках времени», в каждой «исторической секунде». Если история и разумна, то, конечно, лишь в целом, в общих своих тенденциях от «бестиальности» к «гуманности» или от простого к сложному, а не в каждой отдельной своей конкретности, — иногда нелепице, случайности, пустоте не подлежащей никакому дальнейшему осмысливанию или разложению на рациональные элементы. Некоторые же, иногда весьма длительные, «отрезки времени» являются бесспорным возвращением истории вспять, регрессом, падением нравов, сумерками культуры, политической реакцией и т. п.

Интересно отметить, что сами большевики, казалось бы, достаточно ревнивые — и как марксисты, и как демагоги — к осмысливанию и оправданию своей диктатуры, не всегда находят особый разум истории в том, что она привела их к власти. Они зачастую склонны видеть в этом одну из нелепых случайностей, которыми так богата великая фантазерка — история, и которая явилась механическим разрешением кризиса, не разрешавшегося никаким иным органическим или рациональным путем. Большевики расценивающее свою диктатуру, как счастливый случай — счастливый, конечно, для них, а не для революции или «громальных народных масс, — как своего рода историческое чудо.

«Самое удивительное — говорил Ленин после неожиданной удачи октября — это то, что так-таки и не нашлось никого, кто немедленно выкатил бы нас на тачке».

То же настроение не покидает его и на закате исторического триумфа. На последнем съезде коммунистов он напомнил: «Советской власти помогало чудо... Чудо — октябрьского переворота. Чудо — польская {159} война. Чудо — трехлетняя выносливость русского мужика и рабочего».

Такая же оценка и у другого практика и идеолога исторической необходимости большевистской диктатуры — Троцкого. «То, что Советская Россия в состоянии бороться на всех фронтах и даже просто жить, этот факт есть величайшее историческое чудо», — констатировал на заключительном заседании III Интернационала в августе прошлого года «красный генерал Мировой революции».

Пусть преувеличены слова о «чудесах» советской республики («les miracles de la république») —: и польская война не «чудо», и Советская Россия вовсе не живет, а хронически умирает и замирает. Пусть уже видны пределы «выносливости русского мужика и рабочего», — не важны эти фактические неточности. Существенно иное, — основное восприятие. И тут надо сказать, что алогизм большевистских идеологов обнаруживает гораздо большее историческое чутье и чувство действительности, нежели панлогизм идеологов меньшевизма.

Несмотря, однако, на такое расхождение в области «философии истории», — в оценке современной международной обстановки и в прогнозе ближайшего будущего, принципиального различия между обеими ветвями российского марксизма почти нет.

Правда, марксисты-большевики продолжают третировать марксистов-меньшевиков не иначе, как социал-предателей», «прихвостней буржуазии» и «наемников Антанты». Это обычная для большевиков демагогия. Но не только она одна.

Здесь и верность старым заветам «Искры», — строившей свои отношения к немарксистским группировкам русских социалистов на начале — «товарищ-министра министру — товарищ, но министр товарищу министра — не товарищ»!

В 1902-1904 гг. на положение «товарищей министра» низводились социалисты-революционеры. Теперь в этом положении очутились меньшевики.

{160} Большевики считают, что как «министры» они «товарищам министров» не товарищи. Меньшевики же доказывают обратное и устанавливают общность своей классовой генеалогии с «министрами». «Социалист. вестник» подчеркивает «социальное родство тех слоев населения, на которые опираются большевики и меньшевики». И, в полном согласии с этим, Заграничная Делегация с.-д., даже «клея негодованием нападение советской армии на грузинскую республику», все же удерживает наименование социалистов за теми, кто стоит во главе Советской России и ее армии («Соц. В.» № 4, стр. 8 и 3).

Совпадение взглядов обнаруживается и в плоскости текущей политики.

Меньшевики ставят своей насущной задачей «прежде всего отвоевать формальное признание советского правительства» («Соц. В.» № 2, стр. 11). Они «открыто и честно заявляют, что международное признание Советской России, первым актом которого является лондонский договор, представляет собою огромное благо с точки зрения правильно понятых интересов русских народных масс» («Соц. В.» № 5, стр. 1). Они предлагают «революционной демократии России» не только «признать заключенные ныне договоры» (с Англией и Польшей), но и «приветствовать их, как положительные завоевания русской революции». (Там же).

Все это пишется па столбцах «Социалистического Вестника», вынужденного издаваться в эмиграции, в Берлине. Но то же, правда, в более вульгарном и победоносном стиле, можно найти и в коммунистических «Газетах» и «Известиях» красной Москвы и Петрограда...

Когда представитель и оратор меньшевизма на VIII Съезде Советов Ф. Дан заявлял: «наша революция совершается в атмосфере мирового социалистического перелома» («Соц. В.» № 2, стр. 8), — объяснение можно было искать в оторванности оратора от «мира», в потере международной перспективы, которая не {161} могла не явиться в результате изоляции Советской России от Европы и методической обработки общественного мнения монополистами тамошней информации и прессы. Большевикам удалось привить свои, заведомо ложные, взгляды противникам. Но как объяснить то, что и после свободного соприкосновения с миром, после конгресса в Галле и прочих событий последнего времени, официальное представительство российской соц.-демократии в Европе, повторяет тот же фальшивый напев о том, что «трагические фазы» российской революции развертываются «на фоне сумерек международного капитализма и быстрого нарастания социально-экономических и психологических условий для победы социализма в передовых странах»? И что именно это обстоятельство открывает «объективную возможность» в том, что в «России, преодолевшей большевистскую диктатуру», «сохранится власть трудящихся»? («Соц. В.», №2).

Ведь именно так думали большевики, когда они производили свой

переворот. Троцкий писал, что «война минировала почву всего капиталистического строя» («Октябрьская революция», стр. 125). А Ленин, сколачивая в начале 1919 г. свой III Интернационал, повторял, что «война создала революционную ситуацию, благоприятную и необходимую для диктатуры пролетариата». Но теперь... теперь даже большевики перестают так думать и говорить. Неужели исторический разум пережитого за три года в том только и состоит, чтобы «благоприятную ситуацию» большевиков заменило «быстрое нарастание» меньшевиков?!

«Возобновление действия советской конституции» и «подлинная власть трудящихся» давно уже фигурируют в качестве действенных лозунгов меньшевиков в их борьбе против нарушителей советской конституции и начал «трудовластия». Можно считать, что в прошлом меньшевики слишком поспешно приняли «советский строй» за «факт действительности», способствуя своим преждевременным приятием утверждению этого «факта» в {162} действительности. Слишком торопливо — уже в декабре 1918 г. на «Всероссийском Совещании Р. С. Д. Р. П.» — сдали они *тактически* Учредительное Собрание, возложив, по своему обыкновению, ответственность за свою сдачу на вне их стоящие факторы; на «связанную с разгромом Учредительного Собрания политику большевистской диктатуры, неизбежно (?.. М. В.) оттолкнувшей значительную часть крестьянства, как и широкие слои городской демократии, в сторону контрреволюции»; и на «часть демократии, связавшей судьбу Учредит. Собрания с союзным империализмом и отечественной реакцией» и потому «содействовавшей подрыву доверия к Учредительному Собранию со стороны широких народных масс».

Можно думать, что с такой же торопливостью и не совсем последовательно пришли меньшевики от отрицания гражданской войны к активному участию в ней на стороне тех, кто ее поднял, и от физической защиты большевистских позиций в России, идейной солидарности с некоторыми из этих позиций в эмиграции. Словом, с вариациями тактического свойства можно не соглашаться, их можно осуждать за несвоевременность, за нецелесообразность излишне-чуткой ориентации на преходящие факты, — но все эти изменения понятны; многие из них для меньшевиков-марксистов и естественны.

Но как понять, чем объяснить ту умильную картину «быстрого нарастания социально-экономических и психологических условий для победы социализма», которую теперь рисуют на столбцах официального органа российской социал-демократии ее авторитетнейшие Панглоссы?.. Экспортированное из Берлина за границу, в Россию, где даже искусственные люди успели отвыкнуть от света, потеряли чувство исторической реальности и способность аккомодации, меньшевистское творчество освящает своим авторитетом, авторитетом оппозиционной большевикам партии то заблуждение, в котором намеренно оставляет российских граждан большевистская власть.

{163} Возможность победы социалистического движения на Западе, которая оправдывает и переродит доморощенный русский коммунизм, — продолжает еще искушать сознание многих в России. Поддерживать этот соблазн значит поддерживать вреднейшую и гибельнейшую из иллюзий, созданных угнетателями и парализующих волю угнетаемых.

III.

Панлогизм российских социал-демократов заставил их внести от себя разум во все провалы российской революции. С другой стороны целостному приятию революции с ее по-октябрьским финалом включительно противопоставляется столь же целостное отрицание революции, как явления, лишённого всякого исторического смысла.

Такой нигилизм вышел за пределы искони реакционных кругов. Он захватил частично и тех, кто в прошлом сами были деятелями и даже заслуженными деятелями революции на различных ее этапах. Только в последнее время стали бесцеремонно и презрительно третировать революцию деятели типа Бубликова, в свое время, на подъеме февральской революции с восторгом возвещавшего отречение династии, на ее закате обменивавшегося символическим рукопожатием с одним из вождей революции, а ныне отрицающего самый факт февральской революции, славословящего «хищнический капитализм» и устанавливающего, как «основную веху» жизни — «возврата к старому, органически «несправедливому» строю жизни». («Общ. Дело» от 15. V. 1921).

Не все имеют мужество так же решительно «не признавать в «завоеваниях революции» ничего, кроме ужасов и несчастья для России», как бывший деятель первого периода русской революции трудовик Первой Думы проф. Локоть, еще задолго до 1917 г. перекочевавши в нововременский стан. Большинство, {164} хотя и с оговорками, все же стараются удержать различие между «первым, блестящим и победным фазисом революции» и «путем, поведшим Россию к падению и позору». Они только произвольно сокращают первый «фазис» сроком, когда близкое им политическое течение играло главенствующую роль в революции. Так именно поступает, например, В. Д. Набоков в своей статье о «Временном Правительстве», напечатанной в «Архиве Русской Революции», где конец «торжества революции» датирует 20-22 апреля 1917 г., «когда вновь поднят был Ахеронт», и «открылось» «уродливо-свирипое лицо анархии».

После 22 апреля — анархия. До этого — «блестящий и победный фазис». Правда, и то не совсем. «Внимательный и объективный взгляд мог бы в первые же дни «бескровной революции» найти симптомы грядущего разложения, которые теперь, *post factum*, кажутся такими несомненными, такими очевидными!» «Я не отдавал себе тогда отчета в том, что основа происшедшего был военный бунт». (Стр. 9 и 14 «Архива», т. 1.), Так записал в своих воспоминаниях В. Набоков уже в апреле, 18 года. Теперь, по истечении новых трех лет, он еще ближе подошел к пониманию мартовской революции по проф. Локотю...

В. Набоков рекомендует говорить не о «заветах» мартовской революции, а о «заветах» Первой Думы. Но предпочтительнее было бы вообще не говорить о «заветах» революции, а об ее *уроках*. Так пишет политический редактор «Руля» (№ 143 от 10. V.). Ближайшие его сотрудники выражаются еще резче.

Передовик № 98 характеризует предоктябрьский период революции, как «одни лишь безобразные и позорные картины распада во всех областях государственного и общественного быта», как «восемь месяцев топтания на месте, повального дезертирства, стихийного осуществления большевистского лозунга «грабь награбленное».

А Григорий Ландау идет еще дальше вправо, оставляя за собою в своем попятном движении не только {165} Набокова с «заветами» Первой Думы, но и Родзянко и даже Шульгина с «заветами» Четвертой.

Григ. Ландау задним числом «ужасается», как это «умеренные элементы — Милюков и даже Родзянко с Шульгиным, понимавшие значение усиления для власти благоприятного исхода войны, пошли на революционный переворот». Он, как и Бубликов, берет под сомнение самый факт революции. «Революция, если так называть наступившее падение государства, было действительно делом национальным — именно национальным самоубийством». На самом же деле никакой революции не было, а «случился столичный бунт». («Руль» от 8. V.).

Эти рассуждения весьма характерны для тех, кто был на стороне революции *до* того, как она произошла, и которые отошли и восстали против нее *после* того. Они не замечают, однако, насколько глубоко и теперь проникает их сознание бывшая традиция русской интеллигенции — положительное отношение к революции. Они не замечают, что их вывод покоится на предположении, что благая революция не могла привести к тому, к чему пришла Россия после 17 года. Поэтому то, что случилось, есть не революция, а «бунт», «смута», «самовольно-погромная демобилизация». Революция, вопреки намерению отпавших от нее, продолжает владеть умами и преподноситься сознанию в ореоле славы и добра.

Наиболее страстное и принципиальное обоснование антиреволюционной сущности мартовской революции принадлежит П. Б. Струве. Когда-то, в фазис «торжества революции», даже чуть ли не *после* 20-22 апреля, П. Струве писал в «Русской Свободе» № 1.: «Быстрота событий ошеломляет ум... Мы все испытали громадный и спасительный нравственный толчок... Мы пережили историческое чудо... Оно прожгло, очистило и просветило нас самих». Теперь он пишет иное. «Французская революция не {166} только провозглашала идеи, не несмотря на реакцию, к которой она привела, в этой реакции осуществила свои идеи. Не то в русской революции. Все, что от нее остается, противоречит идеям, ею провозглашенным», и потому ее «следует сблизать» не с французской революцией, а «с русской смутой XVI-XVII вв.». От смуты же XVII в. Россию спас не народнический идеализм, не «народная громада», как думал Костомаров, не «народ-сирота», по выражению Забелина, — Россию спасло «национальное движение, исходившее от средних классов, среднего дворянства и посадских людей и вдохновляемое духовенством, единственной в ту пору интеллигенцией страны». («Русская Мысль». — София 1921 г. — Январь-февраль, стр. 36 и 26). Может ли быть иначе теперь?

Когда П. Струве впервые излагал эти «Размышления о русской революции» в публичной лекции в Ростове н/Д. в ноябре 1919 г., он вдохновлялся историческими фигурами Прокопия Ляпунова и кн. Дмитрия Пожарского и проводил аналогию между Нижегородским Ополчением и Добровольческой Армией, между королевичем Владиславом и гетманом Скоропадским. (Там же). Когда же этим мыслям П. Струве удалось получить печатное отображение, вдохновлявшие его аналогии «фигуры» уже отошли в историческое небытие. Для размышления о русской революции теперь Струве ищет

вдохновения в других воспоминаниях и образах: его взору предносится образ Козьмы Минина, потомки коего ныне, переместились из Нижнего Новгорода в Париж...

Такая смена источникам вдохновения и объектов исторических аналогий П. Струве вполне гармонирует с общим духом его публицистической деятельности. Нам уже приходилось давно отмечать, что Струве перестал бы быть Струве, если бы перестал меняться со временем... Струве всегда был *im {167} Werden*: и тогда, когда он писал манифест российской социал-демократической партии; и тогда, когда был идеологом русского марксизма, и когда издавал либеральное «Освобождение»; когда стал материалистом и когда, перестав им быть, сделался идеалистом; когда вдохновлял «Вехи» и когда обнаруживал свое подлинное «национальное лицо», подсказывая Столыпину идею «Великой России», а интеллигенцию приглашая, во имя «личной годности», сажать капусту. Прошлое Струве всегда было интереснее настоящего. И то, что пишет Струве сегодня, интересно, главным образом, тем, что это усердно будет развивать его школа завтра...

Так было раньше. Так происходит и сейчас.

Чтобы развенчать русскую революцию, Струве пользуется приемом, излюбленным якобинцами французской революции: он производит амальгаму из деятелей революции всех оттенков, покрывая их всех общей ответственностью. Социалисты отвечают за коммунистов. «Либеральные элементы, скажем прямо, партия народной свободы или кадетская» и даже шире — «образованный класс» и «русская интеллигенция» — все ответственны за то, что «революция была антипатриотична, противонациональна и противогосударственна» (стр. 23-34). За Ленина отвечает Керенский. За Керенского — Милюков. За Милюкова... может быть сам Струве?!. Ставя знак равенства между большевизмом и социализмом, Струве видит «всемирно-историческое значение» русской революции в том, что «она есть практическое опровержение социализма, в его подлинном смысле учения об организации производства на основе равенства людей, есть опровержение эгалитарного социализма» (стр. 19).

Так говорит Струве, зовущий идти «напролом, напролом, напролом» и справедливо рекомендующийся — Торгово-Промышленному Съезду в Париже — «человеком, не только читавшим {168} о социализме, но и пережившим его». Естественно, что его «школа», — в которой далеко не все «пережили» социализм, а некоторые и не слишком много читали о нем, — восприняв предложенное толкование социализма и революции, пошла «напролом» еще дальше учителя. Так Гр. Ландау не останавливается на «монистическом понимании» революции: на отрицании правомерности различия дантоновского и робеспьеровского фазисов во французской революции и на защите «исторической цельности русской смуты». («Руль» № 119).

Он идет дальше. Если необходимо выбирать, так большевизм, или крайний социализм, как его называет Григ. Ландау, пожалуй, даже предпочтительнее «умеренного», ибо «большевики в общем выгодно отличаются от умеренных социалистов своей решительностью и деловитостью». («Руль» № 126 из серии статей «Крушение умеренного социализма»).

И не только с точки зрения «личной годности», как психологический тип, большевики оказываются выше умеренных социалистов, — они предпочтительнее и *политически*, с точки зрения сравнительных итогов политики тех и других. Такого мнения держатся не только движимые национальным эросом Устряловы и Ключниковы, от аналогии адмиральской диктатуры пришедшие прямоком к восхвалению **патриотического разума рабоче-крестьянской власти**. (выделено нами; *ldn-knigi*) Так думает и пишет в крикливо-антибольшевистском органе и близкий Струве по духу Леонид Галич.

«Поломав оглобли и оборвав упряжь старой власти (разумеется при благосклонном содействии гг. Керенских), большевики в течение четырех лет усердно прилаживали к телу русского народа новые оглобли и новый недоуздок, во много раз более стеснительные, чем прежние. В этом смысле их можно даже похвалить, как все же своего рода собирателей и возродителей так глупо и нелепо рассыпанной Временным Правительством государственной власти... Большевики действительно повернули Россию от анархизма к реализму и {169} умеренности. Здесь проявилась некоторая положительная черта русских большевиков, — черта, которую, по моему мнению, совершенно неразумно замалчивать: их несомненный, хотя и разбойничий инстинкт властвования, составляющий необходимую основу и необходимую составную часть государственного инстинкта.. Они сделаны из того материала, из которого при известных условиях создаются не только крупные кондотьеры и не только Фуше и Талейраны, но порою и Бисмарки». — («Общ. Дело» № 256).

Из песни слова не выкинешь, — приходится отметить, что по существу то же понимание «Русского Опыта» разделяет, по-видимому, и П. Я. Рысс, когда, подводя итоги своего «историко-психологического» восприятия революции, он пишет в своей книге:

«Если бы, резюмируя все сказанное, задаться вопросом, что же произошло в России в конце февраля — в начале марта, мы обязаны чистосердечно сказать, что революции не было, она явилась позже, когда стали перестраиваться политические и социальные отношения, когда, на смену разрушенному, начали производить попытки создания нового порядка вещей. В конце февраля была не революция, а произошел грандиозный, исключительный по числу своих участников, солдатский бунт». (Петр Рысс: «Русский Опыт». — Париж 1921. — Стр. 55).

О том, какой период имеет в виду автор, говоря о более позднем превращении солдатского бунта в революцию, — можно судить по следующему отрывку:

«...Большевики, по воле народной стихии дезорганизуя страну, по воле этой же стихии принуждены были приступить к организации государства, творить историческое дело русского народа.

*...Коммунисты — по существу, вопреки себе — творили русское Дело и, того не желая, восстанавливали разрушенное ими государство, делая его **унитарным и централизованным** (Там же. — Стр. 263 и 266).*

Последовательное отрицание мартовской революции, признание внутреннего единства за всей «русской смутой» и «бунтом» оказывается таким же роковым, как и противоположные попытки {170} исторически осмыслить и приять **весь** ход русской революции целиком, с ее послеоктябрьским «срывом» и вырождением в анархию включительно.

Те, которые ныне восстанут против мартовских «заветов» революции потому, что в них, в сущности, уже были заложены «принципы» октября, — практически кончают тем, что проклятыя марту

завершают благословениями, пусть условными и с оговорками, но благословениями октябрю. Если между большевизмом и правым абольшевизмом (*так в книге!; ldn-knigi*) и существует пропасть, то только по вертикали она безмерна и бездонна. По горизонтали же расстояние между обоими краями бездно, можно сказать, ничтожно. Достаточно иногда всего одного шага, чтобы очутиться на противоположном берегу... Эта близость — несмотря на всю глубину расхождения — сказывается, в частности, и в параллелизме тех усилий, с которыми оба антагониста стремятся низвергнуть в разделяющую их бездну третьего противника, — ту из слагающих русскую революцию сил, чье торжество исключило бы победу крайних флангов и предотвратило бы вечное круговращение от красной диктатуры к белому самовластью и обратно.

IV.

Восприятие без оттенков и степеней, без теней и красок, без различения рисунка и линии, «в общем виде», — характерно для элементарного познания. Мышление может восходить до вершин диалектического панлогизма или опускаться до низин плоского и поверхностного метода аналогии, — оно одинаково малоценно, ибо одинаково не покрывает всего явления: либо за чащей леса не различает различных просек и отдельных деревьев, либо за деревьями не видит самого леса.

Для такого мышления типично рассуждение: кто не с нами, тот мало что против нас, — он *за* наших врагов. Кто не с {171} рабоче-крестьянской властью, тот за царя. А скрытые монархисты, естественно, опаснее и потому «хуже» монархистов явных. Кто с заветами мартовской революции, а не с военной диктатурой, тот работает на Ленина, тот «ленинец» или полуленинец, — вторят большевикам стоящие неподалеку от них, на другом краю «бездны». «Полуленинец» же — хуже ленинца!..

Это сакраментальное положение оказало роковое влияние на оценки и в известном смысле — на самый ход русской революции. Оно совершенно соответствовало духу той диалектики, по которой «хуже» не всегда и при всех обстоятельствах «хуже»: иногда оно становится «лучше», и «чем хуже» бывает «тем лучше». Но тезис о том, что «полуленинцы хуже ленинцев» сделали своим и группы весьма далекие от марксизма, самый марксизм считающие «полуленинством». Борьба против «полуленинства» сделалась осью всей политики этих групп. Вокруг нее стала вращаться вся их активность, все оценки прошлого и прогнозы будущего. Амальгамируя «ленинцев» с «полуленинцами», достигают ближайшей цели — компрометируют «умеренных социалистов» и общие заветы мартовской революции. Но попутно реабилитируют «ленинцев».

А после того, как самим Лениным признано осуществление коммунизма в России утопией, после тройного провала большевизма: морального — так как он оказался бесчеловечней самодержавия; экономического — так как он взрастил анархию и нищету хуже капиталистических; и политического — так как он кончает капитуляцией того, чем начал, и что составляло его славу и гордость; — всякая реабилитация, исходящая от противников большевизма, в особенности, удлиняет срок ликвидации большевизма, закладывает основы для воскрешения его в будущем.

И тот, кто придерживаются тезиса «полуленинцы хуже ленинцев», равно как и те, кто высчитывают степени своего {172} «социально-экономического родства» с растлителями русской революции и социализма, — оказывают одинаково бесценную услугу не своей идеологии или классу, а своим противникам: большевикам, которых это реабилитирует, и реакционерам, которые, отрицая плоды октября, спят и видят «дофинов русской смуты», способных уничтожить корни зла, заложенного «полуленинцами» еще в марте...

Утратив последние остатки морально-политического авторитета большевики могут еще держаться у власти, пока она продолжает внушать страх. Но такое внушение не может быть чрезмерно длительным. Привыкнув к своему состоянию, устрашаемые перестают на него реагировать.

Бесчисленные подтверждения этому психофизиологическому закону дал «опыт» войны. Но страх может не только перестать вызывать привычный эффект. Он может вызвать эффект противоположный. Страх способен внушить величайшую смелость и дерзновение. Падение Робеспьера, по описанию историков, представляет именно такой случай необычайной смелости, обретенной ненавистниками тирана, из страха перед ним.

В предвидении неизбежного проецируют будущее. Кому бы оно ни принадлежало, — очевидно это будет отрицанием прежде всего террористического метода управления. «Социалист. Вестник» верит в «наличность объективной возможности мирной революции путем перехода на сторону оппозиции масс» (№ 5). Стоя «на почве создавшегося в России порядка», меньшевики страстно рекомендуют «образовать политическую коалицию всех значительных организованных групп крестьянства, рабочего класса и интеллигенции, на основе экономического компромисса между социалистическим городом и мелко-капиталистической деревней» («Соц. В.» №№7 и 4). Такой выход представляется российским {173} социал-демократам не только реально-возможным, но и наиболее благоприятным — и не для одних большевиков, а будто бы и для пролетариата.

Если такая возможность и не исключена в сознании, она была бы, на наш взгляд, на деле едва ли не наихудшим выходом, ибо она означала бы подлинную катастрофу для демократического социализма и, тем самым, в значительной мере для судеб русской революции. Поддержав большевизм в тот момент, когда он начал падать, вместо того, чтобы его подтолкнуть, — демократический социализм обрек бы сам себя на длительное политическое небытие. В своем последующем падении несмотря на поддержку демократического социализма, большевизм увлек бы неминуемо и его.

Другой прогноз устанавливает те, коими руководит регулятив Жозефа де-Мэстра: «Nous ne voulons pas la contre-révolution, mais nous voulons le contraire de la révolution». Они не желают полной реставрации прошлого путем контрреволюции, но они желают противоположного тому, чего хотела мартовская революция, хотя того, «что противоречит идеям, ею провозглашенным», по выражению П. Струве. Почему непременно «альтернатива»: или «реставраторы» (типа Маркова 2-го) или

«умеренные социалисты» без социализма, в качестве пионеров новой России?» — возмущается передовик «Руля» (от 8. V). Почему бы не стать пионерами России нео-реставраторам с конституционными монархистами во главе?..

Ответ ясен: только потому, что такая альтернатива — исторический анахронизм. Она стояла перед Россией до революции. Ее не существует после революции. В. Д. Набоков сам пишет, что после того, как «первая русская революция оказалась перед разбитым корытом», «стала неизбежностью» вторая, мартовская («Руль» от 10. V). Как же после того, как перед {174} «разбитым корытом» оказалась вторая революция, можно считать «неизбежностью» возвращение к предреволюционному «первобытному состоянию»?.. Конечно, если взять под подозрение и отказать в доверии максималистски настроенному народу и безгосударственной интеллигенции, — реставрировать (без кавычек) Россию будет трудно. Ибо не на кого будет опереться. Не на монархию же, которая лишилась даже легитимного своего воплощения! Не на «среднее дворянство и посадских людей», которые были в XVII в., но которых сейчас — увы или к счастью, — нет! Наконец, не на те «малые ячейки», о которых «Руль» мечтает как о «кристаллизационном ядре для распыленных в России сил и стремлений».

Между этими двумя прогнозами располагаются два других, промежуточных: преодоление большевизма путем термидора, т. е. большевистскими же силами, восставшими против большевизма; и путем бонапартизма, психологически вскормленного «махновщиной», а организационно подготовленного военными «спецами» в России или в эмиграции.

Но если России и суждено иметь свой термидор, — его свершат, очевидно, не те, кто недовольны неистовством большевистского террора, а те, кто находят недостаточным практикуемый террор. Если власть Ленина и свергнуть, — то это сделают не «правые термидорианцы» — мадам Коллонтай или Шляпников. Это будут «левые термидорианцы» — Дзержинский, Троцкий и Бухарин. И русское подобие французского термидора, ничего по существу не разрешив, лишь обострит и отсрочит кризис.

Остается бонапартизм.

Чтобы ему восторжествовать, мало сочувственной атмосферы общественного мнения. Мало того, чтобы и республиканцы, и роялисты с одинаковой верой взирали на одно и то же лицо в надежде, что именно оно осуществит идеал республики, — по {175} Вертоллэ, Монжу или Лапласу, — и военный идеал, до плану генералов — Журдана, Моро или Бернадота. Недостаёт ещё немногого: должен быть Бонапарт.

Русский же вариант бонапартизма проектируют *начать* с восемнадцатого брюмера. Между тем в послужном списке кандидатов в русские Бонапарты, в прошлом, «чтобы карьеру начать» не только нет «ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан», а «просто напросто одна какая-нибудь старушка», как пророчествовал Достоевский в исповеди Раскольникова. Едва ли не лучшего из всех б. кандидатов в Наполеоны — «царя Антона», как, по свидетельству К. Н. Соколова, в

шутку между собою называли ген. Деникина члены Особого Совещания, — так характеризует этот кандидат с Сийесы: «В генер. Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека... Это, как мне всегда казалось, типичный русский интеллигент». (См. «Правление Генерала Деникина». — София 1921 г., стр. 40, 81 и 163).

От русского интеллигента до Бонапарта... Дистанция, как будто непреодолимая никаким воображением ума не то что напряжением чьей-либо воли!..

Нужна была атмосфера послевоенных нравов, нужны были обстановка незакончившейся гражданской борьбы и столетний интервал, — чтобы вздохнуть о Наполеоне, погубившем больше людей, чем азиатские «бичи человечества»; оставившем Францию, несмотря на свой военный гений, умаленной территориально и ослабленной политически, по сравнению с тем, какой она была до прихода спасителя Франции; овладевшем революцией, чтобы ее задушить; хваставшем тем, что его власть «не продержалась бы и трех дней», если бы он дал свободу печати: «с помощью моих префектов, моих жандармов и моего духовенства я могу сделать все»...

{176} Где же выход?

Если стоять на почве «исторически-обусловленных решений», — можно лишь условно говорить об историческом прогнозе. Темно и безрадостно ближайшее будущее России. Придется еще долго расплачиваться за «великое напрасно», за исторически зря разбитые горшки»; за срыв революции; за «похабный» мир; за недопустимую роскошь, которую себе позволил русский народ, пребывая 3¹/₂ года под властью «рабоче-крестьянского правительства». За все это придется **платить и платиться**. Но худшее, надо думать, все же позади...

...Будущее России неотделимо от будущности ее народа и его революции. Ни один народ не может творить историю вне и вопреки своей национальной революции. С точки зрения реальной политики остается неизблемым завет Барера: «Не будем никогда судить революций, а будем пользоваться ее плодами». Если же все-таки «судить» русскую революцию, то в историческом прошлом русского народа приходится искать причины того печального положения, в котором очутилась его великая национальная мартовская революция. Конечно, не все и в дооктябрьском её фазисе было лучезарно. Были темные пятна и на мартовском солнце. Но только с октября, после удачи заговорщиков и бунтовщиков против народа, эти ползучие пятна застили собой почти весь свет, стихийно излучавшийся в марте. В октябре действовала кучка заговорщиков, и потому в октябре был бунт. В марте действовал народ, и потому в марте была революция. Бунты или возмущения производят. Революции происходят. Бунты организуют. Революции вспыхивают, как пожары, часто «от неизвестной причины»; иногда от оброненной нечаянно спички, а иногда от молнии, от солнечного луча или «короткого замыкания»...

Война «минировала» не только капиталистический мир. Она {177} минировала и международную солидарность трудящихся классов. Она взорвала не только Интернационал, но и социалистическое и рабочее

движение внутри каждой страны. Она взорвала и национальную революцию русского народа. Было бы преступным лицемерием после взрыва революции сулить трудящимся России блага, которые до взрыва демагогически им обещали большевики и которые обращались в свою прямую противоположность в меру укрепления «рабоче-крестьянской власти». Нельзя говорить о сохранении власти за трудящимися, потому что сохранить можно лишь то, чем обладаешь: трудящиеся же в советской России давно уже утратили и тень власти, которой когда-то пользовались.

Если России дано будет осуществить последовательное народовластие и, утвердив республику, обеспечить достойный человека жизненный уровень для трудящихся, — она разрешит исторически обусловленную, ограниченную, но зато реальную, элементарную, но вместе с тем непреложную задачу революции и оправится от нанесенных ей ран и увечий. Россия — не Финляндия, не простое и малое государство, а государство сложное, — своеобразная Лига Народов. Поэтому путем белой диктатуры ей не выйти на широкую историческую дорогу!..

Еще на заре русской революции покойный Ф. Ф. Кокошкин со свойственной ему отчетливостью формулировал необходимость республиканской формы правления для России словами: нельзя одновременно быть с царем и быть с Россией; быть с царем значит быть против России.

— После опыта четырех лет и того состояния, в котором сейчас находится Россия, — более чем очевидно, что кто хочет видеть Россию собранной воедино и подлинно великой, — тот не может ей желать ни царя, ни диктатуры. Быть с царем сейчас, быть может, более чем когда-либо в истории России значит быть против России.

{178} И чем скорее будут изжиты красные миражи, белые мечты и черные призраки, чем тверже усвоит русский народ официальный пароль Конвента (после термидора) — «война роялистам и террористам!» — тем больше будет у России шансов наверстать потерянное за последние годы.

Fata volentem ducunt nolentem trahunt. Также и судьбы революции: — повинующихся они ведут, а упирающихся влекут насильно.

VI. СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Время, как политический фактор. — Немедленная мировая революция и временная передышка. — Две фирмы: «Коминтерн» и «Совнарком». — I. Национальный принцип и большевистская фразеология. — Большевистская практика и единство России. — «Удержание советской власти», как начало и конец самоопределения народов. — II. Народы России и мартовская революция. — «Последняя связь». — Порабощение России и освобождение окраинных народов. — От «фанатиков Востока» к «империалистам Запада». — III. Балканизаторы. — Щит Британии. — Экспансия Японии. — Бескорыстие Франции. — Прага и Вашингтон. — IV. Новые ноты. — Кавказский Союз и балтийское объединение. — Децентрализация и федерация. — Расчленение сверху и объединение снизу. — Пограничные столбы и форма правления. — Большевизм, как отрицание свободы, единства и величия России.

Время не только «форма» нашего сознания. Оно и реальный фактор психологии, индивидуальной и социальной. Течение времени превращает факты в право и, наоборот, — отнимает у ряда актов их правовую значимость. Признак времени оказывает определяющее влияние на политические программы и социальные требования.

Так, лозунги, с которыми пришли к власти большевики, по своему содержанию были заимствованы у противников большевиков. К этим лозунгам был прибавлен только временной признак: немедленный мир, немедленное Учредительное Собрание, немедленная социализация. Правда, большевики вскоре отказались от первоначальных лозунгов. Но это не изменило существа дела. Их {180} программа и тактика, партийная психология и «философия истории» продолжали по-прежнему определяться временем, опираться на возможность, необходимость и неизбежность немедленной социальной революции, как результата мировой войны, «минировавшей» капиталистический строй.

Поскольку расчетам большевиков не суждено было оправдаться, с каждым лишним днем не только ослаблялась напряженность их эсхатологических чаяний близкого конца капитализма; не только подрывалась уверенность в правильности занятой ими позиции; — первоначальное средство фатально превращалось в цель, а цель низводилась до уровня средства.

Первоначально провиденциальная роль России определялась тем, что она должна была служить *детонатором* мировой революции; должна была напрячь всё свои силы и возможности к тому, чтобы ускорить, облегчить и вызвать международный взрыв. Теперь, после того, когда чаемое и желаемое решительно отказалось воплотиться в сущее, а силы все убывают, — простое самосохранение советской власти сделалось самодовлеющей целью. Если раньше прорыв в Европу, договоры и концессии преследовали внешние цели — соблазнить и разложить других: врагов, капиталистические государства, — то теперь тем же концессиям и договорам придается совсем иное назначение — спасти внутреннее положение самой советской власти.

На последнем съезде Коммунистического Интернационала в Москве один из докладчиков отмечал, что советская Россия заинтересована не только в помощи капиталистической Европы, — она заинтересована в успокоении европейского общественного мнения (относительно

агрессивных намерений большевизма) и в развитии тамошнего капиталистического производства. Ради своего самосохранения большевистской власти приходится не только поступаться немедленной революцией и {181} немедленным социализмом, — ей приходится приветствовать экономическое восстановление врагов.

«Совнарком» вступает в столкновение с «Коминтерном». Они конкурируют не только лично и организационно, но и политически. Агенты «Коминтерна» справедливо жалуются:

«В то время, как тактика советского правительства всеми средствами стремится добиться компромиссного соглашения с западным капиталом, наши задачи, задачи коммунистического Интернационала, который ни при каких обстоятельствах не может и не должен идти на компромисс с капиталом, являются диаметрально-противоположными задачам советского правительства.»

«...Нельзя вести переговоры с капиталистами и одновременно исполнять задачи, налагаемые на них центральным комитетом 3-го Интернационала и партией. Сейчас наступил момент, когда западноевропейский секретариат должен окончательно порвать всякие сношения с официальным представительством советской России, чтобы этим развязать руки и себе, и представительству.» (Центральное Бюро Западно-Европейского Секретариата пропаганды №57 от 14. IV. 1921).

«Коминтерн» ставит на то, чтобы «всеми силами возбуждать антагонизм буржуазии разных стран, обостряя их соперничество и их аппетиты», — как выразился Троцкий на последнем Конгрессе; на то, что «капиталистические державы передерутся между собою» (Инструкция Р.С.Ф.С.Р. № 723); на обострение отношений между Германией и Антантой, на войну Америки с Японией. «Совнарком» же — устами комиссара по иностранным делам Чичерина — вынужден лицемерно хвастать тем, что «мы, нашим влиянием помешали вспыхнуть коммунистической революции в Персии», что только «благодаря нашей осторожности, пороховой погреб, который представляет собой Малая и Средняя Азии, еще не взорвался». (Интервью в «The Daily Telegraph»). А представителю «Совнаркома» в Лондоне — даже с некоторым раздражением на непонятливость своих контрагентов — приходится поучать; что надо уметь {182} различать между советской властью и Третьим Интернационалом. Третий Интернационал — «частное учреждение, ничего общего не имеющее с советским правительством»...

Можно оспаривать, — чтобы оба почтенных «учреждения» не имели между собою «ничего общего». Со всеми основаниями можно утверждать, что это одна и та же «компания», лишь под разными фирмами ведущая свои операции. Это не колеблет, однако, самого факта существования двух учреждений, двух фирм, преследующих вовне, для третьих лиц, разные интересы и разные цели. «Коминтерн» продолжает стремиться к развитию мировой социальной революции. «Совнарком» стремится сохранить советскую власть хотя бы в России. У первого задачи интернациональные. Второй вынужден сосредоточиться на задачах местных, национальных.

Не в первый раз переводит большевизм свое «дело» на чужое имя. Учитывая конъюнктуру, внешнюю и внутреннюю, большевизм пользовался и раньше защитным, национальным цветом. И этот маскарад настолько бывал удачен, что не только бездарные Устряловы начинали славить «красный империализм», усматривая в них выявление «русского великодержавия».

Можно припомнить, как в момент, когда большевики совсем уже приготовились крикнуть: «ура, Варшава наша!», известный политик и блестящий ученый, ныне вошедший в состав бурцевского «Национального Комитета», писал:

«После трех лет отсутствия... она (Россия) появляется вновь. Пусть она появляется в облачении нам ненавистном своей мерзостью и фальшью... Но и в нем в мир снова появляется Россия. Россия разгромила поляков, и перед Россией Европа спешит повиниться»...

Всякое бывало... Но до сих пор еще не бывало, чтобы вопрос о национальных задачах большевизма возникал в условиях мирного времени, чтобы он выдвигался во имя {183} внутренних русских целей. Никогда еще не бывало, чтобы так разительно интересы одной большевистской «фирмы» официально противопоставлялись интересам другой.

И когда это случилось, естественно вновь возникла мысль о том, что большевики, в сущности, стихийно, вопреки своей воли, но творят нужное для русского народа дело и что вместо большевиков-интернационалистов мы имеем в действительности **национал-большевиков**. Такой авторитет по национализму и «белому движению», как П. Струве, признал новейший «национал-большевизм» «наиболее интересной попыткой внутренне, идеологически преодолеть социальный и государственный кризис, переживаемый Россией, отмечая все белое движение» («Руль» № 191, от VII). П. Струве напрасно только ограничил «интерес» этой попытки идеологическими рамками. Ее практически оценили и те, кто отнюдь не «отмечает» белого движения, а лишь откладывает его, по мудрому совету А. В. Кривошеина, преподаданному еще в Крыму: «лучше на пять лет позднее, чем на 5 минут раньше»... Совет Кривошеина касался сроков восстановления в России монархии. Монархисты же в Рейхенгале применили его к срокам низвержения большевизма. По проникшим в печать сведениям, монархисты решили временно прекратить борьбу против большевиков на том основании, что большевики, во 1-х, дискредитируют демократию и способствуют росту правых настроений в населении и, во 2-х, — выполняют «грязную работу по покорению окраинных государств». Монархисты рекомендуют вступать в красную армию и в советские учреждения для предупреждения восстания против большевиков, до того времени, когда «народ окончательно устанет»...

«Государственно-мыслящие» монархисты, не надеясь на себя, уповают на большевиков, спекулируют на то, что большевики вызовут рост {184} симпатий к монархистам. Совершенно естественно, что они возлагают именно на большевиков, усвоивших худшие приемы деспотического империализма, свои надежды и по объединению России... Но не монархистам достаточно сопоставить большевистское отношение к началу самоопределения народов, или национальному принципу, с отношением, которое встретила большевистская политика народов России, — чтобы сделать свой вывод, неоспоримый и категорический.

К объединению России — этой основной задаче, от разрешения которой зависят многие другие, — можно идти разными дорогами. К нему нельзя идти лишь путями, ведущими к большевизму или идущими от него. Об этом наглядно свидетельствует история пореволюционной России.

I.

Начало свободного самоопределения народов, зажегшее своим пламенем сердца людей и народов и легшее впоследствии в основу знаменитых 14 пунктов Вильсона, — было возведено миру в грозе и буре мартовской революции.

Когда революция была в своем подъеме, было очевидно, что свобода и демократия могут утвердиться в России только при условии сочувствия и активного к тому содействия со стороны всех народов, и областей, в своей совокупности составляющих Россию. Казалось самоочевидным, что пореволюционная Россия сумеет сохранить свою мощь и границы только при свободном объединении народов и областей, образующих государственное целое.

В течение всего первого, неомраченного периода русской революции эта точка зрения была обща сознанию подавляющего большинства российской демократии. Все народы понимали, что {185} свобода каждого из них связана общим неразрывным узлом со свободой и судьбами целого России. Все сознавали, что самая безусловность принципа свободного самоопределения предполагает всеобщность его применения и в нем находит свой предел. В один из многих острых моментов революции, когда демократии, подхлестываемой безудержной демагогией ей возраставшего большевизма, особенно трудно было удержать принципиальную четкость своих взглядов. 20-го июня, на Первом Съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, предложено было Временному Правительству издать декларацию «о признании за всеми народами права самоопределения вплоть до отделения, осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном Собрании». И в этот острый момент демократия, организованная в Советы, сумела все-таки провести различие между провозглашением принципа или права *quo ad jus* и его практическим применением — *quo ad eхercitium*. Свою собственную положительную программу она тогда же намечала весьма скромно: «для обеспечения прав национальностей свободной России революционная демократия будет добиваться в Учредительном Собрании широкой политической автономии для областей, отличающихся этнографическими или социально-экономическими особенностями с обеспечением прав национальных основными законами путем создания представительных органов местного и общественного характера».

Большевизм пытался использовать принцип самоопределения народов в качестве ловушки для своих политических противников. Он доводил «право самоопределения вплоть до отделения» до признания права на немедленное осуществление отделения от России в порядке одностороннего акта. Однако, практических последствий этот лозунг не имел, потому что не имелось тогда в России субъекта, у которого он встретил {186} бы успех. Если исключить Польшу и Финляндию, — не было тогда в России народа и территории, которые, входя в систему российской пореволюционной государственности, стремились бы из нее выйти.

Такое стремление возникло значительно позже и не в результате увлечения большевистской идеологией, а в результате отталкивания от большевистской практики. Когда большевики агитировали в пользу

отделения от России, — народы тянулись к России. Когда же большевики стали огнем и мечом разрушать Россию, расположенные на ее окраинах народы, спасаясь от советской власти, утвердившейся в Москве, стали отталкиваться и от Москвы, и от России.

Сменяя друг друга во времени, оба процесса шли параллельно в противоположных направлениях.

Отношение большевиков к проблеме единства России было и остается таким же, каким было и остается их отношение к другим задачам русской революции. Национальная свобода для них была и есть простое средство для достижения специальных целей. Поэтому, когда они были в оппозиции, они всячески развязывали центробежные силы революции и боролись с силами центростремительными. Когда же они пришли к власти, они цинично надругались, в числе других, и над требованием национальной свободы, которое вместе с аналогичными лозунгами снискало для них популярность в определенных слоях населения.

Через несколько дней после разгона Учредительного Собрания и окончательного утверждения большевистской власти народный комиссар по национальным делам, бессменно состоящий в этой должности, Сталин-Джугашвили, на Съезде Советов 14 января 1918 г. уже заявлял:

{187} «Необходимо ограничить принцип свободного самоопределения народов предоставлением этого права трудящимся и отказывая в нем буржуазии. Принцип свободного самоопределения должен быть средством борьбы за социализм».

И Съезд согласился с этой точкой зрения. Официальный орган большевиков «диалектически» доказывал:

«Национальное движение на Украине и в Финляндии в период правительства Керенского, хотя и было буржуазным, было, однако, «фактором прогресса»; с приходом же к власти большевиков оно сделалось «фактором реакции».

Более подробно и «принципиально» было установлено взаимоотношение между коммунистической властью и правом на самоопределение народов на 8-м Съезде коммунистической партии, в марте 19 года. «Левый» Бухарин «принципиально» обосновывал политическое отношение к праву на самоопределения народов:

«Если для колоний, для готтентотов, бушменов, негров, индусов и прочих мы выставим лозунг: право на самоопределение, мы ничего от этого не проиграем. Напротив, мы выиграем, потому что национальный комплекс в целом будет вредить чужеземному империализму, и его борьба войдет в общую систему борьбы против империалистического режима. Самое яркое националистическое движение, напр., движение индусов объективно льет воду на нашу мельницу, потому что способствует разрушению английского империализма».

Не мене «принципиален» был и «правый» — Рязанов, доказывавший, что:

«нельзя безнаказанно кричать об отмене лозунга «право нации на самоопределение» при советской власти именно теперь, когда спасение этой советской власти заключается как раз в том, чтобы натравить как можно больше угнетенных наций на империалистических волков».

{188} На этом же съезде глава Третьего Интернационала Зиновьев

формулировал отношение большевиков к тому федеративному началу, которое до сих пор красуется на фронте «Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

«Мы всегда боролись против федерализма в партийной организации. Мы сторонники централизма... Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что федерация государств уступит место пролетарскому стремлению к единству. На этом основании мы сторонники централизованной партии».

И Съезд послушно вотировал:

«Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов должны быть всецело подчинены Центральному Комитету российской коммунистической партии».

Более широкую известность и почти всемирное применение эта точка зрения получила в связи с ростом Третьего Интернационала и предъявлением ультимативных условий коммунистическим партиям, домогавшимся доступа в Московский Интернационал. И в своей практической, агитационной деятельности большевицкие агенты исходят от того же понимания: стремление к национальной свободе самой историей предназначено служить удобрием для коммунистической культуры. На бременском съезде заведующих коммунистической пропагандой в Европе и Азии в декабре 1920 г. докладчик о положении пропаганды на Востоке Элиава, между прочим, говорил:

«Конечно, Москва и мы понимаем, что магометане Туркестана не доросли еще до социализма. Но мы думали и знали, что, если они внешне примкнут к большевизму, они послужат мостом, через который советская власть проберется в соседние восточные страны и таким образом создаст затруднения Антанте и особенно Англии... Для этого пришлось прибегнуть к тактике компромиссов, чтобы выиграть время и образовать кадры послушных, убежденных и преданных советской власти {189} пропагандистов из молодых сартов, туркмен и текинцев... Мы поблагодарили Англию за то, что она загнала в наши объятия турецких националистов, хотя мы знали и знаем, что турецкие политики присоединились к нам лишь из тактических соображений...»

Осенью 1920 г. — торжествующе закончил докладчик — весь Кавказ стал красным, за исключением маленьких желтых оазисов — Армении и Грузии, где еще продолжают держаться социал-предатели».

С того времени и оба «желтых оазиса» были превращены большевистским оружием в «красные» и приобщены к советскому раю...

Призывы Радека и Зиновьева к «священной войне» Востока против Европы; формальный союз коммунизма с истребителем армян Энвер-пашой, назначенным командовать советской армией; «безусловное уважение к обычаям племен, как бы они ни противоречили взглядам коммунизма», — как гласит «инструкция агентам азиатского фронта», составленная в Москве Лагорио при помощи Маджабекова, Раматаран-Рана и Тер-Армишана, — все это миры одного порядка. Все он вдохновляются директивой, подчеркнутой недавно Лениным в его письме к «товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики», —

«Как ни важен принципиальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить советскую власть, как переход к социализму». (14. IV. 21).

Если откинуть фиоритуру — «переход к социализму», — теперь

уже и слепцы прозревают, к чему «переходит» советская власть. — Ленин правдиво изображает смысл большевистской политики: всего важнее, «несравненно важнее» сохранить советскую власть. Это — превыше всего, этому подчинены все другие цели и средства.

Внутри своей «федеративной» и «социалистической» {190} республики большевистская власть создала двадцать якобы автономных советских государств. Наряду с украинской, белорусской, башкирской, татарской, киргизской, туркестанской, азербайджанской, армянской, грузинской, дагестанской, горской (с выделением «самостоятельных» Владикавказа и Грозного), бухарской и хоразмисской (хивинской) независимыми и автономными республиками» образован ряд «трудовых областей»: чувашская, карельская, марийская (черемиская), вотякская, калмыкская, зырянская и особая коммуна области немцев Поволжья с «Маркштадтом» (в Самарской губернии), как центром. Предстоит еще раскроить Сибирь, где, не считая «буфера» — Дальне-Восточной Республики, — намечаются Южный район (Алаш-Ардынськй), омский (казачий) и восточный, от Тайги до Байкала. Проектируется переименование и казачьих образований — Дона, Кубани и Терека — не то в социалистические республики, не то в трудовые области.

Чтобы иллюстрировать содержание автономии, которая такой щедрой рукой роздана названным народам и областями России, достаточно указать судьбу, которая постигла наиболее значительную из всех советских «социалистических республик», — Украину.

Украина никогда не пользовалась самостоятельностью и независимостью от московской власти. Но несколько месяцев тому назад и формально были упразднены особые украинские комиссариаты военный, морской, для внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов; и даже — для народного хозяйства, финансов и труда... Короче, конечно, было бы перечислить те украинские комиссариаты, которые еще остались...

Тем же подчинением интересам сохранения советской власти отмечено отношение большевиков и к народам, выделившимся из пределов «социалистического отечества». Если Черное море уже сделалось Красным, по декламации Троцкого, а {191} Балтийское еще счастливо избегает этой участи, — то это различие диктуется отнюдь не различным отношением советской власти к балтийским и черноморским «собакам Антанты», по изящному выражению «ответственного руководителя комитета действия и пропаганды народов Востока» Вельтмана-Павловича, — а различными интересами советской власти там и тут.

«Окраинные республики нужны России, как свободные гавани. Введение в них советского строя создаст для советской России колоссальные затруднения и, может быть, даже невозможность завязать торговый сношения с Западной Европой».

Так заявлял «полномочный представитель Р. С. Ф. С. Р.» в одном из прибалтийских государств. Конечно, это заявление ни в малой мере не обязательно для агентов «Коминтерна» или других «полномочных представителей» того же «Совнаркома» не в Прибалтике, а на Кавказе. Там можно подтолкнуть азербайджанских татар помочь освобождению армянского народа для того, чтобы впоследствии «освобожденные от дашнакского правительства» армяне помогли такой же автоэмансипации грузин. Между «тут» и «там» наиболее существенная разница, может

быть, тоже лишь во времени... Меч Дамокла повис и над балтийскими народами. Изо дня в день большевистская печать поучительно напоминает «государственным мужам» Эстонии и Латвии о «примере Грузии» и советской Немезиде.

Ценою Брест-Литовского мира большевики пришли и укрепились во власти. Выдавая себя за власть, признанную народами России, они создали благоприятную обстановку для расхищения и расчленения России иностранными державами. Они дали формальное основание требовать исполнения по договорам, заключенным «российской властью» за счет окраинных территорий. Турция и по сей день не оставила своих претензий на {192} уступленные ей большевиками Ардаган и Карс. Землей и свободой России откупались и продолжают откупаться большевики во всех случаях, когда этим достигалось сохранение в их руках власти. Золотым запасом и значительной частью Псковского и Нарвского уездов уплатили они Эстонии за то, что она рискнула, в законном стремлении уберечься от завоевателя, заключить с большевистской властью, «как равная с равной», дерпское соглашение. За неудачи своих зарвавшихся под Варшавой вахмистров и генералов, большевики так же щедро, не справляясь с волей местного населения, расплатились 100 тыс. квадр. верст с 4 1/4 миллионным населением России, отошедшими к Польше по Рижскому миру...

По духу и разуму большевизма, как доктрины, и по бесчисленным проявлениям большевистской практики с неопровержимостью можно заключить, что право свободного самоопределения народов никогда не было для большевистской власти самоценностью, всегда было лишь орудием для других целей. Иногда им пользовались, как рычагом, для того чтобы поднять движение против врагов большевизма. Иногда к нему прибегали как к преграде или плотине, чтобы сдержать рост возмущения против большевизма. И в тех, и в других случаях это орудие в руках большевиков одинаково обращалось и против России, и против тех народов, к самоопределению которых взывали большевики. Победы большевизма не только не приближали человечество к международной солидарности трудящихся всех стран, о которой возвещали трубадуры коммунистической власти. Они многомильными шагами отдаляли Россию и ее народы от пользования элементарными благами национальной свободы.

Жорес как-то сказал: «un peu d'internationalisme éloigne du patriotisme, beaucoup d'internationalisme y ramène».

{193} Немного интернационализма отдаляет от патриотизма; много интернационализма — к нему приводит. Потому, может быть, и обречены большевики вредить делу интернационального объединения трудящихся, — что они стихийно враждебны всякому патриотизму и национализму. Действительно, как достичь каких-либо сверх- или меж- национальных целей, придти к тому или иному Интернационалу, если упразднить подоснову — свободную самодеятельность националов?»

II.

Мартовская революция была встречена единодушным ликованием всех народов России. Представители разных национальностей активно вложились в строительство новой жизни, своей, местной, и общей, всероссийской. Даже наиболее нетерпеливые и крайние, ставившие свою

национальную свободу превыше всякой иной или чьей-либо другой, не шли в своих домогательствах дальше немедленного осуществления, в общем, весьма скромных реформ.

До последнего Государственного Совещания в Москве, в половине августа 17-го года, когда в последний раз публично выявились единство и солидарность российской демократии, согласно звучали голоса представителей всех народов России. Один за другим выходили представители отдельных национальностей на трибуну и присоединяясь к общей декларации, оглашенной Н. С. Чхеидзе, прибавляли:

А. И. Чхенкели, что

«грузины солидарны с русским народом и другими национальностями, населяющими нашу родину. Большие нет инородцев — есть единый русский народ. (Аплодисменты всего зала). Мы и прежде смотрели на Россию, как на свое отечество»...

{194} А. Пийп, что

«стремясь разрешить национальный вопрос, мы не стремились к сепаратизму, не изменили России и ее демократии. Автономная Эстония должна через Учредительное Собрание составить одну из частей единого российского государства. Немедленно должна быть провозглашена свобода языка в школе, суде и органах управления».

А. С. Бабов от армянской социал-демократической организации «Гнчак», —

«Пусть русский народ помнит, что там за хребтом Кавказских гор он имеет верных сынов в лице армянской демократии, проливающей вместе с ним кровь для спасения общей родины — великой России».

Янушкевич, что

«литовцы будут добиваться на Учредительном Собрании воссоздания всех частей Литвы».

И т. д. в том же смысле высказывались представители других национальностей — латышей, мусульман Кавказа, евреев.

Почти на закате мартовской революции, в сентябре, собравшиеся на съезде в Киеве представители грузин, татар, литовцев, евреев, латышей, украинцев и казаков, под председательством проф. М. С. Грушевского, так формулировали свои требования:

«Россия должна стать демократической федеративной республикой; при Временном Правительстве» должен быть образован совет из представителей национальностей; в составе российской делегации на будущей Конференции Мира должны быть включены представители национальностей, которых непосредственно касаются вопросы, подлежащие решению Конференции; русская армия должна быть реорганизована по национальному признаку. Наконец, необходимо созвать национальные законодательные собрания для определения взаимоотношений между членами федерации и центральными органами».

Даже в первое время после большевистского переворота связь окраинных народов с Россией не порывалась, а, {195} наоборот, ощущалась иногда острее прежнего.

В изданном украинцами 20/7 ноября 1917 г. так называемом Третьем Универсале можно прочесть:

«Центральная Украинская Рада волею народа и для установления порядка в нашей стране, равно как для спасения всей России, заявляет: отныне Украина будет народной республикой. Не отделяясь от российской республики, а сохраняя ее единство, мы укрепимся на нашей национальной территории для того, чтобы оказать посильную помощь остальной России и способствовать превращению российской республики в федерацию свободных и равных народов».

Тогда же вождь грузинской демократии Ной Жордания говорил в Тифлисе:

«Присоединение Грузии к России не было случайным эпизодом или результатом чьих либо желаний. Оно было для нас исторической необходимостью. С тех пор, в течение всего девятнадцатого века, грузинский народ испытал много разочарований, много страданий, но никогда ни одна грузинская политическая партия не высказывалась за отделение от России. Мы хотели оставаться верными ориентации на Россию. Мы очень хорошо знали, что отделение от России означало бы для нас возвращение под иго Востока... Армяне следуют той же ориентации, и экономические интересы татар побуждают их держаться того же политического курса... Таким образом интересы всех народов Закавказья требуют восстановления центральной государственной власти в России».

Можно привести мало кому известный факт и из личного опыта. После выборов во Всероссийское Учредительное Собрание фракцией социалистов-революционеров образована была, в числе других, и Комиссия по основным законам и государственному переустройству. В ней принимали участие депутаты различных фракций, ученые и эксперты (Последующее примечание. — Среди них был — и расстрелянный недавно, в числе 61, проф. Н. И. Лазаревский.). Текст формулы, {196} принятой на заседании Учредительного Собрания 5 января 1918 г., о том, что «Государство Российское провозглашается российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области в пределах, установленных федеральной конституцией, суверенные», — был выработан в этой Комиссии. В ее выработке, помню, принимали деятельное участие И. И. Поска, сделавшийся впоследствии первым министром иностранных дел отделившейся Эстонии. М. А. Славинский — впоследствии министр самостийной Украины, проф. З. Авалов, нынешний дипломатический представитель Грузии в Париже, и другие...

«Разгон Учредительного Собрания оборвал последнюю связь, которая могла бы объединить всю Россию и всероссийскую революционную демократию. Борьба за Учредительное Собрание есть борьба за единство России и за торжество революции».

Так формулировал Закавказский Краевой Центр 12/25 января 1918 г. свое отношение к происшедшему событию (см. «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии» №19). Последующие события не замедлили обнаружить справедливость этой оценки. И надо было быть политическим слепцом, чтобы, считая себя русским патриотом, радоваться разгону Учредительного Собрания, приветствовать этот удар, нанесенный большевистской рукой не только по свободе, но и по единству России. Через год после того, как *последняя связь*, объединившая Россию, была порвана, патриотический Ив. Наживин писал: «вот разогнали эти матросы Учредительное Собрание и в этом огромная неоспоримая заслуга большевиков перед родиной». («Что же нам делать?») — Изд. «Русская Культура». — 1919, стр. 21).

Еще через год, когда еще дальше и глубже прошел распад России, тот же комплимент большевикам повторил адмирал Колчак, утверждавший, что «разгон {1917} Учредительного Собрания является их (большевиков) заслугой. Это надо поставить им в плюс». (см. Стенографический Отчет «Допроса» адм. Колчака № 5.)

После Брест-Литовского мира, — когда выяснилось, что владычеству большевиков суждено гораздо более длительное существование, нежели это предполагали первоначально и сами большевики, и их противники, — стали одна за другой рваться нити, связывавшие окраинные народы России с центром и друг с другом. В процессе своего развития отрыв от России стал приобретать свою внутреннюю логику, инерцию и устойчивость.

Это движение встретилось с другим, захватившим вскоре народы всего мира. Как раз в это время почти весь земной шар потянулся к всемогущей Конференции мира, собравшейся в Париже после заключенного перемирия. Все шли к ней с претензиями, жалобами, меморандумами, записками, нотами. Различного рода и племени истцы и ответчики, индивидуальные просители и коллективные делегации, обгоняя и перебивая друг друга, одни полные надежд, другие — опасений, домогались закрепления, сохранения или расширения территории, возмещения убытков за войну, признания власти, допущения на Мирную Конференцию, в будущую Лигу Наций и т. д.

Безумное соревнование противоречивых, иногда объективно непримиримых эгоистических интересов овладело почти всем миром.. Попав в такой водоворот, неискушенные представители народов России оказались не в силах ему противостоять. Течение с каждым днем уносило их все дальше от того места, где они были совсем еще недавно... В борьбе с окружавшей стихией крепла воля, обострялись лозунги, складывалась целая новая идеология. Борьба за свое справедливое право вырождалась временами в борьбу против аналогичного права других. А одностороннее использование достижений и срыва {1918} российской революции иногда принимало уже совсем недопустимые формы отступничества от России и революции, от самих себя, от своих собственных слов и заявлений...

Когда председатель украинской делегации при мирной конференции в «ноте» от 12 февраля 1919 г. заявлял:

«Величайший враг независимости украинской республики — Россия и ее нынешнее большевистское правительство, осуществляющее ту же самую империалистическую политику, что и царское правительство и демократическое правительство России» (выделено нами. — М. В.),

можно было пройти мимо этого. Ибо кто знал г. Сидоренко? Что можно было прибавить к характеристике этого «демократа» после того, как он сам выдавал себя за представителя «генералиссимуса» Петлюры, только что перед тем запятнавшего себя навеки несмываемой кровью еврейских младенцев? Но можно ли было — можно ли и сейчас — пройти мимо меморандума, поданного французскому правительству представителями социал-демократического правительства Грузии в котором говорилось:

«Все грузины разделяют теперь основанное на политическом опыте революции

убеждение в том, что русские партии, без исключения, радикалы и революционеры, монархисты и социалисты, одинаково и глубоко враждебны правам и вольностям народов и инородных земель (sont également et foncièrement ennemis aux droits et franchises des peuples et pays allogènes)».

Этот меморандум датирован 30 января 1919 г...

Или взять декларацию Эстонского Учредительного Собрания от 19 мая того же 19 года, где подчеркивается:

Он (эстонский народ) решительно порывает узы, которые связывали его с Россией. От соединения с Россией в душе эстонского народа осталось только чувство горечи и воспоминания о многочисленных обидах; русские цари только подтверждали привилегии немецкой {199} знати в нашей стране относительно владения землей и господства над населением... Русская революция не принесла никакого изменения»...

Последующие споры о Холмщине и Восточной Галиции (между Польшей и Украиной), о Вильне (между Польшей и Литвой), о Мозырском уезде (между Украиной и Белоруссией), о Валке (между Эстонией и Латвией), о Закатальском округе (между Азербайджаном и Грузией), о Борчалинском и Ахалкалакском уездах (между Грузией и Арменией), о Карабахе и Зангезуре (между Арменией и Азербайджаном), и т. д. — споры, почти всегда переходившие в вооруженные столкновения и даже форменные войны, наглядно показали что одного отсутствия русской демократии и революции далеко недостаточно для того, чтобы самоопределение народов России могло осуществиться миролюбиво и справедливо...

Стремление использовать срыв революции, укрепить за время и за счет российской разрухи возможно прочнее свои позиции, дабы лишить грядущую Россию возможности внести какие-либо коррективы в свершившиеся факты, — едва ли не самое печальное в процессе одностороннего самоопределения народов бывшей России. Естественна и законна горечь, которую вызвало у балтийских и кавказских народов оставление армией рижского и закавказского фронтов.

В тот момент всякая реакция на угрожавшее народу завоевание и порабощение была заранее оправдана. В тот момент можно было забыть, что покинутые фронты и Брест-Литовские соглашения отдавали в руки немцев и турок не только судьбы своего народа, — но и судьбы целого, всей России и других народов, ее составляющих. Но можно ли было тогда, не запомнить навечно виновников общей обиды и гибели?.. Увы, жертвы забыли своего палача. Хуже: — они не только умыли руки, когда против палача восстали другие, они, во имя призрачного самосохранения, стали {200} сочувствовать и желать победы тем, кто лишил свободы и Россию, и их самих.

Во время восстания в Кронштадте не только германское и английское общественное мнение находило несколько преждевременным падение советской власти. Не только в Польше, заинтересованной в ратификации выгодного для нее Рижского мира, — «Газета Варшавская», «Народ» и другие находили, что

«настоящее правительство России является самым подходящим с нашей точки зрения», «пусть в русском котел или, вернее, в русском аду кипит, пусть враждебные силы взаимно ослабляют и уничтожают друг друга. Наступление сумерек большевизма не в интересах польского государства».

Того же мнения держались и официальные руководители балтийской политики. Меерович, бывший тогда министром иностранных дел Латвии, откровенно заявил на съезде крестьянской партии:

«Не в наших интересах, чтобы большевизм в настоящий момент пал... С официальной советской Россией у нас установились нормальные отношения. Я думаю, что с этой стороны нам в ближайшем будущем не грозят ужасы».

Еще проще подошел к этому вопросу коллега Мееровича министр торговли и промышленности Берзин. Тот нашел, что кронштадтские события вызвали падение латвийского денежного курса, а потому... потому необходимо желать успеха большевистскому оружию. То же настроение разделяло и эстонское общественное мнение, довольное «настоящим моментом» и уверенное, что «в ближайшем будущем» не угрожают «никакие ужасы»...

Инстинктивное стремление народов России сохранить свою жизнь, хотя бы ценой противопоставления себя России, на практике встречалось со столь же «естественным» влечением {201} внешних недругов России ослабить, расхитить, расчленив Россию. И, как общий закон, можно установить, что народы России осуществляли свое право на самоопределение не только без участия России, а при прямом содействии враждебных России внешних сил.

Убегая от «фанатиков Востока», народы России неизменно попадали в объятия «империалистов Запада». Отдельные народы, в частности Грузия, имели основание «предпочитать империалистов Запада фанатикам Востока», как выразился И. Жордания во время празднования юридического признания независимой Грузии. Для судеб же российской государственности «империалисты Запада» сыграли не многим менее пагубную роль, нежели «фанатики Востока». При этом, во враждебном единстве России лагере, оказались, увы, не только ее бывшие военные противники...

III.

Политика бывших противников России на поле брани известна. Германия «самоопределила» Латвию, Эстонию, Литву, совместно с Австрией она «определила» Украину совместно с Турцией — Закавказье. Кульминационным пунктом этой политики был Брест-Литовск.

Еще накануне поражения Германии, ее канцлер фон-Пайер доказывал рейхстагу, что новые государственные образования, возникшие на территории России, «слишком малы, чтобы пользоваться полной независимостью». После поражения и революции Эрцбергер убеждал Учредительное Собрание в Веймаре:

«Нам нужны Литва и Украина, которые должны стать аванпостами Германии. Польша должна быть ослаблена. Если и Польша будет в наших руках, то мы закроем все пути в Россию. Она будет принадлежать нам. Для кого не ясно, что только на этом пути лежит будущность Германии».

{202}

Та же мысль лежит в основе плана нынешнего «реконструктора» Ратенау, который связывает проникновение Германии в Россию с возмещением убытков Франции и экономическим восстановлением Европы.

В лагере бывших союзников — Англия определенно вернулась к политике Биконсфильда в отношении к России и к политике Пальмерстона в отношении к отделившимся от России народам и областям. Пребывание у власти в России большевиков представляло для Англии то преимущество, что оно устраняло Россию от участия в международной политике, облегчая тем самым Англии устроение своих дел и дел всего мира. Соглашение с Советской Россией должно было обеспечить интересы Англии и против грядущей России, — которой будет не под силу восстановиться без помощи извне и поневоле придется, хотя бы временно, считаться с заключенными в прошлом соглашениями.

Та же антирусская политика обнаруживается и в возвращении Британии к традициям шестидесятых годов, когда в войне севера с югом в Соединенных Штатах Англия защищала права «сецессии» южных рабовладельческих штатов, — «конфедератов» против «федералистов».

В погоне за нефтью Британия поспешила прикрыть своим щитом прежде всего Азербайджан. Почти на следующий день после перемирия на западном фронте ген. Томсон во главе британских войск занял Баку, заявив, что делает это в согласии с интересами России в данной местности. Через месяц с небольшим, 28 декабря 18 г., он уже прокламировал, что правительство азербайджанской республики составляет отныне единственную законную власть, которой союзники гарантируют свою поддержку. За нефтью последовала очередь марганца. И Грузия разделила участь Азербайджана: британский щит {203} покрыл концессию на дорогу Батум-Карс. С Черного моря внимание переходит к Балтийскому. Эстонские порты, рижские доки, дондангенские леса и всякого вида и рода монополии стоят фактического и даже юридического признания самостоятельности балтийских государств!..

Помогая антибольшевистским армиям, Англия помогала не России, а себе и не только тем, что эти армии отвлекали большевистские силы от уязвимых для Англии пунктов. По заявлению Черчилля в палате общин: «не мы помогали Колчаку и Деникину, а они нам помогали. Их армии мешали большевикам нарушить независимость новых государств, образовавшихся на территории бывшей Российской Империи».

Наживаясь на бедствии России сама, Англия великодушно поощряла к тому же и других и в первую очередь — союзную с ней Японию, казалось бы, менее всего нуждающуюся в таком поощрении.

Покончив с экономическим овладением Восточной Сибири, Япония методически и упорно колонизует Дальний Восток, оккупирует северный Сахалин, Камчатку, части Приморской области, действуя при помощи своих воинских частей в одних случаях и чрез посредство русских — монархистов Семенова, Меркулова — в других случаях, заслоняя от японской колонизации британские владения, лондонский «Times» спрашивал:

«Зачем Япония устремляется за океан в поисках свободной территории?.. Вам надобны свободные пространства? Берите их в Сибири.»

Там весь берег до Берингова пролива представляет собою бродячую овцу без владельца. Ловите ее и стригите».

Туда же толкал Японию знаменитый британский публицист Сидней Лоу:

{204}

«Япония должна где-нибудь расширяться и эксплуатировать... В наших интересах облегчить расширение Японии, так как она жадно смотрит на Австралию. Мы не хотим ее там. Америка не хочет ее на Гавайских островах или других южно-морских, в Калифорнии или Мексике. Никто не хочет, чтобы Япония начальствовала над Китаем. А куда-то ей идти надо.

Нам следует пустить ее распространиться в Северной Азии, если она это может сделать. Нам следует сговориться об этом с Америкой, а потом откровенно согласиться предоставить Японии свободу действий, поскольку это от нас зависит, в Манчжурии и в Сибири. В последней, быть может, климат несколько суров зимою. Но это великолепная территория, обильная хлебом, лесом, золотом, железом, медью и другими лакомыми продуктами.

...Страна эта почти так же мало населена, как Австралия, и мало имеет шансов на ее развитие русскими крестьянами поселенцами при развалившемся, обанкротившемся и расстроеном местном правительстве. Япония могла бы сделать ее продуктивной, ввести порядок и выгодно торговать». («Sunday Pictorial» от 6.III. 1921).

Такого взгляда держатся органы общественного мнения Англии. О том же, что делают официальные руководители английской внешней политики можно догадываться, учитывая, что, даже по отзыву «Times'a» нынешний британский премьер не обладает «ни прямотой, ни честностью» и вместе со своим коллегой министром иностранных дел Керзоном, не внушает «никакого доверия правительствам и государственным деятелям, которые имеют с ними дело»... Эти «дела» и «взгляды» еще скажутся при предстоящем обсуждении «тихоокеанской проблемы» на конференции «заинтересованных держав» в Вашингтоне.

Соблазн «учесть» момент оказался слишком велик для того, чтобы и наиболее верный из союзников России не извлек для себя никаких выгод от ее разрухи. На конференции в Сан-Ремо, в апреле 20 г., Франция согласилась с Англией о разделе нефтяных источников на Кавказе: 75 % по этому **{205}** соглашению отходят к Англии и 25 % — к Франции. Не приращая непосредственно в свою пользу никаких территорий или сфер влияния, Франция не удержалась, однако, от того, чтобы санкционировать территориальные и иные компенсации, сделанные за счет России новейшими союзниками и протезе Франции.

Под парижским договором 28 октября 20 г., отдающим Бессарабию Румынии, стояли подписи не только Англии и Японии, но и Италии и Франции. То же в лучшем случае безразличие к судьбам России обнаруживается в отношении Франции к Рижскому миру между Польшей и советской властью и к борьбе за Вильну между Польшей и Литвой. Поддерживая в виленском вопросе Польшу, Франция способствует тому, что Россия окажется отрезанной не только от непосредственного соприкосновения с Литвой, но и с Германией. И здесь снова удовлетворение французских интересов проходит по линии ущемления жизненнейших интересов России...

Из всех европейских центров, только в мало влиятельной Праге раздался голос официального руководителя внешней политики Бенеша о том, что Чехо-Словакия не может считаться с Рижским миром, ибо, по глубокому убеждению Бенеша, ни одно русское правительство, которое

придет на смену большевикам, этого мира не подпишет, и никакие великие державы не сумеют его гарантировать. Из великих же держав только одна заатлантическая республика осталась верной интересам России, несмотря на смену руководителей американской политики.

По прежнему отношению Вашингтона к русской проблеме исходит из двух начал: «никакое решение не должно и не может быть принято окончательно без согласия России», и «мы не согласны, чтобы в то время как Россия беспомощно бьется в когтях у недемократического правительства, пользующегося одной только грубой силой, она была бы еще более ослаблена {206} политикой расчленения, вытекающей из чужих, нерусских интересов». (Ноты 24. III и 10. VIII. 1920 г.).

Это отношение является единственным отпадным исключением на фоне всеобщего разложения международно-политических нравов, борьбы всех против всех и, в первую очередь, — против народов и государств, очутившихся в критическом положении.

Различны цели, преследуемые «фанатиками Востока» и «империалистами Запада». Различными путями идут те и другие к своим целям. Но для судеб России злое дело творят и те, и другие, — и те, которые из России делают громадную Ирландию, и те, которые превращают Россию в своеобразные Балканы. Фанатики и захватчики на Западе и на Востоке помогают друг другу во вред интересам их общего врага — международной демократии и единой России.

IV.

«Как далеко ни ушли отдельные народы и области в своем исторически-попятном отталкивании от «Великой России», — и чем дальше, тем очевиднее и для центра, и для бывших окраин, что вне общей связи, без взаимопомощи и взаимного социально-политического перестрахования от общей напасти и беды, нет спасения России, нет надежды сохранить существование, свободу и благосостояние и отдельным народам и областям, образующим в своей общности Россию... Возможно, что собиравшие рассыпавшейся российской храмины пойдут, вследствие насильственного перерыва в работах Учредительного Собрания тем же путем, каким оно шло в Швейцарии и Северо-Американских Соединенных Штатах, т. е. от частного к общему, от местного к целому, а не тем путем, каким пыталось вести страну Учредительное Собрание, провозгласившее {207} в ночь на 6-ое января Россию демократической федеративной республикой.

Во всяком случае только в Учредительном Собрании, а не на русско-украинском, русско-кавказском, русско-сибирском и т. п. многочисленных российских фронтах может получить свое разрешение великая и мучительная национально-территориальная проблема, в течение веков уже стоящая перед Россией, а ныне своими трагическими отблесками то здесь, то там озаряющая уцелевшие от России руины» (см. Сборники статей членов учредительного Собрания п. с. - р. «Народовластие» № 2. — Май 1918 г. — Москва).

Больше трех лет прошло, — как это было мною написано... С тех пор отдельные народы и области в своем отталкивании от России зашли значительно дальше прежнего: — они пробуют отрицать свою связь с Россией даже в прошлом...

«И только на детской карте
(ее не будет больше)
Слово «Россия» покрывает
Полмира, и «Р» на Польше,
А «Я» у границ Китая.

.....
.....
Где ты, Родина? Ответь» !

...Ответа нет. Нет, во всяком случае, законченного ответа, хотя «Р» уже давно само ушло из Польши, а теперь вытеснено насильственно еще дальше, как и «Я» с границ Китая. Элемент времени уже вошел в решение проблемы о том, как собрать «рассыпавшуюся российскую храмину». Но он не перестает определять это решение и сейчас. Он действует и на защитников единства России, и на его противников.

Время, которое понадобилось большевизму, чтобы разметать {208} российскую государственность, настолько видоизменило настроение некоторых патриотических умов, что они и в большевизме стали видеть осуществление национальных целей. Не прошло это время даром и для тех, кто в эгоистических целях спешил порвать свои связи с Россией не только нынешней, но и грядущей... На собственном опыте самоопределившиеся народы многому научились, во многом разочаровались, ко многому стали относиться гораздо терпимее, оценивать правильнее.

Нашедшие выход для себя, сепаратно от других народов России и не по соглашению с русским народом, а по соглашению с его душеприказчиками, наследники российской государственности, признанные de jure успели уже познать всю силу и меру своей фактической зависимости от милости и произвола новых покровителей. При современной международной обстановке и сцеплении интересов, особенно соседних народов, сохранение абсолютной независимости народов менее значительных по своей численности и мощи является, в большинстве случаев, иллюзорным и мнимым.

Народы, отделившиеся от России, начинают сознавать, что свобода самоопределения народа не всегда равнозначна государственному и территориальному самоопределению и что, с другой стороны, принцип национального самоопределения по этнографическому признаку при практическом применении по необходимости, а не по чьей-либо злой воле, осложняется другими «модальностями», в частности — не только экономическими, но и стратегическими.

В недавнем споре с Швецией по вопросу об Аландских островах Финляндия почти дословно повторила некоторые из тех доводов, которыми аргументировала российская демократия в своем споре о регулировании границ с Финляндией.

Азербайджан, представляя недавно (7. XII. 1920) меморандум о включении в состав Лиги Наций, указывает, что «спор {209} о границах с соседними республиками является внутренним делом самих этих республик». Грузия в цитированном уже документе, представленном французскому правительству, оставляет за собою право «в вопросе о границах отстаивать не чисто историческую точку зрения», подчеркивает крупное экономическое значение, которое имеют для Грузии спорные области и создание разумной границы за Тифлисом (du hinterland de

Tiflis). Новейший историограф и почитатель грузинской демократии пишет:

«Если разрешать проблему (Закавказья) с точки зрения чисто этнографической, — разрушается единство областей, образующих отчетливые экономические организмы; создаются искусственные границы, направление коих не оправдываемо ничем, кроме случайно размещенных в известном пункте беженских групп той или другой национальности.

Государства со столь неустойчивыми границами не сумели бы стать жизнеспособными.

Наоборот, если руководиться для определения границ исключительно историческими и географическими данными, — то армянский народ был бы почти полностью лишен территории.

Только при взаимных уступках и путем соглашений народы Закавказья могут найти справедливое решение проблемы разграничения, единственное решение, на котором можно построить длительный мир». (Wladimir Woytinsky: «La Démocratie Géorgienne». — Préface de M. E. Vandervelde. — Paris. Librairie Alcan. — P. 283-284).

Уже начинают раздаваться голоса, которых не было слышно в течение последних лет. Правда, эти голоса слышатся недостаточно отчетливо и часто; иногда они сбиваются и диссонируют. Но все же они звучат...

Нынешний глава латвийского правительства, уже упоминавшийся нами Меерович, заявил в интервью:

«Все наши деятели знают, что большевизм явление преходящее, и если массы смешивают большевизм с Россией и обратно, то мы понимаем, что в России будет демократическое правительство, и тогда сама жизнь {210} создаст тот status, на котором будут покоиться отношения балтийских государств в России... Мы не переоцениваем своих сил. Экономически и исторически связанные с Россией, мы не можем жить без России, и Россия не может существовать без наших портов... Какую форму примут будущие отношения окраин с Россией, будет ли это федерация, Zollverein или что-нибудь другое, — сейчас сказать трудно».

И латвийский представитель в Берлине О. Войт варьирует ту же мысль, когда говорит:

«Наше историческое прошлое, наше этнографическое и географическое положение говорят за необходимость тесного единения с Россией. В какую форму выльются отношения между крайними государствами и Россией, предвидеть трудно. Одно ясно — этот вопрос мы решим полюбовно». («Руль» от 30. IV. с. 2.).

Аналогичный смысл имеет заявление и эстонского представителя в Германии д-ра Меннинга:

«Наше отношение к будущей России зависит исключительно от положения в России. Наша история говорит нам, что только дружба с Россией является основой нашего существования. Не мы, а русский народ является фактором судьбы русско-эстонских отношений».

Мы присутствуем при том, как веления жизни, политические и экономические, уже вызывают сложение сил у тех народов, которые раньше находили гарантию своей национальной свободы в изоляции себя от других народов России.

Под давлением большевиков и турок отделилась от России сначала Закавказская республика, распавшаяся через 5 недель на свои составные части: на республики азербайджанскую, армянскую, грузинскую.

Ныне, увы, уже за пределами родины, захваченной коммунистами и кемалистами, — признанные вожди этих республик согласились между собой и с горцами Северного Кавказа об установлении общих таможенных границ и некоторого единства в военной защите и во внешней политике.

{211} Представители этих четырех народов заявляют, что народы Кавказа заранее отказываются признавать обязательства, концессии и привилегии, выданные властью, ни в какой мере не удовлетворяющей требованию соответствия с волеизъявлением населения.

Это — точка зрения и российской демократии, представители которой неоднократно делали заявления того же содержания, но лишь более широкого, общероссийского объема. Сложение хотя бы четырех народов России в некое единство можно только приветствовать, как этап к дальнейшему сближению и воссоединению в более широких размерах — как и аналогичную попытку, уже в третий раз продолжаемую, образовать Балтийское объединение не то из сочетания государств по два — Литва и Латвия, Эстония и Финляндия, не то, откинув Финляндию, из объединения Литвы, Латвии и Эстонии, не то с включением сюда и Польши.

Кавказский и балтийский союзы и даже взаимное их объединение могли бы сослужить положительную службу, как для народов, входящих в состав этих союзов, так и стоящих вне его. Это был бы переходной мерой к более широкому образованию того «неразрывного союза народов и областей в пределах, установленных федеральной конституцией, суверенных», о котором говорила формула Всероссийского Учредительного Собрания и мысль о котором была традиционной для русского политического самосознания. Еще декабрист Никита Муравьев в вступлении к своему первому проекту Конституции отмечал:

«Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внешней независимостью, но обыкновенно страдают от внутреннего уяснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность {212} земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободными: те, которые не имеют сих неудобств, страдают от своего бесплодия. Федерализм или союзное правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народов и свободу граждан»...

Требование федерализма в период российских революций, — в 1905 году так же, как и в 1917 г., и вплоть до разгона Учредительного Собрания и распада России, — служило программным выражением, — наиболее последовательным и крайним, — национального *автономизма* и областного *самоуправления*. Это требование исходило из самоочевидной необходимости *децентрализации* пореволюционной России. Такое назначение придавалось федерализму не только революционной идеологией в России, но и политической литературой и наукой Запада, — особенно тех стран, которые страдали от гипертрофии государственного централизма. Однако, реальная жизнь и история свидетельствовали о другом: о процессах обратных тому направлению, которое намечалось в доктрине. История свидетельствовала об *объединительных* свойствах федерализма, о том, что им не разлагается

целое на части, а слагаются части в целое. Существовавшие и существующие международные и государственный федерации возникали не из разъединения и расчленения, а из соединения областей, народов и государств. При весьма большом числе примеров последовательно проведенной децентрализации унитарных государств история не знает случаев федерализации таких государств. Не суждено было, очевидно, и России пойти особым путем, путем *федерализации* унитарной и неделимой России.

Учредительное Собрание во имя сохранения единства России отказывалось от неделимости государственной власти в России. Провозглашение России федеративной {213} республикой предполагало организацию власти на двойственном начале — на воле нации, или всего населения, взятого вместе, и на воле народов и областей, взятых в своей отдельности. Суверенитет, как этому ни противились бы некоторые школы государствоведения, должен был при этом распределиться между целым и составляющими его частями. Принцип единства России, как нации и державы, связывался со множественностью ее народов и властей.

Федерация, установленная Учредительным Собранием «сверху», не удалась: ей не дано было войти в жизнь и утвердиться. Значит ли это, что обречено на неудачу вообще федеративное устройство России, и «федерация снизу»?.. Мы не думаем этого потому, что полагаем, если не будет в России федерации, — не будет в ней и республики: а не будет в России республики, — не будет и России: будет Московия. Великороссия, но не Россия!..

Задачи, для разрешения которых исторически оказалась необходимой революция, с ее срывом, с приходом большевиков, — отнюдь не были упразднены. Задачи остались те же, только еще более осложнилось удовлетворительное их разрешение. Отчетливее прежнего обнаружилась слитность судеб триединой русской свободы — политической, социальной и национальной, в частности, — нерасторжимость свободы политической и свободы национальной. Та и другая оказались в функциональной зависимости друг от друга. От состава сил, вложившихся в борьбу за политическую свободу России, зависит и мера национальной свободы народов России.

От пограничных столбов будущей России зависит не только ее внешнее величие, но и внутренняя мощь и значение; не только экономические ее возможности, но и политические формы правления. Россия не может не быть республикой, если под ее сенью суждено объединиться {214} народам и областям, жившим свободной жизнью, установившим у себя зачатки демократического правопорядка...

Как и в прошлом, — география России определит ее грядущие политические судьбы. Определит и судьбы пограничных с Россией народов. Республика, по внутренней ее логике и по практическим стремлениям, это — мир, и российская федеративная республика это мир внутри России и вовне. Но если народам России, путем взаимных усилий, не удастся консолидировать Россию, сделать ее устойчивой, жизнеспособной и свободной, если, предоставленная народам, живущим в центре России, она будет сведена к пределам Великороссии, — она перестанет, конечно, быть великой Россией, но она не перестанет быть вечной угрозой миру и существованию соседних свободлюбивых народов. Покинутый своими соседями, предоставленный сам себе русский народ может вернуться к тому периоду своей истории, когда

огнем и мечом пробивал он окна и двери в Европу и Азию, ища свободного выхода к теплым морям и океанам...

Россия создавалась, конечно, завоеванием. Но какое государство не создано им?

Все государства в мире составились очень незаконно и очень насильственно, — писал Герцен в 1859 г., — так что, если передать дела приращения Франции и Англии на разбор гражданской палаты, то мы сведем их на какую-нибудь галльскую деревишку и на англо-саксонскую рыбацью слободку.

*В Лондоне во время крымской войны продавали карту России, в которой ярко были обозначены все поземельные приращения ее со времен татарского ига. Ядро России, или настоящая **благодариобретенная** Русь была обозначена около Москвы верст на сто, остальное все взято силой. «Помилуйте, говорил я одному здешнему публицисту, какого вы маху дали, и Москва также захвачена силой, настоящая Россия это часть Новгородского и Белозерского уездов»...*

{215} *Если мы будем раздроблять государства на основании незаконного роста их, один только и останется в своих границах Косма безсеребряник, ничего не стяжавший, — это республика Сан-Марино». (Третье письмо о «России и Польше» под заглавием: «Ответ на письмо из Польши» — «Колокол», л. 34).*

Не принимая, вместе с Герценом, «ни материальной силы за право, ни исторического права за силу», — можно ли отрицать, однако, абсолютно и безусловно, все права за государством на свое самосохранение? Даже величайший русский бунтарь и разрушитель государств Бакунин, призывавший к «уничтожению того, что называется историческим правом и политической необходимостью государства, во имя каждого населения, большого и малого, слабого или сильного, также как каждой отдельной личности, располагать собою с полной свободой, независимо от потребности государства и ограничивая эту свободу только равным правом других», — не решался этого утверждать. Бакунин, считавши, что «тот, кто желает вместе с нами учреждения свободы, справедливости и мира», «должен желать вместе с нами разрушения всех государств», и тот ограничивал «право свободного удаления из союза» «ассоциаций, общин, провинций и наций» — «единственным условием, чтобы выходящая часть не поставила в опасность свободу и независимость целого, от которого отходит, своим союзом с иностранной и враждебной державой» (см. речь М. А. Бакунина на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г.). Именно это условие и было нарушено в создавшейся с войной и революцией международной обстановке. Оно и не могло не быть нарушено — при «свободном удалении» из системы российской государственности ряда «провинций и наций»...

Однако, одними физическими факторами не исчерпывается история образования российской державы. Не на одном насилии **{216}** строились и держались ее границы. Значительную роль играли и морально-правовые, экономические и культурные факторы. Создателем такого явления, как Россия, история ответила на нужды и запросы великорусского племени, занявшего первенствующее в ней место не только по игре случая и закону численности. Но то же историческое явление — Россия — отвечало запросам и нуждам целой плеяды других народов, осевших на великой европейской равнине и ее окраинах...

Трудно учесть долю каждого из составлявших Россию народов в творчестве общей жизни.

Легче учесть размеры того, что теряет каждый из народов, выделяясь из российских государственности и гражданства. В только что появившейся, весьма своевременной и поучительной книге, «Судьбы Народов России», автор ее, литовец по происхождению, В. Станкевич математически рассчитал долю, которую теряют отдельные народы в случае своего выделения из России:

«Если только на территории полного гражданства можно признать полной свободу передвижения, предпринимательства и участия в использовании естественных богатств страны, то раньше каждый гражданин русского государства имел простор для деятельности в двадцать два миллиона кв. верст. Все это он мог рассматривать, как естественную сферу для развития своих сил и предприимчивости. Правда, при старой России был ряд ограничений, правда, даже на своей родине инородцы чувствовали себя чужими. Но этому причиной система старой власти, и за отпадением ее — постановка вопроса остается в полной силе. Так, ныне каждый литовец сохраняет только 1/300 часть простора своей деятельности, каждый латыш 1/400, а каждый эстонец — только 1/500 часть. Все богатства России, все сокровища Азии, все неограниченные возможности небывалого расцвета и экономического подъема России — остаются за пределами достижения. Латыш и литовец в России окажется в условиях худших, чем американец, англичанин или бельгиец... Россия — фантастически выгодное предприятие. И было бы крайним проявлением национальной слепоты и {217} близорукости отказываться добровольно от своего пая в этом предприятии, от своей доли, заработанной сотней лет совместного сожительства и совместного с русским народом страдания». (Стр. 367-368). — «Судьбы Народов России». — Белоруссия. Украина. Литва. Латвия. Эстония. Армения. Грузия. Азербайджан. Финляндия. Польша — Изд. И. Ладыжникова. — Берлин. — 1921).

Станут ли окраинные народы былой России на точку зрения «пайщиков» в общем «предприятии, — именуемом «Россия»; или они поймут с достаточной отчетливостью, что то, что останется от России даже после того, как у нее отняты конечности и закрыты все дыхательные пути, не будет выжидать пассивно, пока вся эта довольно все-таки длительная операция закончится; или, наконец, по моральным соображениям общности «нашей и вашей свободы» они вернуться к заветам мартовской революции; в том и в другом, и в третьем случае они будут строить не только чужую жизнь, но и свою собственную. Ибо в настоящих условиях единая Россия это прежде всего свободная Россия, свободная политически и национально.

Сплотившись вместе, народы России могут перестать быть объектом чужой, международной игры. В, отдельности же им приходится — и придется — искать покровительства одновременно и у Бекир-Самибея, и у «двух с половинного» Интернационала, и у Пилсудского, и у Лиги Наций... Чхеидзе и Рамашвили могут убедить и Франкфурт, где заседало бюро «Венского» Интернационала и Варшаву в том, что восстановление единства России не нужно, вредно и даже «абсолютно недопустимо» для былых окраин России. Но, разве может быть сомнение в том, что не на этих путях, не в порядке паломничества по влиятельным иностранным «дворам» будет решен исторический вопрос о том быть или не быть России и какие отношения должны быть установлены между Россией и народами ее былых окраин?!..

На пути к благоприятному решению этих вопросов {218} громадным препятствием, политическим и психологическим, лежит недавнее воссоединение большевиками под московскую власть ряда народов и областей.

В неминуемый и близкий час падения большевистской власти неудержимое влечение избавиться от всего, что так или иначе связано с

ненавистным большевистским игом, воскресит отталкивание не только от советской Москвы, но и вообще от Москвы и России.

Снова приобретут свое очарование мечты и иллюзии, разбитые жизнью и всевозможными международными факторами. Гнет, испытанный от принудительного воссоединения с Россией по закону реакции, вызовет с новой силой тягу в противоположную от России сторону. И эта тяга может и не остановиться на простом «отделении» от России... Еще надолго после падения большевистской власти сохранится острая ненависть и недоверие ко всякой власти в России со стороны тех, кто попал в состав единой и неделимой «советской федеративной социалистической республики».

В ходе событий последнего времени «национал-большевизм» поставил на большевизм в расчете, что хотя и по-большевистки, но национальные задачи российской власти им все-таки будут разрешены. Это — глубокая ошибка. Она покоится на том, что возврат к национальной жизни России связан с порабощением составляющих Россию «карликовых государств». Иностранцы почитатели большевизма пробовали оправдать политическую тиранию большевиков мотивами и целями социального освобождения. Отечественные «национал-большевики» теперь находят частичное оправдание той же тирании в осуществлении ею национальных задач, в восстановлении ими российской государственности, ее «унитарности» и «централизма». Одни повторяют других...

{219} Уничтожая политическую свободу, республику и демократию, большевизм не мог, конечно, не уничтожить и единства и величия России. И уничтожая единство и величие России, можно ли было не уничтожить свободы составляющих ее народов?.. Соединенные в жизни, Россия и ее народы, свобода политическая и свобода национальная, неразлучны и в гибели!

VII. ТИХАЯ СМЕРТЬ.

I. Чем люди живы? — «Индивидуальное добывание пищи». — От золотого века к каменному. — II. Проклятие прошлого. — Факторы голода: естественные и произвольные. — «Реальный нажим» и размеры голода. — III. Всероссийский Общественный Комитет. — Советская власть и «реалисты-общественники». — Общественность зарубежная. — «Россия превыше всего! Народ прежде всего!» — Капитуляция или трамплин? — Кремль и Лубянка. — Тройной просчет. — Ликвидация внутрироссийской помощи. — IV. Помощь, как международная проблема. — Голод и новые перспективы во внешней политике большевиков. — «Коминтерн» и «Коминдел». — Русский голод и интересы Европы, Азии, Америки. — Помощь людям, но не учреждениям! Хлеб голодным, но не кредиты власти!

I.

Горячее солнце обожгло землю, спалило русские нивы, иссушило, испепелило людские души. На новую скорбь и муку обречен народ. Одним соблазном меньше: взамен неверной героической борьбы — тихая, верная смерть от голода...

В «самой свободной республике в мире» водворился беспощаднейший из царей. Он захватил двенадцать хлебороднейших губерний. Занял территорию в четыре раза большую, чем площадь Франции. Подчинил себе население в 35 миллионов душ. Превратил эти души в двуногие существа — bipedes, утратившие облик человеческий, — даже внешними чертами переставшие походить на homo sapiens.

{221} Веддахи на острове Цейлоне, стоящие на грани человекообразных существ, питаются червями. Люди в России теперь питаются саранчой... Гложут листья, древесину, кору, корни. Делают лепешки из глины, из опилок. Они опасаются, что «к осени все листья будут съедены». Ловят сусликов и едят их со шкурой и внутренностями, лишь опалив шкуру. «О, это счастье, поймать суслика!..» В городах питаются «падалью, конскими копытами», «выкапывают туши из скотских кладбищ». Измученные и обессиленные, «не будучи в состоянии не только ходить, но даже сидеть, дети и взрослые просто ложатся на тротуар и вызывают о помощи. Так, на некоторых улицах, где движение больше, дети лежат один за другим, на расстоянии 3-5 сажен». «Я видел девочку, — ей шесть лет. Но она старушка: сморщенное лицо с кулачек, бездонные глаза, дика, как звереныш».

Это картины Самарской, Уфимской, Казанской губерний. Их рисует не воспаленное воображение самих пострадавших, голодающих: не измышление подпольных врагов советского строя. Их рисуют наблюдатели со стороны, полуофициальные агенты кооперативно-продовольственного съезда Самарской губернии, губернского продовольственного совещания в Уфе и другие корреспонденты дозволенного к печати органа Всероссийского Общественного Комитета Голодающим «Помощь» № 1, от 16 августа.

Свидетельства иностранцев, продолжающих возвращаться из России, дополняют эти картины. «В Саратове я видел 11 человек, большею частью детей, которые умерли в одну ночь от голода.

Тела их были распухшие. Они подползли под кусты и умерли там от истощения. Я видел матерей, бросавших своих детей в реку для того, чтобы не дать им умереть с голоду». Это удостоверяет мистер Клерк в «Times»-е. Другой {222} очевидец-американец передает: «Женщины от голода не в силах стоять на ногах и подползают, как животные, умоляя дать им поесть. Многие распухли от голода. Если дотронуться до их щеки, вздутость опадает и втягивается, как резина на лопнувшем мячике».

Даже коммунистическая печать в России только изредка пытается ослабить впечатление, приписывая своим врагам намерение «раздуть» сведения, идущие из голодных мест, «чтобы на этом что-либо выгадать. Тут и тысячи людей, падающих замертво на улицах поволжских городов, и 10 миллионов переселенцев и пр.» (см. «Гудок» № 381).

В большей своей части такого рода опровержения характерны скорее для заграничной коммунистической печати. В России даже официальные органы власти и печати не скрывают характера бедствия. Советское радио от 25 июля дает «сводку» предметов питания. В Саратовской губернии — «крестьянство питается суррогатами корней, особым видом глины, смолотыми костями животных». В коммуне немцев поволжан — «население толпами выходит на луга, вырывая остатки трав и этим питаясь. Съедались крысы, суслики, даже падаль». В Уфимской губернии — «как сельское, так и фабрично-заводское население питается травой, корешками. Там, где хлеб уродился, его не молотят, а едят вместе с колосьями». В Вятской губ. — «население употребляет в пищу липовую древесину». В южных прикамских местностях — «употребляют конский щавель, желуди, льняные жмыхи, даже особенного сорта глину», на которую спрос так велик, что «цена поднялась до 40 тысяч рублей за пуд» («Известия» № 181). «Когда-то в хлебные годы в Поволжье было много возни с сусликами, мешали они, вредили... Теперь в этих степях легче устрицу найти, чем суслика, — всех переели. Начали есть дерево. Берут сук дубовый «помоложе» и мелко-намелко крошат его топором. Получается нечто вроде опилок.

{223} Эти опилки ставят «в дух», потом их мельчат в ступе в порошок, и готова «мука». («Известия № 201 и 202).

Корреспондирующий в центральный орган коммунистической партии «Правда» № 160 «Человек, питающийся лебедой», дает подробное описание выпечки лебеды в Самарской губернии: «берут липовый лист или конский щавель, крошат, величиной с вошь, и вываривают. Потом, как закипит, выжимают воду и кладут опять в кипяток; после поддержат в решете, высушат, натолкут и подбавят третью часть муки. Хлеб получается зеленым, а идешь до ветра тоже зеленым. А больше, так как муки ни у кого нет, мы прибавляем конского щавеля. Только вот плохо, он хоть и ничего на вкус, но человек скоро пухнет и помирает, а в животе черви заводятся».

Быть может, скоро найдут — откроют или изобретут — более совершенные приемы изготовления питательных суррогатов. Быть может, в частности, сусаку — новому хлебному корню, который вырабатывается сейчас, по словам «Известий» № 184 (от 21. VIII), в лаборатории советского университета в Самаре, — и удастся избавить население, хотя бы от некоторых последствий потребления лебеды и конского щавеля...

Быть может. Как факт остается то, что население юго-восточной России — русские, немцы, татары, башкиры и иные жители этой полосы

уже очутились в положении, близко напоминающем уровень культуры первобытного человека или современного бушмена.

«Человеку с самого начала пришлось обратиться к растительной пище, и повсюду, где можно было добыть древесные плоды, ягоды, корни, — он пользовался прежде всего ими. В случае нужды он потреблял и мелких животных, которых мог пожирать в сыром виде: моллюсков, червей, жучков, саранчу, муравьев и т. п.». «Каждый и каждая уничтожает в сыром {224} виде; все, что можно поймать руками или вырвать ногтями из земли, как то: низших животных, корни, плоды. Они то скопляются в небольшие кучи или более значительные стада, то расходятся в зависимости от обильности пастбищ или мест для охоты»...

Кто не знает этого «классического» описания Бюхером «Возникновения народного хозяйства»? Но кто мог предположить, что «музыка будущего», за которую выдает себя коммунизм, так удивительно совпадет с пещерным бытом отдаленнейших наших предков? Кто мог думать, что народное хозяйство в России XX века, в «золотом веке», может опуститься на уровень «индивидуального добывания пищи»; что наблюдатели со стороны станут писать о России: «нигде и никогда, даже в Африке, я не видал людей, которые стояли бы на такой низкой ступени культуры. Они напомнили мне людей каменного века»?.. (корреспонденция майора Блейка в «Daily News»).

Не сразу создалось такое положение. Не внезапно надвинулось бедствие. Облака стягивались уже давно. На глазах у всех сгущались зловещие тучи. В насыщенной бурей атмосфере зоркий глаз поэта, проникая тьму веков, находил образы, сближающие прошлое России с ее грядущим.

«...И години более кровавой
Не видала русская земля
.....
Голод был, какого не видали,
Хлеб пекли из кала и мезги,
Землю ели, бабы продавали
С человеческим мясом пироги».

Предощущения поэта рассудочно утверждали исследователи, с числом и мерой подходившие к явлению.

К. Р. Качоровский {225} почти с математической точностью «предсказал» не только факты предстоящего голода, но и его размеры. «Перед нами не продолжение или обострение голодания нескольких миллионов населения в городах, а острый голод обессиленных большевизмом десятков миллионов крестьянства», — писал он еще в ноябре прошлого года.

Приступая приблизительно в то же время к составлению настоящих очерков, мы предупреждали читателей: «Увы, не столько жизнь придется обзирать теперь в России, сколько процессы быстрого и медленного умирания... Население России убывает сейчас в большем количестве и быстрее, чем в какой-либо иной стране (даже во время мировой войны). Оно явно и стремительно идет к своему уничтожению. Если бы установить знаменатель этой прогрессивно возрастающей убыли, можно было бы математически вычислить время, когда действующая в России власть (вместе с населением) ликвидируется, так

сказать, естественным порядком».

По примерному расчету профессора Анцыферова, даже допуская, что «темп ускорения убыли населения» будет ниже «нормы»: не 26 на тысячу, а всего 20, — через пять лет Россия вымерла бы наполовину, а через 17 лет она насчитывала бы только сотни тысяч выживших... Теперешний темп вымирания России значительно сокращает сроки, установленные год тому назад. Корреспондент «Chicago Tribune» Гиббонс в телеграмме из Самары исчисляет в 40 миллионов число голодающих, — из них 15 миллионов тяжело страдающих: — «минимум миллион людей обречен на медленную смерть, несмотря ни на какие мероприятия». В расчете Райана, представителя Американского Красного Креста в Прибалтике, — этот минимум повышается до двух миллионов, «несмотря ни на какую мировую помощь»...

{226} Темная, жуткая ночь опустилась над Россией. Вымирают уже не только определенные разряды людей, возрастные и социальные. Вымирают без различия возраста и положения. Не только городская интеллигенция и бывшие зажиточные слои, но и трудящиеся. Не только крестьяне потребляющих губерний, а и производящих, — кормивших в былое время своими продуктами себя, Россию и часть Европы, и худшее далеко еще не пройдено. Наоборот. «Голод только начинается. Если в сентябре выяснится, что яровые хлеба дадут сбора меньше среднего урожая, то в декабре голод примет угрожающие размеры», — не то утешает, не то угрожает один из бывших продовольственных комиссаров («Известия» от 12. VI). Конечно, нынешние яровые дадут сбора меньше прошлогодних. И, конечно, в декабре, голод примет еще худшие, еще более неистовые формы, а в феврале будет еще хуже, чем в декабре!..

Не надо быть Кассандрой, чтобы это предвидеть. Достаточно для этого помнить, как дошла Россия до нынешнего своего положения. Климатические беды, постигшие юго-восточную полосу Европейской России, лишь усугубили, ускорили и обострили тот процесс вымирания русского народа, который не с нынешнего засушливого лета начался и не с удачным сбором яровых может и кончиться.

Уже четыре года бредет Россия по долине смерти и скорби. Чем дальше продвигается она, тем все больше убывают ее силы, угасает дух, увядает плоть. Одна за другой утрачиваются возможности скорого возвращения к жизни, к свету, к свободе и к... хлебу, не в порядке индивидуального его добывания, а в порядке организованного народного хозяйства.

II.

Уже в первый год большевистского владычества, за вычетом привилегированных слоев, все прочее городское {227} население не доедало. В последующие годы недоедание в городах становилось все острее. Усиливалось соответственно и бегство из города в деревню. Стали уходить из города не только бывшая буржуазия и интеллигенция. Потянулись и фабрично-заводские рабочие.

По данным демографически-профессиональной переписи 28 августа 1920 г. население 40 губернских городов с 1917 г. по 1920 г. убыло на 37,8 проц.; т. е. больше чем на треть. При этом в Петрограде — на 71,8 проц. (с 2,5 миллионов до 705 тысяч); в Москве — на 45 проц. Из негубернских городов в Коломне за это же время население уменьшилось

на 51,5 проц., т. е. больше чем на половину; в Орехово-Зуево на 52,4 проц.; в Луганске — даже на 82,4 проц., т. е. больше, чем на четыре пятых... В общем население 90 губернских и негубернских городов с 1917 по 1920-ый год убыло на 39,2 проц., в абсолютных цифрах — на 3,1 миллиона («Красная газета» № 260 за 1920 г.).

Убыль фабрично-заводского населения в Петрограде, по данным Центрального Комитета Профессиональных Союзов Советской России, за это же время протекала в таких размерах: с 331.101 в начале 18-года численность рабочих упала до 132.036 к началу 19-го года; до 88.087 — к началу 20 г. (и 80.606 к началу 21-го). В Москве — с 147.424 на 1-ое августа 1918 г. до 105.210 к 1 июня 1919 г. и 87.363 к 1 июня 1920 г. («Экономическая жизнь» №242 за 1920 г.).

По компетентной справке составителей доклада Экономического Отдела Российского Финансово-Промышленно-Торгового Союза о «Состоянии и движении населения в Советской России» (стр. 9).

«В современности искать каких бы то ни было аналогий процессу опустения городов Советской России не приходится. Но и в историческом прошлом такие {228} аналогии найти не легко: ни наполеоновские войны, конечно, ни даже тридцатилетняя война с ее огромными опустошениями, не знали ничего, что могло бы пойти в сравнение с интересующим нас процессом, как по социальному его значению, так и по размерам. Нечто общее с ним — по социальному удельному весу — имеют, быть может, те, хотя и отличающиеся от него по смыслу и направлению, перегруппировки населения между городом и деревней, которые имели место в период упадка Римской империи; но и то они были растянуты на несравненно больший промежуток времени».

С дезурбанизацией России останавливалась промышленность, прогрессивно ухудшался транспорт. Не получая никаких изделий от города, деревня начала его бойкотировать: уменьшать и отказывать в продовольствии. Лишенное даже гвоздей и колес, не то что сельскохозяйственных машин, крестьянское хозяйство все быстрее приходило в упадок. В результате вольного и невольного сокращения и ухудшения посевов третий год пребывания большевиков у власти вызвал огромный недобор хлебов. А коммунистический город доводил все до более высоких степеней совершенства и напряжения свою экзекуционную систему изъятия «излишков». Деревня остро ощутила коммунистическое иго. 1920-й год впервые показал, что при коммунистическом хозяйничанье деревня не только обречена на хроническое лишение предметов первой необходимости городского производства, но и далеко не обеспечена продуктами насущного питания. Раньше голод прогрессивно увеличивался в городах. С прошлого года голод появился и в деревне. В десяти губерниях крестьянство стало недоедать, а потом и голодать.

Ухудшение обозначилось к декабрю прошлого года. В начале текущего — произошло еще более резкое изменение к худшему. Продовольственные заготовки стремительно падали. Энергия «продотрядов» уже не давала прежних результатов. Не будучи в силах повысить заготовки, власть стала уменьшать {229} пайки. Были сняты с фронтовых и тыловых красноармейских пайков служащие военного ведомства (декрет 14 января); были отменены установленные самим же «Совнаркомом» и Центральной Комиссией по снабжению рабочих повышенные продовольственные нормы для рабочих (декрет 8 февраля). Этими паллиативами не удалось, конечно, облегчить положения.

И с шумом и треском, ломая старые свои скрижали, очередной коммунистический съезд в дни кронштадтского восстания возвестил новую эру — политику примирения с крестьянством. Ленин произнес *mea culpa* — «той формы отношений, которой крестьянство не хочет, — не будет», и признано было за благо «облегчить бремя крестьянского сословия». Эпоха великих реформ рабоче-крестьянского правительства определяется прежде всего изменением порядка снабжения населения.

Власть начала с того, что освободила себя от излишнего бремени. Все те слои населения, в благополучии и преданности коих власть не была ближайшим образом заинтересована, были сняты с государственного снабжения. Им предоставлялось самоснабжаться в порядке индивидуального добывания пищи... Власть сохраняла за собой заботы о продовольствовании наиболее крупных городов, служивших людям и армии. Другой стороной реформы явилось освобождение «крестьянского сословия» от разверстки. Разверстку сменил «продналог». Отпала круговая ответственность за поставку, и понижалось, почти вдвое, количество, подлежащее поставке. 423 милл. пудов, полагавшихся по разверстке, были заменены 240 милл. пудов «продналога». Эта скидка имела только видимость льготы, потому что размер намеченного ко взысканию налога совпадал с фактически взысканным за 1920-1921 г. по разверстке. Власть ничего не теряла.

Но и крестьянство ничего не выигрывало от такого облегчения его тягла. Положение несколько не улучшалось. Наоборот. Новая {230} заготовительная кампания, во всяком случае, не может не дать меньших результатов, чем дал прежний год. Ибо «платежеспособность» сельскохозяйственного населения подорвана в корне. Достаточно того факта, что общая посевная площадь в этом году, по сравнению с прошлым, сократилась, по данным советской «Эконом. Жизни» № 178 на 43,8%; по вычислению же С. О. Загорского, больше чем в два раза. (см. «Famine en Russie». P. 5. — Изд. «Comité Exécutif de la Conférence des Membres de la Constituante de Russie».—Paris.—1921). А урожайность, по официальной сводке, только в одной местности и в отношении только к одной гречихе дала результата выше среднего. Во всех без исключения, остальных случаях расценка по пятибалльной системе отмечает «неудовлетворительно». (См. «Известия» № 129 от 5. VI. и «Экономич. Жизнь» № 101, 134 и 149 за 1921 г.).

Районы	Озимые		Яровые					Травы	Зал. луга
	рожь	пшеч.	пшеч.	греч.	просо	ячм.	овесъ		
Нечерноземь	2,4	—	2,1	1,8	2,0	2,2	2,2	2,1	1,7
Черноземь	1,5	1,7	1,8	1,7	1,5	1,7	1,8	2,0	1,4
Украина	2,8	2,1	2,0	2,6	2,0	1,8	2,6	2,6	2,1
Крымъ	1,2	1,9	2,0	—	1,8	1,4	1,9	—	1,7
Юго-Востокъ	1,8	1,4	2,2	3,2	1,8	2,1	2,2	—	2,0
Вся Россія съ Украиной	2,1	1,2	1,9	2,2	1,7	1,9	2,1	2,2	1,7
Вся Россія безъ Украины	1,5	1,5	1,9	1,8	1,8	2,0	1,9	2,1	1,6

И когда «Правда» № 179 пишет:

Ближайшие три месяца будут решающими. Покатимся мы вниз, будем ли безнадежно топтаться на месте или, наконец, двинемся вперед, — все зависит от успеха начатой продовольственной кампании. Соберем {231} продналог, будем бороться дальше, — значит, есть надежда на победу; не соберем, — забьется в агонии весь хозяйственный организм страны»,

— она при всем своем официальном оптимизме обнаруживает, что сознание близости конца и ей не чуждо. Точно также, когда мы слышим Милютина, доказывающего «Петросовету», что

«в настоящее время продовольственное положение России предопределяет собой не только экономическое существование советской республики, но политические ее перспективы. Сбор продналога является первоочередной задачей... Продналог нужно собрать в 100 %. Никакой пощады в этом отношении нельзя проявлять». («Красная Газета» от 18.VIII),

— мы видим, что советская власть отдает себе правильный отчет в своих перспективах... Она только ошибается в том, что при каких-то условиях рассчитывает собрать «100 проц. продналога». Никакая «беспощадность»; никакое нагромождение «комитетов беднейших крестьян» (для определения ставок «продналога») на специальные «трибуналы» (для рассмотрения дел по неправильному и несвоевременному поступлению «продналога»); никакие «добровольцы» из голодающих крестьян; никакие отряды из бывших жандармов и урядников, ныне официально допущенных к службе советам, не дадут власти тех «100 проц.», от которых зависит ее дальнейшее существование!.. Ибо — «голод был, какого не видали»..

Если в 1891-ый голодный год урожай не был ниже 27 пуд. с десятины в среднем для всей России, то теперь он едва достигает 7-10 пуд. Если в прежде «добрые» голодные годы кормились прошлыми запасами и соседними избытками, — то теперь, как правило, нет ни запасов, ни избытков. То же, что в качестве исключения осталось, — едва хватает для прокормления более необходимых для власти воинских и {232} бюрократических частей. Проклятие прошлого тяготеет над большевиками: их предыдущая политика предопределила нынешнюю катастрофу; та же политика обрекает на провал все ее попытки смягчить наступившее бедствие.

Как все авантюристы и неудачники, коммунисты, конечно, ищут причин неудачи не в себе, а во вне. Враги внутренние и внешние — извечный трафарет для оправдания собственных ошибок власти. Своеобразие коммунистического творчества сказалось только в лишенном смысла наименовании этих врагов «социал-предателями» и «белогвардейцами».

Когда же происками врагов явно невозможно объяснить собственные неудачи, — тогда под всеми широтами и долготами привлекают к ответу стихийные силы природы. В крушении своей хозяйственной политики большевики обвиняют весь мир, все партии, народы, страны, все историческое прошлое — капиталистический строй, войну, блокаду, царизм, Антанту, Польшу, бандитов, Петлюру, Врангеля, Антонова, Нуланса, Милюкова, Чернова, Мартова, — словом, всех, всех, всех, но только не себя и свой режим. Когда же ни капитализма, ни Антанты, ни вместе, ни порознь оказывается недостаточно для удовлетворительного объяснения, — на помощь привлекаются силы природы: земля, солнце, почва и атмосферические осадки.

Все начала и концы в объяснении голода в Советской России сводятся к засухе.

Не надо, однако, быть агрономом, чтобы утверждать прямую зависимость между системой хозяйства и предупреждением засухи, между обработкой почвы, учитывающей необходимость запаса влаги, и возможными последствиями бездорожья. Большевистская политика — причина того, что — из-за недостатка инвентаря — вспашка производилась недостаточно глубоко и далеко не всегда своевременно. Большевистская политика ответственна за то, что безвлажная почва оказалась беззащитной там, где {233} выпало недостаточно осадков, а там, где было достаточно осадков, оказалась недостаточной площадь посева; то же, что было посеяно, не могло дать высокой урожайности из-за негодных семян, недостаточного их количества, отсутствия удобрений и т. д.

«Правильный расчет крестьянина этих местностей (Поволжья), подверженных столь ужасным засухам, — иметь хлеб на прокорм и засеяв не менее как на два, а то и на три года, — нарушен беспощадным нашим временем, и результаты налицо: голод, болезни, бегство населения.

Вековым опытом земледельца нельзя безнаказанно пренебрегать, ибо этот опыт основан не на бумажных, кабинетных соображениях, а на самой действительной суровой жизни, за науку которой заплачено кровью, потом и тысячами поколений. («Красная Газета» № 164 от 10.VIII).

Эта сентенция принадлежит Влад. Бонч-Бруевичу, одному из тех, кто особенно рьяно пренебрегал опытом, кровью, потом и тысячами жизней в первые годы большевистского хозяйничанья. Если откинуть типичный для большевизма, бессодержательный кивок на «беспощадное наше время», — даже среди Бонч-Бруевичей находятся такие, которые не думают, что между системой коммунистического хозяйства и бедствием, обрушившимся сейчас на Россию, нет ничего общего: голод от неурожая, неурожай — от засухи, а засуха — от Бога...

Сентенция Бонч-Бруевича содержит указание и на непосредственную причину голодовки, — на отсутствие всяких запасов для прокорма и засева. Не то, что на три или два года, но иногда и на два-три месяца не оставалось запасов после того, как советская власть объявила новый, продовольственный фронт и приступила к реализации урожая в порядке боевого задания. Докладывая на прошлогодней третьей сессии В. Ц. И. К. о продовольственном положении, заведующий продовольственными операциями Брюханов предупреждал:

{234} *«помимо агитационных, пропагандистских и организационных мер, мы совершенно определенно вынуждены будем в целом ряде губерний в борьбе с кулачеством вступить на путь применения военной силы. И совет народных комиссаров в этом отношении принял целый ряд решений, в результате которых мы значительно должны будем увеличить кадры военных сил, предназначенных для продовольственной работы».* («Экономич. Жизнь» № 215 за 1920 г.).

Были мобилизованы партийные коммунисты. Созданы тысячи «продотрядов». На одну Самаркандскую и Сыр-Дарьинскую области было «брошено до трех тысяч продотрядов», — с удовлетворением отмечала «Экономическая Жизнь» № 209. Созданы были «чрезвычайные тройки». И «продработа» закипала. Об ее характере, общих чертах рассказал впоследствии товарищ председателя всероссийской Ч. К.

Лацис, посланный в прошлом году за хлебом в пострадавшие от недорода Камышинский и Вольский уезды Саратовской губернии.

«Просо погибло от засухи совершенно. Местами остались нескошенные поля, так как косить не стоило труда. На них пасли скотину... Это нанесло чувствительный удар всем хозяйствам, и они завопили о предстоящем голоде... Сельские советы стали выносить решение о невыполнимости разверсток и не только не помогли продовольственным агентам, но не давали даже им работать... Местные работники не испугались этой картины... Было ясно, что без реального нажима деревня не намерена поделиться куском хлеба». («Правда» от 2.XI.1920 г.).

И «реальный нажим» был произведен. Крестьяне «вопили», но ссыпали... И в результате, хотя по данным советской же статистики пострадавший от недорода район нуждался во ввозе двух с половиной миллионов пудов, разверстка же требовала вывоза из него полмиллиона пудов, — ретивый палач сумел уже к концу октября выколотить из «вопивших» крестьян два с половиной миллионов пудов!..

Он отлично сознавал, что делает. Его отчет о командировке предвидит:

{235} «деревня будет местами оставлена на голодном пайке, местами к лету придется, пожалуй, даже подкормить и в лучшем случае дать смена для обсеменения полей».

Возможно ли после этого добросовестно отрицать прямую зависимость между прошлогодним набегом Лациса и нынешним обострением голода в Камышинском и Вольском уездах?! Можно установить своего рода закономерность между успехами «разверстки» в прошлом году и размерами голода в текущем. Эту связь между двумя явлениями — политическим и натуральным — отмечают почти все корреспонденции «Из голодных мест», помещенных в № 1 «Помощи».

«Особенно ужасно положение в трех волостях (Мелекесского у., Самарской губ.), отошедших от Казанской губернии. Он выполнили в прошлом году две разверстки: и за Казанскую, и за Самарскую. Население этих трех волостей с ранней весны живет в страшной нужде, все съедено, питаются листьями и зернами, выбираемыми из помета животных».

«Почему так остро разразилась беда, — спрашивает другой корреспондент из Сызрани. — Потому что у населения не осталось никаких запасов и остатков на черный день. Разверстка прошлого года была выполнена в 120%, а местами — 150%. Население осталось ни с чем».

Кооперативно-продовольственный съезд Самарской губернии в июне с. г. отмечает: — «Самарская губерния несет на себе последствия двухлетнего неурожая, между тем в минувшем году на губернию была возложена совершенно непосильная разверстка, выполненная не только полностью, но и с значительным излишком, чем интересы местного населения были принесены в жертву государственным интересам».

Указания на эту прямую связь проникают и в официальные органы печати. Так, корреспондент из Казани пишет в «Известиях» № 153 от 15 июля с. г.:

«В истекшие 1920-1921 г.г. Татареспублика (татарская республика. — М.В.) оказалась одной из самых исправных на продовольственном фронте... Хлебофуражная {236} разверстка была выполнена уже к 20 декабря 1920 года в количестве 10.130.706 п. или 101%... Это блестящее выполнение заданий Наркомпродом оказало немалую услугу Р. С. Ф. С. Р. Ценой таких же блестящих выполнений и в других губерниях, несмотря на неурожайный год, мы спасли рабочие центры нашей республики от голода и вымирания. Однако, неоспоримым надо признать то, что для Татареспублики это блестящее выполнение общегосударственного плана разверстки оказалось не под силу».

За последние месяцы, надо думать, население не одной только «Татреспублики» приведено к сознанию того, что между его интересами и интересами «Р. С. Ф. С. Р.» нет ничего общего; больше того, — что «задание Наркомпрода» непримиримо с благополучием и даже с простым существованием населения; что выполнение всякого советского «плана» несет населению прямой вред; словом, — что советская власть и народ — враги. Дорого платит народ за свою выучку: — «кровью, потом и тысячей поколений». Медленно усваивает он мудрость жизни. Но раз усвоенному — он остается верен твердо и надолго.

III.

Бедствие этого года было так громадно, ужасы так безмерны, что они поразили воображение всех, даже большевиков; по крайней мере, в самый первый момент. Не в правительственных или советских учреждениях было фиксировано бедствие. «Совнарком» и В. Ц. И. К. придерживались традиционных версий казенных оптимистов. О голоде впервые заговорили в кругах уцелевшей от большевистского террора общественности. В частных беседах, друг с другом, с советскими спецами; в докладных записках тем, кому ближайшим образом о том ведать надлежало; в ходатайствах об аудиенции у Ленина; в сношениях с официальным советским маклером Горьким, общественные деятели в Москве еще со второй {237} половины мая, сначала шепотом, а потом все громче и настойчивее, стали обращать внимание на идущую грозу...

Эти одиночные голоса остались неслышанными. Они встречали глухую стену и разбивались о недоверие и легкомысленную самоуверенность власти. Месяц спустя, на съезде агрономов и деятелей по опытному делу и на собрании московского общества сельского хозяйства индивидуальному частному почину была придана форма коллективного призыва. Но должен был истечь еще месяц прежде, чем избранной 22 июня общественной делегации дана была возможность довести до сведения власти о «страшном положении Поволжья и других пораженных неурожаем местностей». Факт «тягчайшего, стихийного бедствия», наконец, дошел до сознания правителей. Они формально признали, что «справиться с этим новым бедствием может лишь объединенная, согласованная и напряженная работа всех сил народа».

Это положение, вошедшее в официальный декрет об образовании Российского Комитета Помощи Голодающим («Известия» от 23.VII.), создало почву для того, чтобы «впервые за последние четыре года» могли встретиться «представители власти и общественные работники, чтобы по взаимному соглашению приступить к общественно-государственному делу»... Н. М. Кишкин, выступивший при открытии Всероссийского Комитета с особой декларацией «от имени инициативной группы», подчеркнул наличность двух сторон — «власти и общественных работников», «давших взаимное обязательство всю работу по спасению голодных поставить под знак Красного Креста». Декларация отмечала что предстоящее «дело не политическое и не просто благотворительное», а «государственно и общественно обязательное»; что самая «работа, лишенная {238} всякого элемента политической борьбы, должна

происходить открыто, гласно, под знаком широкого общественного контроля и сочувствия».

Такова была основа соглашения. Обе стороны пошли на него не без сомнений.

О сомнениях «общественных работников», вошедших в Комитет, упоминает уже декларация Н. М. Кишкина:

«Мы начинаем необъятное по своим размерам и, быть может, непосильное для нас при настоящих условиях дело. Но пусть каждый оставит эти сомнения позади. Впереди трудный путь и идти по нему нужно твердо, решительно, с верой в Россию и в творческую силу ее народа».

Еще определеннее о том говорят статьи в органе Всероссийского Комитета «Помощь». Приведя ряд доводов — патриотических, народолюбческих, моральных, — автор статьи, «Vivos voco!» заключает:

«Мы знаем, на нашем пути будут трудности неизбежны, подчас почти непреодолимые, будут и трудности ненужные... Общественные силы шли в лихие години к народу, не задумываясь и оставаясь самими собою. Не могут, не смеют они не поступить точно также и теперь, нисколько не отказываясь от своего духовного и морального лица.

Оставим же сомнения! И пойдем на борьбу с народной бедой тем решительнее, чем труднее и сложнее стоящая перед нами задача».

Е. Д. Кускова, призывая «Под Красный Крест», предвидела:

«Быть может, будут свалены этим вихрем те, кто осмелился поднять краснокрестный флаг над своей работой к спасению голодных людей. Не надо смущаться. Надо мужественно встретить все препятствия и везде, где только можно, пропагандировать мысль о внеполитической помощи тем, кого поразила стихия, кто лежит раненый бичом голода, чье хозяйство грозит исчезнуть на многие и многие годы.

{239} *В борьбе за эту идею могут погибнуть отдельные ее носители. Но сама идея будет светить человечеству как маяк и во время войны, и во время самых грозных революций. Смысл этой идеи — спасение человека, как единственной и величайшей ценности истории».*

Еще более серьезны были колебания и недоверчивость тех, кто, по тем или другим основаниям, остался за порогом Комитета. Среди них были такие, которых не пустили. Но были и такие, которые сами не пошли. Этим последним, очевидно, имеет в виду редактор «Помощи» Мих. Осоргин, — говоря о «позволяющих себе роскошь скептицизма там, где чувство простого человеческого сострадания призвано побуждать резонерство».

Сейчас, в свете позднейших событий, если судить по ближайшему результату, быть может, уместнее было бы говорить не о «резонерстве скептиков», а о правоте прозорливцев, сумевших быть пророками в своем отечестве. Однако, и сейчас, даже после полного «торжества» пессимистов, нельзя все-таки упрощенно изображать бывших «оптимистов» в качестве наивных мечтателей, упорно не желавших видеть того, что видели все, и из «чувства простого человеческого сострадания» — из любви к ближнему — якобы отказавшихся от любви к дальнему — от верности прежним принципам. Нет, «оптимисты» ни от чего не отреклись, никаких знамен не свернули; они тоже думали не о том, чтобы себя уберечь, а о том, как бы душу «оживить», — исполнить

свой долг пред народом и человеком.

Они открыто заявили: «Мы, инициаторы Всероссийского Общественного Комитета помощи голодающим, — люди разных социальных и политических верований, и все мы остались верными своим старым знаменам и идеалам, за которые мы разными методами боролись... «Из различных социальных и политических лагерей, на которые мы разделяемся, нас столкнуло {240} воедино одно сознание, одно настроение. *Прежде чем спорить о формах общественного и государственного устройства, которые каждый из нас желал бы для России, нужно, чтобы Россия существовала, нужно сохранить ее живые силы, носителей ее народного труда, созидателей ее народного благосостояния, ее народной мощи.*» («Помощь» № 1. — Курсив наш — М. В.).

Порыв, внушенный этим настроением и мыслью, был настолько силен, — что он захватил самые разнообразные социальные и политические круги в Советской России — от «реалистов-общественников» до патриарха Тихона. Но он не остановился у границ России. Он одинаково захватил, за малыми исключениями, и все почти круги зарубежной русской общественности. «Пораженцы» новой формации не блистают мужеством настолько, чтобы открыто и последовательно и мор, и чуму, и холеру рассматривать как полезных агентов и союзников в борьбе с большевистским строем. Сбиваясь и противореча сами себе, они предпочитали прямым ответам на проклятые вопросы обвинения и нападки на Общественный Комитет за его «соглашательство» с большевиками.

Подписанное ген. Врангелем, Алексинским и прочими магистратами воззвание Русского Совета «К народам всего мира» идет настолько далеко, что, не видя в «обращении большевиков к бывшим русским общественным деятелям, как бы почтенны ни были их имена», «никакой реальной гарантии для правильного распределения запасов и засева полей» — высказывает даже опасение, что «устранение большевистской власти только в местностях, пораженных недородом, или не будет проведено на деле или, что еще хуже, вызовет лишь вящий хаос». Бранд и в Константинополе хочет сохранить верность своему лозунгу: «все или ничего». Ему по прежнему сильнее {241} всего претят частичные мероприятия, и, пока не произошло полного и повсеместного устранения большевиков, он предпочитает сохранить единую и нераздельную власть за ними и в местностях, пораженных голодом!..

Тот же максималистский мотив звучит и в бурцевском «Общем Деле»: «одни крики о помощи укрепят советскую власть». «Нельзя останавливаться на полдороги: кто говорить о помощи, тот должен содействовать реализации займа». («О. Д.» № 423.). Соответственно — и его отношение к флагу Красного Креста «общественных, полубольшевистских комитетов русских, где Кишкины «ходатайствуют» о милостивом разрешении Каменевыми «обществу» работать с «правительством», с обязательством скрывать от народа причины голода и укрывать его виновников»... («О. Д.» №411.).

«Для избавления России от голода и прочих бедствий не только армия ген. Врангеля, но и меркуловское правительство и даже савинковский союз неизмеримо больше значит, чем все Кишкины и Прокоповичи, чем все московские и заграничные «комитеты помощи» из русских деятелей».

Так в «Общем Деле» №. 382, вскрывал между прочими, и С. Ольденбург немощь членов Общественного Комитета, в том числе и своего отца-академика, вошедшего в состав Комитета...

За этими немногочисленными исключениями можно сказать **вся** русская общественность за границей принципиально одинаково отнеслась к делу помощи голодающим. Не говоря о социалистических и демократических группировках и органах печати, — профессионально-классовый торгово-промышленный союз, умеренно-либеральный «Руль» и даже реакционный, так называемый, Национальный Совет, — по разным основаниям, с различиями в частностях и степенях, одинаково исходили {242} из того, что «Россия превыше всего. Народ — прежде всего!» — по удачному выражению «Воли России». Только при таком настроении и могло случиться, что за одним и тем же Комитетским столом, например, в Берлине могли очутиться рядом руководители т. н. Национального Комитета и советские служащие, В. Д. Набоков и коммунистка Третлер, член русско-немецкого монархического клуба Ф. В. Шлиппе и левый эсэр А. Шрейдер...

И даже после того, как большевистская власть признала простым клочком бумаги подписанные ею обязательства и ликвидировала Общественный Комитет в Москве, — те элементы русской общественности, которые оказались за родным рубежом, вне досягаемости коммунистических чекистов, — остались верны своей исходной точке зрения. Не говоря о радикальных группировках, даже т. н. Национальный Совет, несмотря на участие в нем таких фигур, как Гурко, Гучков, Бурцев, — отметив «существенные препятствия на пути осуществления помощи», все же нашел в себе решимость заявить —: Совет «тем не менее по-прежнему стоит на том, что все культурное человечество должно придти на помощь десяткам миллионов умирающих с голоду русских людей, и что не заказаны все пути доставки продовольствия и медикаментов, с гарантией правильного их распределения, без оказания денежной поддержки московскому совету комиссаров».

Если были сомнения у «общественных работников», — их было не меньше и у противной стороны.

В первый момент, когда было фиксировано бедствие, его характер и размеры, власть ощутила тревогу. Это была, конечно, не патриотическая тревога. Тревога была эгоцентрическая, — {243} близкая к панике. Слишком ощутительно для всякого в России — для командующих так же, как и для повинующихся, — что власть и подчинение при коммунистическом строе определяются количеством и качеством пайков, вошедших в общую систему управления как необходимый элемент большевистской кары и награды. И когда загоралась и стала трескаться почва хлебородного Поволжья, властители не могли не почуять, что горит и у них под ногами. Испугавшись как бы «социалистический остров» не погиб до того, как его коснутся живительные волны мировой революции, большевики решились... капитулировать, по мнению одних, — использовать

общественность в качестве трамплина для очередного прыжка, — по мнению других.

Между обоими этими «мнениями» вряд ли существует непримиримое противоречие. Капитулирующие ведь всегда надеются на реванш, рассчитывают «se reculer pour mieux sauter». А использующие невесомые и «мнимые» величины — в данном случае: обращенную в политическое небытие общественность — едва ли делают это от избытка сил, а не по нужде. И, каковы бы ни были внутренние ее мотивы, вовне власть признала свое бессилие в борьбе против голода одними своими средствами; она оказалась вынуждена объявить «Burgfrieden» и создать «объединенный, всенациональный, лишенный классового признака, лишенный политики вообще» фронт, — по выражению советского официоза в Берлине. Если это и было «использование», то все-таки надо признать, — довольно оригинальное: за последние четыре года оно практиковалось впервые. Оно имело все признаки капитуляции.

Конечно, не гуманными соображениями руководилась власть когда она становилась на непривычный для нее путь. Перемена курса диктовалась тревожным положением власти и жгучей {244} необходимостью достигнуть неотложной задачи. О том специальном интересе, который представлял Комитет для власти, с полной откровенностью писал его председатель Каменев на следующий же день после открытия Комитета.

«Этот комитет имеет своей задачей сбор и приобретение необходимых голодающим средств, как в Россия, так и главным образом за границей (разрядка моя. — М.В.). Он может рассчитывать на сочувствие и поддержку таких кругов, которые не откликнулись бы на призыв коммунистов. Самым фактом своего создания и своей работы он будет свидетельствовать, что только доподлинные враги русских трудящихся масс могут отказаться от работы на помощь голодающим под руководством советской власти». («Известия» № 160).

Так оценивали Комитет его коммунистические благожелатели. Далеко, однако, не всё коммунисты отнесли благодушно к этой «затее Ильича». Не все коммунисты соглашались видеть в Комитете хотя бы условную полезность. Борьба течений и влияний, большевистских групп и группочек, началась еще до создания Комитета. Она с самого же начала определила его личный состав. В Комитет были допущены рабоче-крестьянской властью б. партийные министры, но ни рабочие, ни крестьяне, ни более левые социалисты.

С открытием Комитета борьба против него не только не прекратилась, а, наоборот, обострилась. И после двухнедельного его существования понадобилось новое официальное разъяснение о том, что нет ничего «странного» в создании Комитета «с участием отнюдь не коммунистических элементов». Дававший разъяснение председатель Комитета и в то же время председатель Московского Совета успокаивали взволнованных товарищей, рассеивая их «колебания, сомнения и разные пересуды» доводами, сильно отклонявшимися от действительности. но за то убедительными для большевистской аудитории.

{245} *«...Прямой отказ от постановки каких бы то ни было политических условий для своего сотрудничества, с готовностью работать под руководством советской власти, — есть уже само по себе прямой вызов заграничному охвосту белых организаций русской буржуазии.*

...Нет никакого сомнения, что голод, как и всякое явление, охватывающее миллионы людей, вызвал передвижку общественных сил. Мы можем, однако, смело сказать, что эта передвижка совершилась в пользу советской власти и что расчеты на «хлебную интервенцию» потерпят крушение так же, как расчеты на интервенцию военную. Потерпят крушение, между прочим, и потому, что советская Россия в трудный момент оказалась достаточно сильной и достаточно зоркой, чтобы не оттолкнуть предложения, исходящего из рядов разбитой в открытом бою буржуазии». (Петроградская «Правда» № 163 от 5. VIII).

Если приложить этот критерий Каменева к последующим делам советской власти, она, в конце концов, не оказалась ни «достаточно сильной», ни «достаточно зоркой». Этому можно бы было только радоваться, если бы за слабость и незоркость власти платилась бы она сама, а не голодающие...

Во внутренней борьбе коммунистов — за и против Комитета — сталкивались не только мнения, но и различные интересы и самолюбия, личные и ведомственные. «Коминтерн» (коммунистический интернационал), созданный как «средство для внешнего употребления, с естественной враждой и ревностью относился к Комитету, который, по заданию, должен был «свою работу построить главным образом на заграницу». И в то время, когда органы «Совнаркома» еще не возражали против заграничной поездки делегатов Комитета, «Коминтерн» через своих агентов уже готовил для них за границей свою встречу. Он предписывал «особо секретно» «Оперативному отделу» своего «Бюро Западно-Европейского секретариата пропаганды», между прочим, следующее:

{246} *«Учреждать самые точные наблюдения за личным составом миссии и групп, а также за всеми теми общественными организациями и эмигрантскими группами, с которыми указанные лица будут входить в общение.*

Организация внутреннего наблюдения обязательна.

Надлежит вести самый подробный дневник каждому из прикомандированных людей. Сводки дневников ежедневно не позже 10 вечера должны быть направлены с особым курьером до первого пункта, откуда возможна радиопередача или прямой провод.

Для установления внешнего наблюдения надлежит обратиться за содействием к местным организациям, или же в частные детективные бюро»...

Главное расхождение было, однако, не между «Совнаркомом» и «Комитетом», а между Кремлем и Лубянкой. Ч.-К. на Лубянке в политических тонкостях не разбиралась. Она ценит и верит только в свои методы. «Тонкое новшество, как «общественный комитет», кажется ей опасным... Говорят, что опубликование сообщения о «заговоре» направлено, главным образом, против кадетов: пусть де не забываются». Это отмечалось еще 28 июля московским корреспондентом «Социалистического Вестника» № 14/15. Чтобы проводить свою политику, Кремль должен был откупиться от Лубянки: и он заплатил чужими головами... Кремль и Лубянка метали жребий.

Когда участь Комитета в Москве была, решена, — петроградские палачи получили свои «пуды мяса». Шестьдесят одна жертва — в их числе Лазаревский, Тихвинский, Гумилев — должны были искупить коллективный грех русской общественности — преданность народу и готовность бескорыстного ему служения...

Подпустив общественность к помощи голодающим, власть утверждала, что она это делает не от слабости, а от силы. По ее представлению, эта «концессия», как и все другие принципиально ни чем

не меняла общего положения: общественность кормит, народ безмолвствует, а власть по прежнему бдит. При такой концепции власть явно переоценивала свои силы, {247} недооценивала и сил противника. Она полагала, что та общественность, которая случайно уцелела от истребления и вымирания, не решится на противодействие видам власти. Власть не учла стойкости «общественных работников», — того, что их можно погубить en masse, но соблазнить или добиться сдачи можно лишь у одиночек, в качестве исключения. По выражение «Правды» № 200. — когда обнаружилось, что Комитет «имеет наглость не подчиняться решению верховного органа власти, он был ликвидирован».

Власть просчиталась и в другом. Она переоценила силу отталкивания международного капитала от коммунистической Москвы. Она недооценила значения элементарной филантропии в жизни современных культурных народов, которые благотворительствуют, не задаваясь никакими посторонними целями и относясь совершенно безразлично к политическим убеждениям тифозных, холерных и голодных.

Когда Хардинг оказался менее щепетильным, чем о нем думал Радек, оправдывавший допущение «так называемых общественных элементов» тем, что «это удовлетворит потребности буржуазных правительств» и может «понравиться г. Ллойд-Джорджу и г. Хардингу»; когда Хувер предоставил Брауну наедине договариваться с Литвиновым; когда международные краснокрестные организации проявили сами отзывчивость к русскому горю; и когда к тому же многострадальная русская общественность не согласилась повторить за Иовом:

Бог дал, Бог взял, — да благословенно имя его, а стала проявлять «наглость» отстаивать какие-то права и независимость; словом, когда власть сообразила, что она трижды просчиталась, — общественность окончательно была скинута со счетов большевиков. Судьба Комитета была решена. Неопределенными оставались лишь срок, обстановка и предлог для ликвидации.

{248} Конфликт возник по вопросу о поездке избранных делегатов за границу. С одинаковым успехом конфликт мог возникнуть и по другому поводу, хотя бы в связи с проектом присяги на «верность» советскому правительству всех некоммунистических членов Комитета!.. Поездка была решена в первые же дни существования Комитета. Она была санкционирована властью. Но придя к соглашению с Хувером, власть нашла, что «немедленный отъезд делегации не вызывается необходимостью». День подписания Чичериным соглашения с Нансеном — 27-ое февраля — был днем ликвидации Общественного Комитета: собравшиеся на заседание члены Комитета были арестованы агентами Ч. К.

Судьба, постигшая членов Общественного Комитета, далеко не неожиданна. Ее не трудно было предвидеть. Центр. Организац. Бюро партии с. - р. в своем воззвания «К демократии Европы и Америки» еще 18 июля указывало: «советская власть не сможет, не посмеет дать простор общественной инициативе, ибо это предполагает, как неперемное условие, гарантию минимума гражданских свобод, а режим, державшийся исключительно на подавлении всяких свобод, естественно, не может отказаться ни ради чего от такого метода, ибо это было бы для него чревато большими политическими опасностями».

Отчетливо представляли себе свою судьбу и судьбу Комитета и сами его участники. Тем не менее, когда разгон Комитета произошел в действительности, он «произвел на Москву ошеломляющее впечатление. Можно смело сказать, что даже массовые расстрелы, которые Москва уже переживала, не ударили по ней так сильно, как ликвидация Комитета и арест его членов». Это отмечает не друг Комитета, а, скорее, его недруг, из тех, у кого «с самого начала к Комитету Помощи установилось скептическое отношение, а затем даже и прямо {249} ироническое!» (См. «Письмо из Москвы» от 1 сентября. — «Воля России» № 305).

Роспуск Общественного Комитета причинил непоправимое зло делу помощи голодающим. Внутри-российская помощь русской общественности «заказана». Общественность в России лишена возможности соприкоснуться с умирающим тихой смертью народом, облегчить его страдания, утешить его скорбь. Чтобы иметь право утереть слезы страждущей России, надо быть благодетелем из иностранцев.

Проблема помощи голодающей России становится на время всецело и исключительно проблемой международной.

IV.

Четыре года большевистского владычества исчерпали силы русского народа, его материальную культуру и запасы. Народ дошел до суммы и попрошайничества. Он растерял свою и честь, веру в себя, в возможность подняться собственными средствами. В социалистическом отечестве, которое в идее и по историческому заданию должно стать царством труда и творческой энергии, — «никто не говорит о работе; все говорят о еде». («Правда» 5. VIII). Положение безвыходно. Одна надежда — «утянуться к индийскому царю», как мечтают русские Тильтиль и Митиль — Ванька с Танькой с голодных мест.

*«— А индийский-то царь наших накормит?!
— Знамо накормит, ежели наши в его веру перейдут.
— А наши перейдут?
— Знамо перейдут. Потому им: либо с голоду дохни, либо переходи»...
(«Правда» № 179).*

«Собственными ресурсами Россия из беды не может выйти», — констатирует Центральный Комитет росс. социал-демократии. («Социал. Вести.» № 14/15). «Своими силами Россия {250} с голодом не справится», — удостоверяет Центральное Организационное Бюро партии социалистов-революционеров. В признании этого факта сходятся все единодушно. Только в этом, кажется, и сходятся «наши» и «ваши»: интервенционисты с антиинтервенционистами и антиинтервенционистами между собой...

Иссякли не только силы у народа. Исчерпана до конца и выдумка у власти. Все слова сказаны и либо уже взяты обратно, либо вновь и вновь повторяются уже решительно без всякого смысла и убедительности. Ленин снова уверяет, что спасет «электрификация» («Правда» № 190). Троцкий по прежнему пугает французской интервенцией. (Речь в московском совете 30-го августа). Одни только Беляковы безмятежно выдумывают то плановое переселение голодающих, то

усовершенствованную систему ирригации, то особо питательную «рыбную муку». Очевидно, что и практические мероприятия нового времени — казенная продажа спиртных напитков, не свыше 14 град. крепости; или принцип платности за аренду предприятий за промысел, помещение, проезд, провоз и т. д.: или взимание сборов в пользу голодающих с увеселительных заведений и скачек; — тоже не могут ни считаться продуктом, коммунистического творчества, ни открыть новые перспективы.

Новые перспективы в связи с народным бедствием открылись для большевиков в области внешней политики. Отзывчивость Европы и Америки они решили направить не на спасение русского народа, а на спасение советской власти, — придать гуманитарной помощи политическое назначение. Энергия советских агентов сосредоточилась на том, чтобы добиться помощи не людям, а учреждениям; не народу, а системе; не России, а существующей в ней власти коммунистов-террористов. От помощи продуктами к восстановлению транспорта; от натуральной ссуды к кредитной; от товарных сделок к {251} валютному займу; от материальной заинтересованности в фактическом существовании советской власти к ее формальному признанию; — так намечались естественные этапы внешнеполитического задания. Обе советские фирмы — «Коминтерн» и «Совнарком» — стали работать в одном и том же направлении, применяя каждая свои обычные приемы.

В открытом радиовоззвании «Коминтерн» обратился к «великой пролетарской семье» с разоблачением козней международных филантропических организаций. Он приглашал «коммунистические партии, красные синдикаты и революционные кооперативы» «заставить буржуазные правительства понять, что пролетарии всего мира не останутся пассивными зрителями капиталистического покушения против Советской России», не дадут «напасть на советскую Россию под маской благотворительности» и, главное, «не позволят поставить никаких условий для оказания помощи». В том же строе идей секретное предписание, исходившее из Москвы от имени Бюро Западно-Европейского секретариата пропаганды (№ 56732-173), рекомендовало агитацию в пользу помощи голодающим в России связать с пропагандой революции на местах.

Редактор «Известий» пояснил (16.VII), что обращение за помощью заграничного пролетариата должно преследовать не столько материальные, сколько «моральные», агитационно-революционные результаты. Соответственно с этим сытому Стеклову ничего не стоило рекомендовать голодным не обращаться к «заправилам Амстердама, от которых честные рабочие не только не примут никакой помощи, но с которыми они и разговаривать не станут».

О том, чего можно ждать реально от коммунистических деятелей за границей, — дает представление отчет о заседании соответствующего «Комитета рабочей помощи», происходившем в Берлине 12-13 сентября. По {252} предложению германского коммуниста Гоффмана, решено было «произвести подсчет наличных сумм в разных странах». Отчет в «Новом Мире» № 192 скромно отмечает: «В виду-неполноты цифровых данных и колебаний курса, итог окончательный не подведен».

О неокончателном же итоге можно судить по тому что, по удостоверению секретаря Комитета небезызвестного Мюнценберга,

снаряжение даже одного лазарета «не является выполнимым»...

Серьезное значение своим воззваниям, предписаниям или «работе на местах» давно уже перестал придавать и сам «Коминтерн». Реальная политика делается в «Коминделе», в комиссариате иностранных дел.

Руководитель внешних торговых сношений советской власти поведал недавно о том, как обделывали порученное им дело агенты «Коминдела»:

Мы всеми силами — докладывал Красин 5. сентября активным коммунистам Петрограда — стремились заинтересовать английский деловой мир. Когда уклонялось добросовестное купечество, мы обращались к полуспекулятивным элементам. С пушечным заводом Армстронга мы заключили соглашение о ремонте 1500 паровозов. Армстронг подвигивал своих рабочих, те давили на Ллойд-Джорджа, указывая, что русские заказы сократят число безработных. Английская буржуазия испугалась конкуренции Германии, и договор был подписан.

Заинтересовывая отдельные группы, вызывая зависть, сталкивая лбами отдельные фирмы, мы уменьшили свои потери при реализации золота. На днях будет подписан договор с Норвегией, в ближайшем будущем и Италией. Наше представительство в Лондоне организовало Карскую экспедицию, закупило все, что стояло в списках товаров нужных сибирскому ревкому. Начальником экспедиции был приглашен помощник Нансена по полярному путешествию Свердруп.

...В настоящее время мы очень недалеко от большого денежного займа, и этот большой заем даст нам никто иной, как Франция, которая только этим путем исправит свои ошибки по отношению к Советской России». («Красная Газета»).

{253} Теперь соглашение с Норвегией уже подписано. Договор признал, что «официальное представительство Р. С. Ф. С. Р. должно быть рассматриваемо, как единственное представительство российского государства» (п. 4 ст. 1).

Опираясь на это соглашение, советская дипломатия, под угрозой разрыва, вымогает аналогичного рода соглашение у Швеции. Она уже добилась заключения нескольких частных кредитных сделок на пятилетний срок в Швеции и Англии. «Заинтересовывая отдельные группы, вызывая зависть, сталкивая лбами» и, главное, поступаясь Россией во имя сохранения своей власти, советская дипломатия настойчиво «давит» и «подвигивает» на Запад и на Восток. Она вступает в соглашение с Японией на основе признания за Японией особых экономических прав в Сибири и распространении финансовой и торговой сферы ее влияния до Читы. Она заманивает Францию перспективой «жирных кусков» («les gros morceaux») которые в противном случае уйдут в Англию. «Пусть французское правительство изменит свое отношение к нам, и мы с открытыми объятиями (à bras ouverts) примем всех французских купцов или промышленников, которые предложат нам серьезные дела», — гласит чичеринское «послание» в «L'Humanité» 15.VIII.

Мы не знаем, как далеко пойдут большевики, чтобы воздействовать на Францию, «отставшую на гонках мировой буржуазии», и убедить ее «взять хороший финиш и опередить своих хитрых и коварных союзников» — «признать советскую власть не только де-факто, как это сделала Англия, но и де-юре» («Красная Газета» 6. IX).

Но, если вопрос о признании советской власти даже со стороны Франции стоит и падает в зависимости от признания большевиками царских займов, — то воистину судьбы своего международного признания советская власть держит всецело в своих собственных руках.

Признание старых долгов для ближайшего времени, конечно, {254} практического значения не может иметь. О завтрашнем же дне, большевики никогда не имели ни времени, ни охоты думать: хорошо продержаться, хотя бы сегодня! А что касается «принципа» — аннулирования иностранного долга, — то долго ли Чичерину сделать новое заявление: «ce n'est pas nous qui avons changé, mais le milieu qui nous envigonne» — не мы изменились; изменились внешние условия!..

Голод в России послужил для большевиков новым стимулом к тому, чтобы «заинтересовать деловой мир» в своей судьбе. И для тех, кто уже давно ищет только повода и предлога, чтобы отступить от прежних позиций непримиримости к советской власти, — что может быть благовиднее кредита советской власти для помощи голодающим? Большевики эту психологию учли, как учли и объективное положение Европы. Перед своим последним отъездом из Москвы в Берлин Красин сообщил советской печати: «Хувер по телеграфу предложил мне закупить продовольственные продукты в Америке, дабы создать прецедент оплаты сделок в Америку советским золотом». Нельзя быть уверенным в том, что Красин точно передал предложение Хувера. Но что слова Троцкого в речи в московском совете, после разгона Общественного Комитета, — «Помощь голодающим в силу мирового кризиса является вопросом о переломе отношений с Россией, о восстановлении с ней экономических отношений», — имеют серьезные под собой основания, в этом не может быть никаких сомнений. Троцкого и Красина интересует, конечно, не закупка продовольственных продуктов для помощи голодающим, а будущее советской власти. Одно из интервью Красина — в «Observer» — так и озаглавлено: «Как голод *помогает* советской власти»... Но то же зачастую больше {255} интересует и иностранцев, подходящих к проблеме помощи голодающим не с точки зрения непосредственного человеколюбия к страдающим, а с точки зрения своих национальных интересов или экономического восстановления Европы. Заинтересованность в судьбе советской власти начинает вытеснять интерес к судьбе голодающих.

«С точки зрения благополучия британского народа совершенно очевидно, что если Россия не будет ограждена от голода и, тем самым, сделается невозможным восстановление Европы, — значительная часть британского народа была бы обречена на бедность». И как практически вывод к тому, чтобы получить возможность вывозить предметы британской (и германской) промышленности, — что сократит число безработных, — и вывозить из России продукты продовольствия, — что освободит Европу от гнета американского валютного курса, — рекомендуется открытие советской России самых широких кредитов.

И это рекомендуют, уже не английские дипломаты или негодяи, — наоборот, английская дипломатия уже начинает менять свое отношение к советской власти, а известные благотворитель и ученый — председатель Комитета Помощи голодающим в Австрии — лорд Пармур и сэръ Георг Пэйч. (См. их письмо в «Times» 25. VIII).

В такой обстановке не могло не получить широкого международного резонанса соглашение, заключенное Чичериным с д-ром Нансеном 27 августа, в котором говорилось:

«Русское правительство, полагая, что финансовая помощь необходима для

избежания катастрофы, которая не только ввергла бы в ужасные бедствия большое число русских людей, но имела бы длительное влияние на экономическую жизнь Европы, просит д-ра Нансена тотчас возбудить от его имени ходатайство перед европейскими правительствами о кредите для России в 10 миллионов фунтов, — сумму недостаточную для разрешения вопроса во всей его величине, но которая позволила бы принять немедленные меры для облегчения теперешнего бедствия».

{256} Чичерин знал, что делал, подписывая эти соглашения. «Заинтересовать» через Нансена, так называемую, Смешанную Комиссию краснокрестных организаций, избравшую Нансена своим уполномоченным; «столкнуть лбами» эту комиссию с Комиссией помощи, созданную при Верховном Совете, «надавить» и «подвинтить»... Это было ясно. Но понимал ли д-р Нансен уготованную, ему роль? Понимал ли он, что в той тяжбе, которую он ведет, выиграть может только советская власть, но отнюдь не Россия? Предвидел ли он, что его самого станут «сталкивать лбами» с Нулансом, а хуверовская организация будет взята тем под большее подозрение, чем ближе к реализации будут «Нансенхозы» или «Совнанкомы»?..

Левые коммунисты (вероятно, Лубянка и «Коминтерн») уже подняли кампанию против договора с Хувером, считая самостоятельность американцев «унизительным для советской власти вмешательством в ее внутренние дела».

Можно не останавливаться на мотивах, руководивших отважным мореплавателем, когда он соглашался с большевиками. Можно не заподозривать ни его «национальной» близости к норвежской политике, взявшей определенно курс на советы (для России); ни его личной близости к начальнику Карской экспедиции Свердрупу, везущему ныне товары сибирскому «ревкому».

Но что этот «истинный друг советской власти», как его, вероятно, без достаточных оснований, спешит аттестовать Стеклов, — может быть, и сам не заметив, как, — но все-таки сделался радетелем и предстателем за большевистские интересы, ходатаем и маклером по изысканно для советской власти нужных кредитов, — это факт объективный и непреложный, чреватый последствиями и для России, и для Европы.

В деле помощи голодающим в России в ряде пунктов интересы некоторых капиталистических кругов Европы {257} сходятся с интересами коммунистов в России. В этом громадный соблазн для Европы. В этом же величайшая угроза будущему России.

Международную помощь голодающей России могут оказать раз. Нельзя рассчитывать на повторную помощь, в особенности, кредитную. «Содержать» Россию было бы не под силу и всему миру. Поэтому борьба с нынешним голодом в России неизбежно приводит и Россию, и Европу к вопросу об устранении *причин* голода, т. е. об условиях восстановления русского народного хозяйства, или судьбе большевистской власти...

Большевизм в России прожился дотла; растратил не только свое достояние, но и чужое; скомпрометировал не только себя, но и социализм, революцию, рабочий класс, демократию, самую Россию... Отныне он может существовать только при активной поддержке извне и прежде всего — только при финансовой помощи иностранных держав. Здесь, в вопросе о кредитах под фиктивный бланк «голодающие в

России» и за скрепой советского правительства, предполагающей тем самым его признание российской государственной властью, — завязан узел ближайшего будущего России.

Конечно для тех, кто ратует за международное признание советской власти, — для них здесь нет ни «узла», ни «проблемы». И «Социалистический Вестник» с своей точки зрения последователен. Это не дает ему, однако, никакого права, говорить о «вымогательстве «свобод» при помощи куска хлеба, протянутого из заграницы», («С. В.» № 14/15) по адресу тех, кто защищает необходимость самой напряженной помощи голодающим и в то же время отрицает возможность предоставления валютных кредитов «Совнаркому».

Мы призываем помогать людям, — но не советским учреждениям! Народу, — но не коммунистическому строю! {258} России, — но не большевистской власти! При полной готовности к любой работе на почве гуманитарной и краснокрестной, мы не можем и не хотим «отказаться от своего духовного и морального лица».

Эта позиция не нова. Она традиционна для русской общественности и демократии, революционной и неревolutionной. Эту позицию открыто и легально — правда, на весьма короткий срок — заняли «общественные работники» во Всероссийском Комитете. Ее ровно тридцать лет тому назад нелегально защищал революционер и народолюбец Степняк-Кравчинский.

«Голод не исполнит должности мусорщика России, — писал Степняк в декабре 1891 г. в «Free Russia». Сами русские, если в них еще осталось некоторое мужество, должны восстать, объединиться и заставить правительство уступить... Мы не можем призывать лишь к одной помощи голодающим. Мы должны также призывать к борьбе. Помощь бедствующим во что бы то ни стало! Но помощь для страны, помощь от кошмарной системы, которая есть причина теперешнего бедствия и которая повторит его еще и еще раз, если только ей позволять продолжать свое существование!»

Эти слова были написаны в «добрый» голодный год, в эпоху Александра III. Их призывный и вещий смысл сохраняет свою полную силу и в нынешнюю злую годину при торжествующей коммунистической власти.

VIII. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТУПИК?

I

I. Итоги черного года. — «Пролетарская революция» и «буржуазно-демократическая программа». — Практические достижения. — II. «Новый курс». — Старое в новом. — Новая буржуазия. — «Очаги культурного одичания и разложения». — Реставрационный ажиотаж. — Расчет на воображение. — Капиталистические организаторы социализма. — Что случилось? — III. «Уничтоженная октябрьской революцией» старая буржуазия. — Соблазны. — Капиталистический ренессанс в советской России. — Пример Европы. — На распутье. — Конец маневренного периода.

Минуло четыре года существования большевистской власти. Минул едва ли не самый *черный год* ее существования... Большевизм одержал победы как будто бы на всех фронтах: на внешних и внутренних, на военных и дипломатических. Уж пятый год он «царствует свободно» и все же не ушел от ощущений Годунова: — «но счастья нет моей душе».

«Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной, —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе;
Мне счастья нет»...

И, действительно, если сопоставить былой пафос большевизма, коим он освящал и для себя, и для других октябрь семнадцатого года, с тем скорбным последствием, почти {260} некрологом, которым звучат его нынешние оправдания четырехлетнего опыта; если сопоставить задание с достижениями, — ясно станет, почему не может быть ни счастья, ни отрады большевистской «душе», почему все труднее становится ей не только быть, но и казаться удовлетворенной.

Когда большевики шли к власти, они шли под знаменем социальной революции. Они создавали социалистический оазис, утверждали социалистическую республику. Они откинули свое прежнее, двойственное и в то же время половинчатое наименование и, вместо социал-демократов, провозгласили себя наиболее революционными и единственно последовательными социалистами-коммунистами. Еще совсем недавно в «Правде» от 28-VIII-1921 — Ленин уверял: «мы сделали гигантски много *сверх* буржуазной революции для социалистической пролетарской революции» (курсив подлинника). А теперь на съезде «политпросвета» Ленин признает: «мы совершили ошибку, решившись на немедленный переход к коммунистическому воспитанно и коммунистическому распределению... Этот шаг, впрочем, стоял в противоречии со всем тем, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму». И соответственно с этим, подводя четырехлетние итоги, Ленин дает уже гораздо более скромный баланс, нежели раньше: «пролетарская революция с корнем вырвала все

пережитки феодализма: монархию, сословные подразделения, помещичье землевладение, власть церкви и национальное угнетение. Она так блестяще выполнила эту буржуазно-демократическую программу именно потому, что является революцией пролетарской и что метила выше — к социализму» («Нов. Мир» № 223).

Метила в социалистический строй — попала в буржуазный. Взлетала высоко, а где-то села... Такую оценку можно бы было счесть злобным издевательством, если бы она не исходила от самого Ленина.

{261} Ленин прав, когда перестает говорить о социалистических достижениях «пролетарской революции». Но он не прав, говоря о «блестящем выполнении буржуазно-демократической программы». Не приходится говорить о выполнении буржуазно-демократической программы там, где все остатки демократизма беспощадно и давно уже выметены в столь излюбленный большевистскими публицистами «мусорный ящик истории».

Можно ли назвать блестящим выполнение, после которого приходится признаваться в собственных «ошибках», «стратегическом отступлении» и «повороте» настолько резком, что, по словам Ленина, даже испытанным членам «политпросвета» его не «постичь». Если буржуазно-демократическая программа уже осуществлена, то к чему призыв: «занимайтесь все хозяйством», напоминающий не то призыв Струве: «сажать капусту», а не заниматься политикой, не то лозунг орлеанского монарха «*enrzhichissez - vous*». Если Ленин теперь уверовал в то, что «мы должны разбудить личные экономические интересы крестьян, что очень трудно», и что «все отрасли национального хозяйства должны быть построены на личном интересе», — то к чему разоблачать и не только разоблачать, но и «бережно сохранять в коммунистических тюрьмах» социаль-предателей» «мелкобуржуазных демократов эсэров и меньшевиков»?

Но нельзя говорить о блестящем выполнении «пролетарской революцией» даже и отрицательной задачи — по искоренению всех пережитков феодализма; «монархии, сословных подразделений, помещичьего землевладения, власти церкви и национального угнетения». Может быть, ни один из пережитков в действительности не вырван «с корнем». Те же пережитки, которые «вырваны», в той мере, в какой они вырваны, обязаны этим не «пролетарской революции», а *национальной, мартовской*. «Пролетарская революция» сделала все для того, чтобы {262} дискредитировать и втоптать в грязь классические принципы буржуазно-демократической революции: свободу, равенство и братство. И она не только не осуществила этих начал, а дала силу и признание, можно сказать, *всем* пережиткам феодализма.

Монархический принцип приобрел новых адептов, а по сравнению с большевизмом — и сравнительное оправдание. Национальное угнетение — новые формы своего воплощения в советской унификации и централизме. Религиозное движение, достигшее исключительной степени распространения и напряжения — воодушевления и даже подвижничества, — создает более чем благоприятную почву для усиления, власти церкви. В процессе обезземеления крестьян изменились хозяйственно-психологические причины и поводы, но отнюдь не его размеры. По исчислениям большевистской «Экономической Жизни» № 178 сокращение посевов уже достигло 43,8%.

Наконец, наиболее характерные для феодального строя — личное закрепощение и подразделение населения на особые группы, категории-разряды, сословия, касты или классы превзошли в некоторых отношениях худшие, «классические» образцы средневековья.

Свою историческую миссию октябрь 17-го года видел в том, чтобы на место торжества идей третьего сословия дать торжество идее «четвертого сословия» — рабочему классу. Идея третьего сословия казалась узкой и ограниченной, ибо она требовала «формальной» свободы и равенства, — освобождения человека только как гражданина. Идея четвертого сословия представлялась морально более высокой, а социально более глубокой и широкой, потому что она требовала и материальной свободы, — эмансипации человека и как трудящегося: равенства в труде, освобождения от экономического гнета. Октябрьское извращение этой идеи заключалось в том, что идея четвертого сословия была противопоставлена идее третьего сословия, как ее отрицание, а не как развитие и завершение. Трудящийся и трудовластие были {263} противопоставлены, как антитеза, — гражданину и «формальной» демократии.

Маркс в своем «Коммунистическом Манифесте» утверждал: «только во имя прав всего общества может отдельный класс предъявлять требование на свое господство». Российские эпигоны Маркса, назвавшие себя коммунистами, предъявили требование на *свое* господство во имя прав городского пролетариата только его одного. Обреченность большевистской попытки осуществления идеи четвертого сословия с самого начала была предопределена тем, что, отрицая права человека и гражданина, свободу и равенство вообще, нельзя было утвердить эти начала и в более узкой сфере — в пределах самого «четвертого сословия», в среде одних только трудящихся.

Изгнанные из советского общежития свобода и равенство неизбежно сменились противоположными началами гнета и закрепощения, индивидуального и группового. На место условной и ограниченной буржуазной свободы стал безусловный и неограниченный коммунистический *учет*. Началось тираническое «регулирование» всех сторон жизни, производства, распределения, потребления не только хозяйственных благ, но и благ духовной культуры. Вместо царства вольного труда, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», — как гласил «Коммунистический Манифест», усилиями российских коммунистов было организовано царство принудительного труда и партийно-группового закрепощения на началах всеобщего уравнивательного угнетения.

Вся система нынешнего режима в России покоится на той же сакральной идее «Raison d'Etat» — государственной необходимости, или целевого управления, — которая так характерна для, так называемого, полицейского государства и дореволюционного феодально-крепостнического строя Западной {264} Европы. Это с неопровержимостью следует, не только из духа и текста советской конституции, целиком построенной на подразделении всего населения на разряды: лишенных права, имеющих некоторые права и наделенных привилегиями, соразмерно «общественной полезности», расцениваемой Центральным Комитетом коммунистической партии. Это следует и из повседневной практики жизни.

Давно уже быльем поросло то время, когда хотя бы по восьмушке

хлеба на день или на два, но все получали продовольствие уравнилельно. «Едоки» вскоре были распределены на категории согласно их полезности (или вредности) для советской власти. Право быть «Едоком» было прикреплено к повинности казне— быть советским служащим!.. Кто не работает «общественно полезно», т. е. в советских учреждениях, тот не ест. «Кто может отрицать за ним (пролетарским государством) обязанность требовать в пользу общества от каждого определенной суммы труда? — возмущался Троцкий в сборнике «Партии и Союзы» (стр. 257. — 1921 г.). — Никто, кроме жалких филистеров, круглых дураков или бесчестных демагогов»...

Морально-политическая обязательность труда сменилась его фактической принудительностью. Произошла милитаризация труда. Появились «тудармии» и «труддезертиры». Троцкий в «Анти-Каутском» разрешение всех хозяйственных затруднений продолжает видеть в том, чтобы, регулируя «регистрацию, мобилизацию и утилизацию населения, относиться к нему, как к резервуару необходимой рабочей силы». Рабочее государство, по убеждению Троцкого, может считать себя в полном праве принудительно поставить каждого рабочего на то место, где его работа необходима. Совершенно естественно, что для таких выводов Троцкий искал и нашел опору и аналогию в крепостном праве, которое в свое время являло собою тоже прогресс, ведя к подъему производительных сил.

{265} Былое формальное равенство в оценке труда, по признаку затраченного времени давно уже сменилось расценкой по качеству и результату труда; различием видов труда, и специальных видов квалифицированного труда; сдельной оплатой и доплатами «добавочных», «ударных», «премий» за успешность, ответственность и т. д.. Новейшее постановление В. Ц. И. К. различает *семнадцать* категорий или типов советской службы, при чем первая категория расценивается в 450 тыс. р. в месяц, тогда как семнадцатая — высший административный и технический персонал, — в 2 1/4 милл. р.. В проекте соглашения советской власти с Уркартом коллективный договор предусматривал *тридцать девять* категорий одних только квалифицированных рабочих с различными тарифами для каждой категории.

Словом, «пролетарская революция» давно уже забыла и думать о том экономическом равенстве, которое она утверждала взамен и в противовес «формальной» свободы и свободы экономической эксплуатации, которые принесла мартовская «обычная буржуазная» «империалистическая республика с Керенским во главе», как гласил один из 19 тезисов Ленина незадолго до разгона Учредительного Собрания. Вся сеть правовых и фактических отношений, сложившихся в Советской России, возвращает нас к XVIII-му и даже к XVII-му веку.

Здесь не только закрепощенный труд и лишение возможности перехода к другому труду без санкций власти. Вся система управления покоится здесь на «сословных» подразделениях, на сложной лестнице различных чинов и званий, осуществляющих власть по делегации от центрального ее средоточия. Имеется свое «благородное сословие» — коммунисты; второе сословие — ответственные советские служащие; затем, сословия рабочих, крестьян и т. д., в свою очередь подразделяемых на крестьян {266} безземельных, малоземельных, середняков, кулаков и пр. Каждое из этих «сословий» ведет свое существование и имеет свои

правообязанности, у одних исчерпывающиеся правами, а у других — обязанностями....Задача управления сводится к тому, чтобы небольшое число сытых, или неголодных, (коммунистов) оказалось в силах заставить большее число полуголодных (красноармейцев, чиновников, рабочих) держать в повиновении подавляющее число голодных крестьян и интеллигентов. В процессе развития советской системы управления первая категория обнаруживает тенденцию к сокращению: число «сытых» коммунистов убывает все сильнее. Другие же две категории полуголодные и голодные обнаруживают явную тенденцию к увеличению в числе.

Для нынешних противников социализма стало традиционным сблизать и даже отождествлять социализм с большевизмом. Тем большего внимания заслуживают те редкие случаи, когда беспристрастие возвращается к противникам социализма. В «Руле» № 253 совершенно правильно отмечается в явное, впрочем, противоречие, например, с передовой в № 289, — что «Советская власть не прекратила социалистического эксперимента, ибо она никогда его не начинала. В советской республике никогда не было ни тени социализма. И теперь она не возвращается к буржуазному строю. Она была и есть типичное феодально-крепостническое государство, возникшее на почве разрушения производительных сил страны и непрерывной войны».

За четыре года существования большевистской власти мы имеем не только отдаление от «конечной цели» трудящихся классов, но и лишение всего населения России. за немногочисленным слоем правящей верхушки, — всех видов, формальной и неформальной, свободы и равенства. Советский строй не только не дал «максимума демократизма для рабочих и крестьян». Как {267} пытается уверить Ленин в своей юбилейной статье в «Правде» № 234. Он не дал им и минимума демократизма. Он и не мог его дать, ибо подлинный демократизм, если он существует, — существует для всех; если же его нет, то его нет ни для кого... Ленин пишет: «мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца», «походя, мимоходом, как побочный продукт нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы».

Именно потому, что большевики считали буржуазно-демократическую программу не только «побочной», как они сейчас уверяют, а противной и противоречащей «главной и настоящей» программе, «пролетарски-революционной, социалистической», — именно поэтому они не только не довели буржуазно-демократическую революцию до конца, а вернули Россию вспять к каторжному, полицейско-крепостническому режиму Аракчеева и дальше — к эпохе Екатерины и Петра I.

II.

Итак, в прошлом — «мы совершили ошибку, решившись на немедленный переход к коммунистическому воспитанию масс и коммунистическому распределению». Зато в настоящем, сознав свою ошибку, «мы» сделали «резкий поворот», взяли «новый курс»...

Правда, этот мотив, усердно варьируемый коммунистической

властью, нисколько не вяжется с тем бравурным самодовольством, которым отмечены параллельным утверждением о «блестящем выполнении» буржуазно-демократической программы и даже «гигантски многого» «сверх» нее. Не будем задерживаться на том, что политике Ленинского коммунизма противостоит политика других коммунистов, так называемых, левых, группирующихся вокруг «Коминтерна» и В. Ч. К.: что {268} даже сторонники «нового курса» определенно заявляют, что «видоизменения и ограничения коммунизма» предполагается подчинить «той мере, которая будет совместима с сохранением власти, существующей ныне в России», — как формулировал это Литвинов сотруднику копенгагенского «Социал-Демократа». Но ведь Ленин и его единомышленники сами неоднократно подчеркивают, что никакой новизны в новом курсе или повороте собственно и нет, — что можно говорить лишь о «новой политике» в кавычках.

«Нечто непонятное происходит сейчас в некоторых уголках нашего отечества в связи с так называемой «новой» экономической политикой. Коммунисты, прошедшие марксистскую школу, прекрасно понимают, что ничего нового в этой политике нет», — писал Стеклов в «Известиях» 16. VIII.

Также и главный большевистский национализатор Ларин пишет, что «новый курс», делающий ряд уступок капиталистической форме хозяйства, вовсе не является новым, а, напротив, он то и соответствует коммунистическим принципам. Передачу предприятий в руки частных лиц и свободу торговли надлежит рассматривать не как «отклонение, а как выпрямление фронта». «Дискуссия о «новом курсе» и сам «новый курс» явились в мир, по крайней мере три года тому назад». — указывает «Новый Мир» 15/X-1921 г., — еще с выступления Ленина на заседании в В. Ц. И. К. в мае 1918 г., когда велись «нашумевшие переговоры с директором Коломенского завода Мещерским об образовании гигантского металлургического треста», а за Мещерским стояли иностранные банки и американцы: еще тогда Бухарин оспаривал «новую политику» «государственного капитализма».

Эти указания справедливы. Еще в январе 19 г. издан был декрет, разрешавший советским учреждениям, в случаях {269} невозможности удовлетворить свои нужды продуктами национализированной индустрии, прибегать к услугам вольного рынка. Под видом «кустарных» и «кооперативных» товариществ давно уже культивировались та самая «частная инициатива» и «личный экономический интерес», пробуждение и возбуждение коих утверждаются как задача «нового курса». Точно также и снабжение армии, и поставка дров при посредстве так называемых, «государственных заготовителей» служили пунктами приложения частнохозяйственной энергии и инициативы и до новейшей эры «государственного капитализма».

Перед нами показания эксперта — специалиста, занимавшего должности последовательно от делопроизводителя до управляющего отделом в «Главколесе». Он пишет:

«В области заготовки и вывозки дров и лесных материалов, где допускается, в извращенной и хищнической форме, частная инициатива, в виде сдачи подрядов, — берут при подписании договоров, берут за отвод лесных площадей, берут за выдачу

авансов, берут за отпускаемое продовольствие и инструменты, берут при приемке дров, берут за подлоги в обмере дров и в указании расстояния возки, — словом, всех возможностей взять не перечесть. В деревообрабатывающей промышленности, имеющей дело с национализированными заводами, соприкосновения с частными лицами меньше; но и здесь берут за отсрочку национализации, за требующийся состав Правительственного Правления завода, за сдачу подрядов, за отпуск лесных материалов, и т. д. К тому же взятки дают не только частные лица, но и учреждения: Продрасмет не отпустит Главлескому пил, Наркомпрод продовольствия, Главкож — кожи, без «смазки» соответствующих лиц; в свою очередь, при распределении Главлескомом этих предметов или лесных материалов между другими учреждениями дело не обходится без взяток.

...Неискоренимому личному интересу обязана русская промышленность тем, что не все заводы расхищены, не все запасы лесных материалов уничтожены, сожжены или распроданы... Не будь замешаны во всех советских промышленных комбинациях соображения личной выгоды, отмерла бы главная часть деятельности учреждений, {270} исчезла бы или сократилась до минимума «производительная инициатива», лишенная своего действительного стимула». (См. ст. И. Рапопорта в «Архиве Русской Революции», т. II, стр. 104-105).

Эти наблюдения восходят еще к началу 19 года — сентябрю 20-го. Самая же «экспертиза» составлена еще до применения «новой экономической политики». И, когда теперь параллельно с «Главколесом» возникает лесной трест, в правление коего привлекаются некоторые владельцы и управляющие национализированных предприятий, то вряд ли подобных фактов достаточно для того, чтобы признать их «поворотными» в истории большевистского управления Россией. Конечно, личное положение и благополучие отдельных главноуправляющих и промышленников, Либерманов, Колотидовых, Зайцевых, фон-Мекков, Мешковых и т. п. может значительно измениться к лучшему от того, что они, совместно с коммунистами, вошли в правление «Северолеса» и получили от Высшего Совета Народного Хозяйства не много — не мало, а 26 миллионов десятин леса с 43 лесопильнями, государственный заем в миллион золотых рублей и некоторую возможность самостоятельного экспорта и займов за границей...

Но вряд ли такие меры способны поднять авторитета советской власти за границей, как на то рассчитывает «Экономическая Жизнь». А, главное, — вряд ли от расширения частнохозяйственной инициативы при сохранении большевистской власти можно ждать каких-либо иных результатов, кроме тех, которые можно было уже наблюдать на примере лесной и деревообделочной промышленности.

Достаточно было наполовину приоткрыть двери этой частной инициативе во все отрасли промышленной и торговой деятельности советской России, как все поле зрения даже казенных бытописателей оказалось без остатка занято новым явлением — «совбурами», новой советской буржуазией, «совбирами» (советскими биржевиками) и «совбюрами» (советской бюрократией).

{271} «Буржуазная стихия поперла сейчас из всех щелей, и нет сомнений, что в ней скоро потонет политическая власть большевиков, — это просто закон жизни». Так пишет из Риги только что приехавший из Советской России антибольшевик социал-демократ.

«Центр тяжести всей нашей жизни, всех слоев русского населения, от дворцов до хижины — был в духовной ценности жизни... Революция доказала могущество материальной стороны, и, чтобы пройти к подлинному свету духовной ценности, русскому человеку необходимо пройти через этап ценности материальной. Это он понял из всего опыта революции и понял, что пробиваться к этому ему необходимо.

...Это «прет» из жизни, «прет» всякому в самые глаза, и, может быть, от этого всякое национальное, экономическое, духовное и иное прочее отпевание русского народа всеми сидящими за рубежом страны русскими — приобретает окраску детского лепета».

Это пишет уже в большевистском «Новом Пути» № 205 В. Муйжель. Различны морально-политические оценки там и тут. Но самый факт «прущей» изо всех щелей силы отмечается согласно. О происхождении этой силы яркое представление дает описание другого большевистского издания. «Новый Мир» № 204 пишет:

«Незаметно выросла большая, новая сила. Хитрая, серая, наглая, ни перед чем не останавливающаяся, лишенная каких бы то ни было сдержек и культурных традиций... Представьте себе этого (германского) «шибера» в азиатском варианте, и вы получите представление об основном ядре московской новой буржуазии. Спекулянт или сокращенно «спек», вчера еще гонимый и преследуемый законом по всей линии, он сегодня легально признан. Значительная часть его операций узаконена.

...Основное ядро новой буржуазии... элементы, несомненно, общественно-вредные и, с точки зрения закона, преступные. Спекулянт, казнокрад и взяточник — вот три наиболее характерные фигуры среди новой буржуазии. Новый буржуа — редко выходец из рядов старой крупной буржуазии. Обычно это вчерашний мелкий торговец, кулак, кабатчик, коммивояжер, а то и {272} шулер или профессиональный сбытчик краденого, как мы уже говорили, у него нет никаких культурных традиций и нет даже того небольшого подобия внешней культурности, которую успела приобрести старая буржуазия, уничтоженная октябрьской революцией.

...Не внося в жизнь Советской России ни новых материальных ценностей, ни культурных традиций, ни хотя бы элементарных «добродетелей» мещанской порядочности, новая буржуазия является чисто отрицательной и в экономическом и культурном отношении силой. Грубая, наглая, безвкусная, примитивно-жадная, она является очагом культурного одичания и разложения».

То же отмечают московские «Известия»:

«Ни в одной самой богатой капиталистической стране нет такой разнузданной расточительности, такого мотовства и обжорства, какие царят сейчас у нас среди «совбуров» и вновь испеченной буржуазии. В Париже, Лондоне, Нью-Йорке — роскошь от изобилия, у нас — роскошь среди неслыханного обнищания, среди невиданного голода.

... Наша буржуазия находится в периоде первоначального накопления, но она еще не обладает талантом накапливать, и на глазах у голодного населения бесцеремонно съедает то, что она ворует у государства или выжимает из голодного населения».

Трудно более красочно изобразить социально-политическую и моральную природу той силы, которую большевизм сумел вызвать, но которые он, конечно, бессилён обезвредить. Если деятелям «октябрьской революции» приходится с оттенком уважения и горечи вспоминать достоинства «старой буржуазии, уничтоженной октябрьской революцией», — то в этом, быть может, лучший приговор самой «октябрьской революции», «блестящему выполнению» ею намеченной программы. Подобно библейскому пророку Валааму, большевизм вышел для проклятия, а кончает благословением. Он начал с уничтожения старой буржуазии, обладавшей хотя бы «небольшим подобием внешней культурности». А кончил — насаждением новой буржуазии, «грубой, наглай, безвкусной, примитивно-жадной», которая даже {273} малотребовательному коммунисту представляется «очагом культурного одичания и разложения»...

Уже больше полугода прошло, как в дни кронштадтского восстания был провозглашен «новый курс», и начали строиться «мостки,

ведущие в мелкокрестьянской среде через государственный капитализм к социализму» — по юбилейной формуле Ленина в «Правде» № 234.

Защищая тогда отмену хлебной разверстки и частичное разрешение свободной торговли, Ленин доказывал, что эти меры «не страшны», потому что «мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю» и «государственная власть остается в наших руках». С того времени было введено много новшеств и, хотя главное и всеопределяющее в настоящих условиях — власть продолжает оставаться в руках большевиков, «фабрики, заводы, транспорт и заграничная торговля» в некоторой, пока весьма ограниченной, мере уже уходят из рук большевиков.

Пресловутый учет повсеместно ограничивается. За его счет расширяется сфера «частной инициативы». Сдаются в аренду частным лицам предприятия, от которых советская власть потеряла надежду получить «интересную прибыль» для своего «государственного капитализма». Постановлено, в частности, сдать в аренду некоторые винокурные заводы («Новый Мир» 29.X.). Создаются тресты — пожалуй, более похожие на откупа, — «с устранением мелочной государственной регламентации, с ведением хозяйства на основе рентабельности и с применением выплаты танъемы для организаторов» («Новый Мир» № 146). Реставрируется «Положение о государственных подрядах и поставках»: последние должны сдаваться путем публичных торгов с предварительным опубликованием о времени и условиях торгов. Открываются биржи, — пока еще не фондовые. Восстанавливаются в крупных городах отделения Государственного Банка с допущением производства операций по учету {274} векселей, приму и выдаче вкладов, покупке и продаже за собственный счет и по поручению, и т. д. Проводится сокращение государственных расходов и увеличение доходов путем возвращения к принципу платности за обучение, за лечение, за паек, жилище, проезд и т. д. Вводится косвенное обложение. Устанавливается обязательность предварительного представления смет. Воспринимаются сверх- и вне- сметные ассигнования. Разграничиваются бюджеты общегосударственный и местные. Одобрен проект комиссариата труда о допущении вольнонаемного труда в промышленности. Поднять вопрос об устранении «неопределенного землепользования, препятствующего отдельным старательным крестьянам улучшать свое хозяйство».

Установлено, что сделки на сумму свыше миллиона рублей должны быть засвидетельствованы в нотариальном столе. «Приходится подумать, пишет «Красная Газета», и о наследственном праве для того, чтобы договоры аренды, займы и банковские операции получили применение. Поэтому в настоящее время в Москве вырабатываются нормы нового обязательственного права». Наконец, последний, но далеко не худший шаг — засвидетельствованная советской властью готовность «пойти навстречу мелким держателям русских займов», и «признать обязательства государственных займов, заключенных до 1914 года» царской властью под условием: «представления льгот», обеспечивающих возможность выполнения этих обязательств советской властью, и международного признания советской власти. («Нов. Мир» I.XI.).

Своим темпом и ажиотажем реставрационное творчество «нового курса» живо напоминает период «декретомании» в первые месяцы большевистского управления. Как и тогда, все большевистские шаги и жесты рассчитаны больше на воображение, на то, чтобы поразить и

удивить, нежели на реальное дело. И хотя все шаги и жесты делаются теперь в направлении обратном прежнему, они не способны вызвать улучшения в хозяйственном {275} положении России.

Наоборот, имеются данные о явном уклоне к дальнейшему ухудшению. Официальный «Наказ Совнаркома» (от 9. VIII.) о проведении «новой политики» отмечает «резкое ухудшение в целом ряде отраслей хозяйства, даже по сравнению с концом 1920 г.». На август, по свидетельству «Экономической Жизни» № 171, погрузочные расчеты строились «исключительно на использовании старых запасов (Донецкого бассейна); о свежей добыче к вывозу не может быть, по-видимому, и речи». Председатель «Сто» (Совет обороны и труда) Смилга тщетно взывает к «Рабочим, покинувшим Донбас» —: «Возвращайтесь на шахты, хлеб вам обеспечен; на месте введены новые правила оплаты труда; рабочему и хлеб, и деньги будут выдаваться сообразно производительности. Кто больше, производительнее работает, тому больше хлеба, продовольствия, заработка. Опустевшие шахты вас ждут. Возвращайтесь в красный Донбасс! Берегитесь за кирку, идите в забой! Давайте уголь из шахт на поверхность!»...

Увы, рабочие не возвращаются, за кирку не берутся, не идут в забой и угля не дают...

В столицах, верно, внешняя картина жизни изменилась. Наблюдатели петроградской жизни отмечают, что там вновь появились не только лихачи, которых, впрочем, избегают даже те, кому они по средствам, так как лихачи — агенты Ч. К., — но и... собаки, кошки, голуби. В обеих столицах открылось множество магазинов, где продается пудра, духи, зонты, бумажники, статуэтки. Почти в каждом доме открывается своя булочная. А на каждые 3-4 дома — своя кофейная, ресторан, гастрономический магазин. Яства и деликатесы дразнят советского жителя, не утоляя его голода и вызывая в нем лишь возмущение слишком уж бесцеремонным доказательством постигшего его абсолютного и относительного обнищания. Некий С. А-ч пишет из Москвы 2 октября:

{276} *«А как смотрят на витрины! — Боже мой, вы не знаете, вы не представляете себе, что значит смотреть на эти витрины человеку, два года не евшему, два года в глаза ничего, кроме пропитанной соломой пародии на хлеб, не видавшему, измученному, истасканному, человеку, в течение долгих месяцев мечтающему лишь об одном — «поестъ бы». Долгими часами стоят у этих окон странные, застывшие скелеты, стоят облокотившись иссохшие детишки и жадными глазами смотрят на обильные яства, от которых отделяет их маленький кусочек прозрачного стекла. Вот стоит какая-то старушка, жена профессора, смотрит и невольно потирает живот; вдруг заметила, что кругом люди ходят, сконфузилась, притворяется, что жакетку поправляет... А сумасшедшие. Сколько их теперь развелось, этих несчастных, помешанных на голоде. О, как они смотрят на эти окна! — жутко делается. Но так долго продолжаться не может. Нельзя показывать умирающему с голоду хлеб, не связав его предварительно веревкой. И витрины долго не просуществуют. Битье стекол непременно произойдет». («Руль» № 277).*

Ленин может сколько угодно уверять: «новый поворот в политике, решен всерьез, надолго и никаких колебаний в этом направлении *не может быть*» (3-ье Всероссийское Продовольственное Совецание). Но кто же может поверить этому диалектику, с равным жаром и убеждением доказывающему историческую непреложность противоположного не в разное время, а одновременно?!. Перемена «курса» аргументировалась признанием прошлой ошибки и сознанием необходимости

«стратегического отступления» — уступок мелкобуржуазной крестьянской стихии в отсталой стране.

И в то же время никому другому, а Ленину принадлежат строки в «Правде» № 190 о том, что «все нападки на изменения нашей революционной программы, есть не что иное, как меньшевистские и эсеровские бредни. Мы по прежнему создаем социалистическое государство».... Ведь Ленин без стеснения заявляет и сейчас: «не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо массы также поддаются иногда, особенно в годы исключительной усталости, настроениям несколько не передовым» («Правда» от 22. IX).

Стоит завтра {277} Центральному Комитету коммунистической партии признать, что «массы поддались несколько не передовым настроениям», культивируемым так ревностно самой властью, и все замысловатое построение «нового курса» летит вверх дном: признав себя свободным от подчинения «указаниям масс», новый курс тотчас же обратится в свою «противоположность» — превратится в прежний, уже испытанный курс. Хорошо, «Совнарком» разрешил сдачу в аренду запущенных и негодных для «государственного капитализма» предприятий. Хорошо, центральный орган коммунистической партии «Правда» признал, что и коммунистам вместно быть арендаторами, — и редактор «Правды» Сосновский вместе с Троцким и его свитой — Лебедевым, Склянским, Мураловым, Авровым и пр., уже стали во главе трестированных в Москве предприятий: кожевенного завода Бахрушина, механического Кертинга, проволочно-гвоздильного Лазарева, брезентовой фабрики Болотина, обувной «Орел» и т. д. Но ведь Центральный Комитет коммунистической партии уже издал циркуляр, «категорически запрещающий участие коммунистов во всех хозяйственных организациях, применяющих наемную плату, в качестве владельцев предприятий или их арендаторов». И кто знает, быть может, скоро следующий циркуляр «отзовет» коммунистов из правлений трестов...

Известная психологическая обстановка, — хотя бы некоторая уверенность в устойчивости правопорядка, необходима для всякого хозяйственного процесса. Тем более — для восстановления хозяйственной жизни из тех руин и хаоса, которые являет собой нынешняя Россия. Всякое хозяйство нуждается в кредите. На какой более или менее значительный и долгосрочный кредит может рассчитывать страна, в которой население явно не доверяет власти, а власть не «кредитует» население настолько, что контролирует даже его «настроения», — передовые они или нет?..

{278} Не априорные лишь соображения подтверждают эти сомнения. Их подтверждают такие документы, как открытое «Письмо председателя правления русско-азиатского объединенного Общества Л. А. Уркарта», адресованное Красину от 11 октября. Говоря от имени акционеров Общества, Лесли Уркарт напоминает «о всегда проявлявшемся нами искреннем желании возобновить работу в России... Мы обнаружили полную готовность пойти очень широко навстречу коммунистическим взглядам советского правительства, мы уступили на самом деле по многим пунктам». Уркарт отклонил предложенную ему концессию по целому ряду чисто деловых оснований. Среди них он не мог не упомянуть и о таких :

«Согласиться на условия, в силу которых любая из местных организаций Советского Правительства могла бы снять с производительной работы на концессии

высокооплачиваемого русского служащего, интеллигентного работника или квалифицированного рабочего и заставить его чистить улицы или заниматься какой-либо черной работой, — являлось бы экономическим абсурдом; хотя подобные условия и существуют ныне повсеместно в России, — я лично, мои коллеги и, по моему глубокому убеждению, каждый из акционеров нашего Общества не может принять участие в договоре, содержащем столь унижительную и несправедливую в отношении наших русских товарищей по работе статью».

«Государство не признает никаких обязательств по отношению частных лиц или подданных. В коммунистическом государстве единственно признанным и обеспеченным в своем исполнении обязательством является абсолютное подчинение каждого лица государству... Члены «судов революционной совести» являются людьми не особенно высокого развития, не имеют юридической подготовки и все без исключения принадлежат к коммунистической партии... Если он не является членом привилегированной коммунистической партии, никто в современной России не может быть признан свободным человеком».

И, наконец, — «Чека». «Она собрала вокруг себя не только коммунистов, но и уголовных преступников, как русских, так и международных. «Чека» является одновременно и прокурором, и судьей, и присяжным, и {279} палачом с бесконтрольной властью над жизнью и смертью своих жертв. Эта тайная полиция покрыла страну самую развитую системой шпионажа, наполнив своими осведомителями и агентами-провокаторами все населенные места русского государства. По этой причине сегодня власть «Чека» в России сильнее власти советского правительства.. При исполнении предложенного договора вся деятельность концессионера-предпринимателя и его служащих и рабочих до частной жизни их у себя дома включительно протекала бы под непрерывным надзором этой террористической организации и под угрозой ее вмешательства».

Таково свидетельство делового коммерсанта, побывавшего в советской России уже *после* проведения «нового курса» и «обнаружившего полную готовность пойти очень широко навстречу коммунистическим взглядам советского правительства». Британский делец приходит к выводу: «мы не можем признать в настоящее время целесообразным продолжением переговоров о возвращении нашего имущества и предпочитаем оставаться как до сих пор в положении истцов по отношению к России, за убытки, причиненные советским правительством»... И «Экономическая Жизнь» с огорчением вынуждена констатировать:

«До сих пор нет ни одного серьезного предложения, ни одного капиталиста-предпринимателя. Солидные фирмы требуют солидных гарантий, солидного обеспечения, солидных доходов. При нынешних обстоятельствах трудно найти охотников».

Пока возможны угрозы: «как в 1918 году, мы ответим волной красного террора, направленной против представителей буржуазного класса. То, что мы говорим, — мы приводим в исполнение. И потому буржуазный класс в России должен одернуть своих обалдевших собратьев по классу» («Красная Газета» от 7. X), — никакие заверения более выдержанных заграничных изданий о том, что «волос не упадет с вашей головы. Договор с вами будет свят и нерушим, а дивиденды ваши неприкосновенны» («Нов. Мир» № 218), не способны, конечно, {280} произвести какое-либо серьезное впечатление на людей, имеющих что потерять.

И с этой точки зрения какой-нибудь один услужливый Лемке более опасен для нового курса, чем десяток явных его противников. Разбирая в «Новом Пути» положительные и отрицательные стороны вновь открывшихся кафе, этот нео-коммунист видит их «положительную сторону» в том, что:

«они дают возможность точно учесть всю ту накипь, всю ту пену, которая образовалась и образуется при кипении творческого республиканского котла во властных руках машиниста-пролетария.

...Все, что нещадно силится доставить себе «радости жизни» — все это теперь на виду, все это подлежит точному учету; все эти антисоциалистические и контрреволюционные силы всплыли и бороться с ними будет легче, чем прежде, когда они скрывались на дне буржуазного подполья».

Аналогичные мысли, естественно, приходят в голову и не коммунистам...

Когда на производство 1 п. сахару тратится, помимо заработной платы и разных других пайков, — 1,12 п. сахару в Правобережной Украине и 1,4 пуда в Киевской губ. («Эконом. Жизнь» № 170); когда, добывание 1 золотника обходится советскому хозяйству в 2 1/2 золотника («Экономич. Жизнь» № 178) ; когда советский бюджет сводится с дефицитом в 98 % (в 1920 г. дефицит достиг 87 %) ; когда в абсолютных цифрах расходы на 1922 г. исчисляются в 22 триллиона, а экспедиция заготовления государственных бумаг при всем ее напряжении и упрощенном печатании только крупных купюр, по вычислениям петроградской «Правды», не в силах дать больше 1/3 потребного количества знаков, когда от русского золотого запаса перешли уже к расхищению румынского фонда; — о, тогда терять, действительно, уже нечего, и *всякий* курс лучше прежнего!

Советская власть признала свою неспособность вывести {281} Россию из экономического хаоса. Свои коммунистические усилия она хочет теперь сопрячь с капиталистическими. С новым курсом, поэтому, связано и новое толкование диктатуры пролетариата. Известный прожектор Ларин открыл, что диктатура пролетариата вовсе не предполагает выполнения самим пролетариатом всей необходимой организационной работы, — она состоит в том, чтобы «использовать хозяйственные и организационные силы других слоев и классов и заставить их присоединиться к основному экономическому течению». Ему вторит и «Новый Мир» № 218, заявивший: «факт скрыть нельзя — в России пытаются заставить капиталистических организаторов работать на социализм».

«Заставить капиталистических организаторов работать на социализм» это — не только новый вариант крымской выдумки Струве о левой политике правыми руками. Это вариант Зубатовской выдумки, с тою только разницей, что Зубатов хотел заставить работать на самодержавие некие сплоченные кадры рабочих, тогда как Ларины и Н. Орловы рассчитывают использовать во славу коммунизма распыленных мародеров новой буржуазии...

Нет, как капиталистическими руками не создать коммунизма, так и коммунистическими руками не восстановить капитализма. «Новый курс» не мог упразднить коммунизм, потому что его и до «нового курса» не было. «Новый курс» не мог насадить и капитализм, потому что он и до «нового курса» никогда окончательно не исчезал. Все то новое, что случилось, сводится к тому, что внутренние, подпочвенные процессы, протекавшие раньше в советской России под спудом и прежде незаметные, ныне прорываются наружу и кричат о себе.

Соответственно с этим перестроила свои инструменты и большевистская власть.

Раньше порочная власть приносила свою {282} дань добродетели: она лицемерила и пыталась скрыть, замолчать, приукрасить действительность, стараясь сохранить «и в подлости оттенок благородства...». Ныне все маски скинуты, грим смыт, все хорошие слова и принципы отброшены. Когда тайное стало явным и не стало ни возможности, ни смысла его отрицать, — его легализуют и освящают юридически и морально-политически, возводят в норму и пробуют выдать за какой-то принцип новой политики. Только и всего.

Этим пока и исчерпывается смысл того «поворота к экономическому реализму», о котором, вслед за большевиками, заговорил и Л. Мартов и который он относит частично на счет «школы пролетарского марксизма, через которую, как никак, прошли главные кадры большевистской партии и которая, после банкротства их опыта, позволила им ориентироваться в выборе новых путей экономической политики, чтобы удержаться у власти». (Социалистич. Вестник» № 18).

В «школе пролетарского марксизма» мы склонны видеть лишь «в конечном счете» причину того, что «новые пути» большевиков фатально — или диалектически — оборачиваются уже пройденным, старым путем. Большевистская же власть, правда, слишком медленно, но все-таки неуклонно идет ко дну. Перед тем, как окончательно скрыться под водой, она делает судорожные усилия, барахтается, цепляется за все, что ни попало, в надежде — выплыть. Мертвый хочет схватить живого. Это может ему и удастся. Но и в таком случае мертвому не ожить.

III.

Реставрацией худших элементов прошлого, капитуляцией по всей линии хозяйственных отношений коммунисты рассчитывают избежать или отдалить час политической своей капитуляции. Тот процесс распада и анархизации экономического быта, {283} который принял такие жуткие размеры сейчас, — начался не с марта нынешнего года, а с первого же дня прихода большевиков к власти. И мы сейчас, не на новом повороте в сторону экономического реализма, а на продолжении упирающейся в тупик утопической политики, датируемой октябрём 1917 года. Нынешние декреты — всходы органически, по всем законам естественной необходимости развившиеся еще из предоктябрьских семян. И именно потому, что капитуляция и реставрация идут сейчас хотя и полным ходом, но односторонне, только по экономической линии, — он фактически равнозначны отсутствию всякой капитуляции.

Путь, который большевики заставили пройти Россию, Каутский назвал: «От демократии к государственному рабству». Большевики стараются уверить общественное мнение Европы и Америки, что сейчас они, во всяком случае, повернули в сторону от того, куда шли и пришли: сейчас они идут к возрождению буржуазного строя, ибо, по утверждению Ленина на съезде «политпросвета», пролетариат «деклассирован и перестал существовать, как пролетариат», при новой же политике — «если будет выигрывать капитализм, будет расти и пролетариат» («Нов. Мир» 2. XI. 1921.).

Буржуазное возрождение, капиталистически ренессанс! Есть от чего придти в волнение не только «псам и свиньям умирающей буржуазии», — по юбилейному выражению самого творца «ренессанса»

— Ленина («Красн. Газета.» 20.X). Головокружительный рост и главное, успех новой, отечественной буржуазии поразил воображение старой, впечатлительной и нервной, «уничтоженной октябрьской революцией» буржуазии.

К советским соблазнам прибавляются заразные примеры именитой иностранной буржуазии: за английскими негоциантами в переговоры с Красиным вступили и итальянские, норвежские, германские и даже французские: Шнейдер-Крезе, Лионский {284} Кредит, «Мессажери-Маритим» и т. д. Если «сам» Нуланс оказался во главе «Торгово-Промышленного и Финансового Общества для России и лимитрофных стран», установившего коммерческие сношения с Одессой, Новороссийском и Батумом и поставяющего различного рода грузы советской власти: если Нулансу можно фигурировать на суде, в качестве ответчика по делу о возмещении стоимости 100 бочек минерального масла, приобретенных фирмой «Андрэ — сын» у бр. Нобель в Баку и перепроданных советской властью Обществу Нулансу (см. Письма из Парижа Ж. Колэ в «Руть» от 12 и 19 октября с.г.); — естественно, что и российские капиталисты, исконные «люди дела», а не «краснобаи», могли задуматься над вопросом: не время ли сказать от устаревших «буржуазных предрассудков» и заговорить с советской властью?

Если даже активные противники советской власти — Ключниковы, Носковы и Слащевы склонились перед ней политически и морально, — то почему бы практическим деятелям — не политикам! — не вступить в соглашение с этой властью *экономически*, на почве исключительно деловых и жизненных интересов России, — прежде всего, конечно, России?!

Несколько месяцев тому назад эти сомнения возникали и разрешались отдельными российскими капиталистами индивидуально и сепаратно от других. Исполнительный орган съезда представителей русской промышленности и торговли в Париж — Совет Союза 8-го июля нашел, что «действия русских зарубежных промышленников и торговцев, вступающих в коммерческие сношения с агентами советской власти, нарушают принятую на общем съезде тактику русского торгово-промышленного класса по отношению к коммунистам и что, поэтому, вступление представителей торгово-промышленного класса {285} за границей в коммерческие сделки с большевиками должно быть признано недопустимым».

Теперь перед экспропрированной и очутившейся на чужбине «старой» буржуазией ставится вопрос в другом, более общем виде. Возникает вопрос о тройственном соглашении — не об «алльянсе», а об «антанте» — с былыми экспроприаторами их предприятий — большевиками и с высшими служащими, перебившими хозяина и ставшими советскими «спецами», или «ответственными работниками». Проектируется сложная кооперация на началах разделения труда. Коммунисты, политически себя страхующие или интересующиеся — «тантьемами», — царствуют, но не управляют. Управляют высшие служащие. А бывшие русские владельцы предприятий посредничают и привлекают иностранцев для оплодотворения национализированных у них предприятий. Вознаграждение и дивиденды распределяются соответственно принципу Струве: по «личной годности» или Фурье и Маркса: по способности и затраченному труду...

Настроения некоторых кругов близких русской промышленности можно иллюстрировать следующими извлечениями из одной частной «Записки»:

«Существует до сих пор весьма распространенное мнение, что большевистская практика совершенно уничтожила русскую промышленность, торговлю и финансы. По существу это неверно.

...Правда, многие заводы и фабрики стали, но они стали не благодаря национализации, а благодаря отсутствию сырья и топлива, а равно и недостатку рабочих рук из-за мобилизации... По существу торговля прекратилась лишь отчасти благодаря функционированию власти коммунистов, а в значительной степени благодаря гражданской войне, отсутствию товаров, наличию блокады всех границ и затруднениям в промышленности и транспорте.

...Пробуждается инстинкт собственника и хозяина... Чрезмерная прямолинейность советской власти в вопросах воссоздания хозяйственной жизни страны осуждена ныне самой советской властью... Не будь той действенной {286} оппозиции, которую культивировала русская буржуазия по отношению советской власти в целях вырвать у нее политическую власть, по всей вероятности сдвиг коммунизма на платформу государственного капитализма и частного признания прав собственности произошел бы значительно раньше, а степень экономического разрушения, происшедшего уже при ослаблении авторитета советской власти внутри страны, была бы значительно меньшей.

...Резюмируем сказанное и постараемся наметить деловую форму в финансовой и промышленной областях, могущую быть принятой для работы русской буржуазии. Итак Россию разорила непосильная война. Промышленность, торговлю и финансы добил бунт темной, алчной, надорванной и пришедшей в отчаяние черни. Правительство кадетов и социалистов бросило страну в объятия анархии, большевики спасли мало, но спасли многое из того, что могла при данных условиях спасти твердая и безжалостная автократическая власть. Пора приступить к созданию новых ценностей!».

На съезде представителей русской промышленности и торговли полгода тому назад один из идеологов съезда, сравнивая век нынешний и век минувший, говорил: прежде — «торгово-промышленного класса не было. Были люди, которые торговали, которые занимались промышленностью... Не было ни сознания единства, ни сознания своей силы, своей роли в государстве, своей связи с ним... Они оставались не субъектом, а объектом власти... Как класс, буржуазия не могла быть уничтожена, ибо его не было». Другое дело теперь — «нарастает чувство взаимной связи, выковывается государственное сознание, сознание своей связи с государством, своих обязанностей перед ним, но и своих прав, а, главное, создается готовность, решимость в борьбе за эти права. Мы наблюдаем, ощущаем это здесь»... (См. доклад проф. В. Б. Ельяшевича: «Социальные и правовые последствия русской революции», стр. 3).

А почетный председатель съезда П. П. Рябушинский, упоминая о деятелях мартовской революции, попрекнул их за то, что они «не проявили твердости характера и государственной воли и {278} стали сентиментальничать, когда было нужно применять решительные меры и даже пулеметы. Психологический момент был потерян, и Россия покатила под гору, нагромождавая на своем пути горы трупов». (См. «Материалы» Съезда, стр. 6).

Россия и сейчас не перестает катиться под гору. Но чтобы задержаться на том пункте, до которого она успела докатиться и который многие склонны воспринимать как поворотный, — не требуются сейчас ни пулеметы, ни иные героические средства. Требуется действие «задерживающих центров», чтобы затормозить через чур беззаботную

игру личных интересов. Сумеют ли «люди, которые торговали и занимались промышленностью» воздержаться от своекорыстного использования «психологического момента», обнаружит ли они в себе, такую «решимость»?.. От этого в известной степени зависит не только положение советской власти в ближайшее время, но и то, какие силы сменят большевизм: пойдет ли после него Россия к возрождению и восстановлению или к дальнейшему вырождению. (*Уже после того, как были написаны эти строки, появилась резолюция Совета Российского Финансово-Торгово-Промышленного Союза, в которой указывается, что «русский и иностранный капитал не может и не должен идти на работу в Россию, как в виду полного отсутствия каких бы то ни было гарантий неприкосновенности имущественных прав, так и в виду невозможности сколько-нибудь продуктивной работы в условиях неслыханной хозяйственной разрухи, созданной и поддерживаемой террором советской власти». К сожалению, слово и дело далеко не всегда совпадают не только в жизни отдельных лиц, но и в практике отдельных «групп».*)

Обречена ли Россия идти путем хищнического «первобытного капитализма», предначертанным ей почти одновременно Лениным на X коммунистическом съезде в Москве и Бубликовым, членом торгово-промышленного съезда, в Париже {288} («Общ. Дело» 15.V.1921); или ей предстоит частично — и «остиндийский» путь?.. Британский представитель в Москве мистер Ходсон сообщает об учреждении «Российского Экспортно-импортного товарищества» для внешней торговли между Россией и иностранными государствами. «Times» от 21.X прибавляет, что Товарищество рассматривается, как первый шаг в освобождении внешней торговли России от опеки Комиссариата Внешней Торговли.

Другим шагом по тому же пути явится признание иностранного денежного знака официальным платежным средством в советской России: уже проектируется декрет о предоставлении помещения в советских гостиницах вне очереди в случаях уплаты в иностранной валюте... Или оправдается условный прогноз Каутского: «если демократии не удастся принудить коммунизм к уступкам, бедному, измученному народу России, предстоит опуститься к жесточайшему и мрачнейшему варварству... Грозит опасность, что новое правительство будет исключительно слабо, настолько, что оно не будет в состоянии предотвратить погромов против евреев и коммунистов, — даже если бы оно того хотело. При этом стране угрожает растворение в полной анархии... Это ни в коем случае, не выдуманные перспективы. И можно понять, что существуют социалисты, которые говорят, как бы плох ни был большевизм, то, что угрожает придти после него, еще хуже и поэтому мы должны защищать большевизм, как меньшее зло. Это было бы совершенно правильно, если бы от нас зависел выбор. Но большевизм сам роет свою могилу и чем дольше он останется у руля, продолжая свою прежнюю политику, тем ужаснее будет положение, которое наступит после его заключительного конца» (K. Kautsky: «Von der Democratie zur Staats-Sklaverei». — 1921. — S. 83, 73 et 79)?.

Что бы ни случилось, — но *ленинский*, маневренный период {289} советской власти кончился, дошел «до отказа», исчерпал себя без остатка, до крайнего физического предела. Уступать больше нечего, лавировать больше негде. И если Лубянка даже одолеет Кремль, и на время снова восторжествует «старый курс», — большевистская власть неминуемо снова вернется к тому же политическому тупику, в котором очутилась сейчас.

Этот вывод не от благодушного «оптимизма» или благочестивой легенды о том, что все худшее позади, а впереди лишь благоухающие розы. Нет, случилось худшее: Карфаген, обреченный гибели, — увы, не взят, а предоставлен своим внутренним процессам и своему собственному падению...

Сгнивая на корню, заживо, большевизм заражает продуктами своего тлена и распада всю окружающую социально-политическую атмосферу. Это ли основание к оптимизму?..

ТОГО ЖЕ АВТОРА :

Къ 'вопросу о судебной ответственности министровъ. — Ярославль. — 1914 г.

Личность въ правъ. — 2-ое издание. — Петроградъ. — 1917 г.

Автономія и федерація. — Петроградъ. — 1917 г.

Учредительное Собрание и пропорціональное представительство. — Петроградъ. — 1917 г.

Le Régime Soviétiste. — Etude juridique et politique. — Paris. — 1920.

La Protection des droits des Minorités dans les traités internationaux 1919 — 1920. — Paris. 1921.

ЦѢНА: 8 ФР.

Складъ изданія:

Société anonyme de Presse, de Publicité et d'Éditions
22, rue d'Anjou — Paris.